

50

ЗНАМЕНИТЫХ

УБИЙСТВ

100 знаменитых

Александр Фомин

50 знаменитых убийств

«Фолио»

2005

Фомин А. В.

50 знаменитых убийств / А. В. Фомин — «Фолио», 2005 — (100 знаменитых)

Эдуард V и Карл Либкнехт, Улоф Пальме и Григорий Распутин, Джон Кеннеди и Павлик Морозов, Лев Троцкий и Владислав Листьев... Что связывает этих людей? Что общего в их судьбах? Они жили в разные исторические эпохи, в разных странах, но закончили свою жизнь одинаково — все они были убиты. Именно об убийствах, имевших большой общественно-политический резонанс, и об убийствах знаменитых людей пойдет речь в этой книге. На ее страницах вы не найдете леденящих душу подробностей преступлений маньяков и серийных убийц. Информация, предложенная авторами, беспристрастна и правдива, и если существует несколько версий совершения того или иного убийства, то приводятся они все, а уж какой из них придерживаться — дело читателей.

© Фомин А. В., 2005

© Фолио, 2005

Содержание

От авторов	5
ДРЕВНИЙ РИМ	7
ВЛАСТЬ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ	7
ГНЕЙ ПОМПЕЙ МАГН	7
ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ	18
ГАЙ ЦЕЗАРЬ ГЕРМАНИК КАЛИГУЛА	26
БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ	32
АНГЛИЯ	36
БЕКЕТ ТОМАС	36
ЭДУАРД II ПЛАНТАГЕНЕТ	42
ЭДУАРД ПЯТЫЙ	48
БЕКИНГЭМ ДЖОРДЖ	55
ФРАНЦИЯ	61
В ЖЕРТВУ ВЕРЕ	61
КОЛИНЬИ ГАСПАР ДЕ ШАТИЙОН	61
ГЕНРИХ III ВАЛУА	66
ГЕНРИХ IV БУРБОН	72
В ЖЕРТВУ ИДЕЕ	79
МАРАТ ЖАН ПОЛЬ	79
НАЧАЛО КАТАСТРОФЫ	86
ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД	86
...И УМЕРЛИ В ОДИН ДЕНЬ	91
ЛИБКНЕХТ КАРЛ	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александр Фомин, Владислав Миленький

50 знаменитых убийств

От авторов

Смерть – самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни.

Н.А. Бердяев.

Как часто в наших повседневных разговорах, ссорах и дразнях мы подчеркиваем негативные качества человека, используя «зоологические» эпитеты! Не реже подобные сравнения мы встречаем и в литературе. Хитрость лисы, коварство змеи, жестокость волка, подлость шакала... Между тем мы забываем об общеизвестном факте: убийство себе подобных, как массовое явление, не характерно для всех этих «нехороших» животных. Незнакомые с человеческой моралью представители животного мира крайне редко убивают особей своего вида. Большинство конфликтов среди животных, будь то ссора из-за места проживания, драка за добычу или брачный поединок, крайне редко заканчиваются гибелью проигравшего. Напротив, в моральных устоях большинства человеческих сообществ убийство считается одним из самых тяжелых преступлений. И тем не менее, люди убивают друг друга сплошь и рядом. Из-за денег или в борьбе за власть, в приступе гнева, из мести или для собственного удовольствия. Даже в тех случаях, когда основным мотивом убийства является высокая идея, «моральность» такого поступка не может не вызывать сомнений.

На страницах этой книги вы не найдете леденящих душу подробностей преступлений маньяков и серийных убийц. Мы не станем потакать сознательному или подсознательному желанию прославиться, характерному для многих из этих психически больных людей. В основном здесь собрана информация об убийствах, имевших большой общественно-политический резонанс, и убийствах знаменитых людей. Не удивительно, что большинство статей посвящено гибели государственных деятелей разных времен: от Древнего Рима и до наших дней. Шведский политик 17 века граф Аксель Оксеншерн писал: «Подвергаться смертельной опасности для того, чтобы остаться в истории – значит заплатить жизнью за каплю чернил». Но во все времена хватало людей, которые считали иначе. Мы внесем свою скромную лепту в ту каплю чернил, за которую они отдали жизнь.

Практически в каждой статье мы старались не только рассказать о самом убийстве, но и кратко изложить биографию героя, по возможности описать политическую ситуацию, и роль, которую играли в ней упоминающиеся лица, изложить возможные мотивы преступления, рассказать о последствиях убийства и дальнейшей судьбе преступников. Кроме того, во всех случаях, по поводу которых среди исследователей (когда речь идет о преступлениях далекого прошлого) или следователей (если рассказывается о современных событиях) нет единого мнения, мы старались беспристрастно рассматривать все обнаруженные нами точки зрения.

Большинство статей собрано в разделы. В ряде случаев мы хотели не только описать отдельных людей и обстоятельства их смерти, но и дать краткую характеристику какой-либо эпохи в истории некоторых стран. Поэтому мы рекомендуем последовательно читать статьи, входящие в один раздел. Особенно сильно связаны между собой статьи из следующих разделов: «Франция. В жертву вере» (описаны события во Франции в эпоху религиозных войн), «Иван Грозный и его «наследники» (обстоятельства жизни и смерти Ивана Грозного, Ивана и

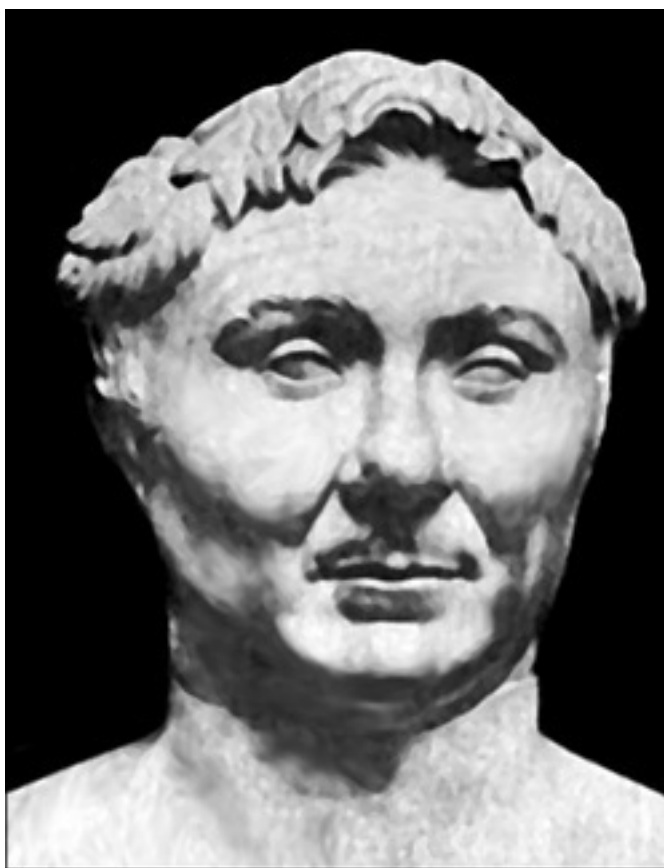
Дмитрия – его сыновей, Лжедмитрия I и II), «Жертвы террора» (посвящен деятельности революционных террористических организаций в России), «Индия».

ДРЕВНИЙ РИМ

ВЛАСТЬ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

ГНЕЙ ПОМПЕЙ МАГН

(106–48 до н. э.)

Римский полководец и политик. После отказа сената утвердить его мероприятия на Востоке и наделить его солдат землей в 60 г. до н. э. вошел в соглашение с Крассом и Цезарем (1-й триумvirат). После распада триумvirата (53) воевал против Цезаря. В 48 г. до н. э. победил его при Диррахии (Эпир), но затем был сам разбит Цезарем при Фарсале (Фессалия). Бежал в Египет, где был убит приближенными царя Птолемея Диониса.

Окончательный разгром Карфагена в 146 г. до н. э. сделал Рим крупнейшей средиземно-морской державой, владевшей множеством колоний, число которых увеличивалось в результате новых военных успехов. Воины промышляли грабежом захваченных территорий. Большая же часть гражданских лиц вела праздный образ жизни, пользуясь результатами труда рабов и жителей многочисленных колоний. В связи с этим политика была одним из любимых занятий среднестатистического гражданина: материальные блага нужно было как-то делить. На поли-

тической арене Рима сформировались две противоборствующие политические партии: оптиматы, защищавшие интересы патрициев, и популяры, действующие в интересах плебеев.

«Политика – самое грязное дело» – эту или похожие по смыслу фразы можно постоянно слышать от людей самых разных возрастов, убеждений и профессий, в том числе, как это ни странно, и от самих политиков. Политическая борьба в Древнем Риме была, пожалуй, даже более острой, беспринципной и жестокой, чем в настоящее время. Интриги, клевета, подкуп избирателей и государственных деятелей всех уровней, запугивание оппонентов и, наконец, политические убийства – не изобретение наших дней. Все эти способы политической борьбы процветали в Древнем Риме.

При этом следует помнить, что моральные нормы Древнего Рима сильно отличались от современных. Поэтому давайте попытаемся посмотреть на Помпея и его современников с беспристрастностью, право на которую дали нам века, прошедшие с тех пор, и не будем делить персонажей на положительных и отрицательных.

Гней Помпей Магн по праву считается одним из величайших полководцев в истории человечества. За свою жизнь он выиграл более десятка различных войн, а проиграл только одну. Нежелание смириться с этим поражением и стало для него роковым.

К отцу Помпея, Страбону, римляне не питали теплых чувств. Он был прекрасным воином и полководцем, но его ненасытное корыстолюбие вызвало такую сильную ненависть со стороны народа, что после смерти его тело было сброшено толпой с погребального ложа и осквернено. Тем удивительней отношение сограждан к Помпею. С юных лет и до самой смерти он пользовался любовью и уважением народа. В молодости его привлекательная внешность (окужающие находили, что юноша похож на изображения Александра Македонского) располагала еще до того, как Помпей начинал говорить. Окружающие также с симпатией относились к его скромности и простоте в быту – качеству, которому Помпей не изменил до конца своих дней.

В возрасте девятнадцати лет Помпей участвовал вместе со своим отцом, Страбоном, в гражданской войне. Многочисленные гражданские войны – еще одна не самая привлекательная черта отношений между политическими лидерами того времени. Уже тогда молодой Помпей проявил отвагу и умение общаться с солдатами. Однажды ночью воины, недовольные действиями Страбона, подняли мятеж и хотели покинуть своего полководца. Страбон, напуганный происходящим, побоялся выходить из палатки. Но Помпей, который сам только что едва избежал покушения, вышел к воинам и сумел уговорить большинство из них не покидать отца.

После смерти Страбона Помпея привлекли, вместо умершего, к суду по делу о хищении государственных денег. Помпей смог выяснить и доказать, что большая часть денег похищена вольноотпущенником¹ его отца Александром. Вещи же и книги, присвоенные Страбоном в походе и доставшиеся Помпею, были похищены при следующих обстоятельствах: после того как в Рим вернулся Цинна², его телохранители ворвались в дом к Помпею и разграбили его (что тоже было вполне нормальным явлением). Во время судебного разбирательства Помпей продемонстрировал сообразительность и ум, вызвавшие восхищение претора³ Антистия, который был судьей на процессе. Антистий предложил в жены Помпею свою дочь, Антистию, и тот принял это предложение. Стоит ли говорить о том, что приговор был оправдательным.

В это время к власти в Риме пришли популяры. Помпей собирался стать на их сторону, но подвело происхождение. Популяры не очень-то доверяли представителю знатной семьи. Поэтому Помпей покинул Рим и поселился в италийской области Пицене, где у него имелись обширные земельные владения.

¹ Вольноотпущенник – отпущенный на свободу или выкупившийся раб, остававшийся при своем бывшем владельце.

² Цинна – консул, бывший противником Страбона в гражданской войне.

³ Преторы – высшие после консулов должностные лица, ведавшие судопроизводством.

Вскоре разгорелась новая гражданская война. Два знаменитых полководца того времени – Марий, происходивший из небогатой семьи и опиравшийся на поддержку популяров, и Луций Корнелий Сулла, потомок разорившегося аристократического рода, поддерживаемый оптиматами, – оспаривали право возглавлять римские войска в войне с понтийским⁴ царем Митридатом VI Евпатором. Война эта обещала славу и богатство. Сулла был моложе и занимал должность консула⁵. Кроме того, в нескольких последних войнах он снискал себе громкую славу и популярность среди воинов. Поэтому именно ему, скорее всего, должно было достаться руководство этой многообещающей кампанией. Понимая это, популяры устроили вооруженный мятеж, и Сулла, загнанный погоней в дом Мария, был вынужден пойти на ряд уступок, в том числе и перепоручить поход против Митридата Марию. Однако амбициозный Сулла не собирался сдаваться. Усыпив бдительность Мария, он бежал из Рима и сумел добраться до Нолы, места дислокации войск, раньше направленных туда военных трибунов⁶, которые должны были принять войско и привести его к Марию. Узнав о случившемся, воины отказались подчиниться военным трибунам. В это время сторонники Мария в Риме начали преследовать и грабить друзей Суллы. Появились беглецы. Часть бежала из города в лагерь, часть – наоборот. Сулла поднял войска и повел их на Рим, чего в истории «вечного города» еще никогда не случалось.

В это время на арене и появился наш герой. Помпей наблюдал за происходящей борьбой и видел, что в лагерь Суллы бежит все больше знатных и богатых людей. В конце концов он тоже решил примкнуть к оптиматам. Но предпочел явиться к Сулле, оказав ему важную услугу. Опираясь на связи своего отца с зажиточными гражданами Пицен, Помпей убедил их не подчиняться находящемуся тогда у власти Карбону, лидеру популяров, и перейти на сторону Суллы. Собрав три полных легиона⁷, Помпей двинулся на встречу с Суллой, по пути постоянно вступая в сражения с превосходящими его силами популяров и выходя из них победителем.

При воссоединении войск произошел интересный эпизод. Приветствуя Суллу, Помпей по обычаю назвал его императором⁸, а Сулла, в свою очередь, наградил Помпея этим же титулом, за который он, собственно, и сражался с Марием. Учитывая молодость Помпея (ему в это время по разным источникам было 20–23 года) и то, что он даже не был сенатором, этот случай можно назвать беспрецедентным.

Став по окончании войны диктатором⁹, Сулла предложил Помпею развестись с женой и жениться на своей падчерице Эмилии. Эмилия, к слову, на тот момент была уже замужем и находилась «в положении». Скорее всего, Помпей просто не мог отказаться от подобной «честь», чем сам стремился к этому браку. Но, так или иначе, брак был заключен.

Через некоторое время популяры во главе с Карбоном и Перпенной снова смогли собрать войска и укрепиться в Сицилии. Против них во главе большого войска был послан Помпей. Практически без боя овладев Сицилией, Помпей, возможно, боясь быть заподозренным в симпатии к популярам, казнил самых известных противников Суллы, при этом не мешая, а то и помогая скрыться остальным. После этого Помпей получил приказ отправиться в Африку, где, проявив незаурядный тактический талант, разбил двадцатитысячное войско, собранное еще одним популяром Домецием. Победой над Домецием военные подвиги Помпея не ограничились, и он предпринял поход в Нумидию, чем расширил владения империи и укрепил власть римлян в Африке. В это время Помпею было двадцать четыре года.

⁴ П о н т – государство в северной части Малой Азии. За время правления Митридата VI Евпатора достигло расцвета.

⁵ К о н с у л ы – верховные должностные лица. Два консула выбирались сроком на один год.

⁶ В о е н н ы е трибуны – выборная командная должность в древнеримской армии.

⁷ Л е г и о н – основное подразделение римского войска, включающее 4,5–10 тыс. человек.

⁸ Первоначально и м п е р а т о р – почетный титул полководца.

⁹ Д и к т а т о р – лицо, наделенное практически неограниченными полномочиями, выбирался сенатом в случае внешней или внутренней опасности.

Возвратившись с войском на родину, Помпей получил от Суллы приказ распустить войско. Воины, несмотря на уговоры Помпея, отказывались его покинуть. В конце концов Помпею даже пришлось пригрозить, что он покончит с собой, если войско не перестанет бунтовать. После этого Сулла, уже было испугавшийся, что молодой полководец использует свою популярность в войске для захвата власти, устроил ему пышный прием и прибавил к его имени прозвище Магн (Великий). Первое время Сулла, правда, не позволял Помпею отпраздновать триумф¹⁰, но потом, возможно, испугавшись влияния, которое оказывал молодой полководец на войско, согласился. Так в двадцать четыре года Помпей удостоился триумфа. Еще один уникальный эпизод в его судьбе.

После смерти Суллы (в 78 г. до н. э.), один из консулов, Лепид, собрал вокруг себя бывших сторонников Мария и поднял восстание против сената. Помпей был назначен командующим и легко расправился с повстанцами. После победы Помпей отказался распускать войска и добился разрешения отправиться в Испанию, чтобы принять участие в подавлении антиримского восстания, возглавленного Серторием. Получив такое разрешение и прибыв в Испанию, Помпей принял активное участие в военных действиях. Но тут его чуть было не подвели собственные амбиции. На реке Сурконе Помпей поспешил вступить в сражение с основными силами Сертория, не дожидаясь прибытия войск второго римского полководца Метелла, с которым не хотел делить славу. К концу дня победитель не определился, но ближе к победе были войска Сертория. Сам Помпей чуть было не погиб в этой битве. А на следующий день прибыли войска Метелла и Серторий отступил.

Восстание с переменным успехом продолжалось, пока Серторий не был убит предателями, во главе которых стоял Перпена. Тот самый Перпена, который уступил в свое время Помпею Сицилию. Возглавив повстанцев, Перпена повел дела не так умело, как его предшественник, и вскоре был разбит Помпеем, опять проявившим свой стратегический талант. В решающем сражении Помпей выслал вперед десять когорт¹¹ в качестве приманки, а когда Перпена напал на них и стал преследовать, подвел основные войска.

Возвращение Помпея в Италию совпало с восстанием рабов. Римский полководец Марк Красс разбил повстанцев, а остатки войска попали в руки Помпея, который распял более пяти тысяч пленных на крестах и написал в сенат, что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем.

Римляне опасались, что Помпей пойдет по стопам Суллы и, воспользовавшись войском, захватит власть, но Помпей объявил, что распустит войска сразу после триумфа.

В 71 году до н. э. был отпразднован второй триумф Помпея, а в 70-м Помпей и Красс были избраны консулами. Во время консульства Помпей изменил свои политические взгляды и перешел на сторону популяров. Он восстановил должность народных трибунов, отмененную Суллой, что увеличило его и без того большую популярность в народе. За время консульства отношения между Помпеем и Крассом, которые никогда не были гладкими, стали еще напряженнее.

Но политические таланты Помпея сильно уступали его талантам полководца. Поэтому после окончания срока консульства Помпей был назначен командующим в войне с пиратами.

Обосновавшись на Юго-Восточном побережье Малой Азии, пираты воспользовались гражданскими войнами в самой Италии и, захватив господство на море, стали грабить прибрежные города. Подобное ремесло стало настолько выгодным, что многие знатные и состоятельные люди становились пиратами. Морская торговля на Средиземном море стала невозможной, и Рим столкнулся с недостатком продовольствия. Поэтому был принят законопроект,

¹⁰ Торжественное вступление в столицу полководца-победителя с войском.

¹¹ К о г о р т а – конное подразделение, состоящее из 360–600 всадников. Легион состоял из десяти когорт.

предоставлявший Помпею командование флотом, неограниченные полномочия в провинциях, возможность брать любое количество денег из казначейства.

Вера римлян в Помпея была настолько большой, что, когда законопроект был обнаружен, упали цены на продовольствие. Помпей собрал флотилию из пятисот кораблей. Затем, разделив все Средиземное море на тринадцать участков, он расположил в каждом из них определенное количество кораблей с начальником во главе. Таким образом было захвачено много пиратских кораблей. Некоторые пираты сдались Помпею. Он забрал их корабли, не причинив вреда команде, что послужило примером для многих других. Главная битва с пиратским флотом состоялась у крепости Коракесия в Малой Азии. Потерпев поражение в морском сражении, пираты укрылись в крепости, были осаждены и вскоре сдались. Удивительно, что Помпей не покарал пиратов, а расселил их в отдаленных от моря местах.

В это время произошли события, сыгравшие в дальнейшей жизни Помпея негативную роль. Один из народных трибунов, Манилий, предложил закон, согласно которому Помпею передаются все провинции и войска, во главе которых стоял Лукулл – полководец, который уже восемь лет вел войну с Митридатом. Знатные римляне понимали, что такие меры незаслуженно обидят Лукулла, добившегося в войне многих успехов и сделавшего окончательную победу над Митридатом делом времени, но, опасаясь гнева народа, уклонились от обсуждения законопроекта. В результате закон был принят. Прибыв в провинции, Помпей принялся демонстрировать, «кто в доме хозяин», всюду отменяя указы Лукулла. Кроме того, он открыто издевался над подвигами Лукулла, нажив в лице последнего опасного противника.

После отъезда Лукулла Помпей выступил против Митридата. Эта война оказалась достаточно продолжительной. Несколько раз Помпей разбивал войска Митридата, но тот собирал все новые силы. Преследуя Митридата, Помпей вторгся в Армению, царь которой, Тигран, предпочел подчиниться римлянам. Преследование Митридата продолжалось через Албанию и Иберию, находящиеся на территории современного Азербайджана и Грузии. Попутно Помпей разбил в сражениях и альбанов, и иберов. Но Митридат укрылся на Киммерийском Боспоре, современном Керченском полуострове.

Вернувшись в Малую Азию, Помпей покорил Сирию и Иудею. Но, не разбив окончательно Митридата, нельзя было считать войну законченной. А захватить понтийского царя на Керченском полуострове было бы непросто. Тут Помпею помог случай: сын Митридата Фарнак поднял восстание против своего отца, армия приняла стороны восставших и, после того, как столица Пантикапей (современная Керчь), была захвачена повстанцами, Митридат покончил с собой. Эти события позволили Помпею вернуться в Италию.

В Риме поползли слухи о том, что Помпей собирается использовать войска для установления единовластия. Многие богатые граждане, в том числе и Красс, стали покидать столицу. Но Помпей сразу по прибытии в Италию приказал воинам разойтись до празднования триумфа по домам. Узнав об этом, жители городов выходили навстречу Помпею, и когда полководец входил в Рим, его сопровождала восторженная толпа, превышавшая по численности распущенное войско. Так что, задумай Помпей совершить государственный переворот, он мог бы сделать это и без помощи войска.

Третий триумф Помпея, длившийся два дня, был грандиозен. Впереди шествия несли таблицы, на которых обозначались страны, покоренные полководцем: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, Иберия, Альбания, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия. Далее было написано, что Помпей захватил не менее тысячи крепостей, девятьсот городов, восемьсот кораблей у пиратов. Также указывалось, что до похода доходы от податей составляли пятьдесят миллионов драхм, а захваченные Помпеем земли принесут восемьдесят пять миллионов. Больше же всего славы Помпею принесло то, что свой третий триумф он праздновал как бы уже за победу над третьей частью света: первый был за победу над Африкой, второй – над Европой и третий – над Азией.

Казалось бы, имея громадную популярность во всех слоях общества, Помпей был просто обречен на блистательную политическую карьеру. Но еще раз приходится признать, что Помпей-полководец и Помпей-политик – фигуры разного масштаба. Именно в это время, когда Помпей, казалось, находился на вершине славы и могущества, и начались события, приведшие через некоторое время к его убийству.

У Помпея начались политические неприятности. Сенат устроил Лукуллу торжественный прием в Риме и стал побуждать полководца, оскорбленного Помпеем, к политической деятельности. Таким образом сенаторы собирались ограничить влияние Помпея. После возвращения Помпея в Рим Лукулл стал отстаивать правильность своих указов в Азии, отмененных Помпеем, и сенат во всем признал его правоту. Не имея поддержки в сенате, Помпей был вынужден искать сторонников среди народных трибунов и очень быстро попал в зависимость от некоего Клодия, который стал активно пользоваться популярностью Помпея в своих целях, а затем предал его.

В это время в политическую жизнь Рима активно вмешался Гай Юлий Цезарь. Он смог примирить старинных противников – Помпея и Красса – и заключил с ними в 60 году до н. э. тайный союз, триумвират. Для укрепления союза Помпей женился на дочери Цезаря – Юлии. Деньги Красса, влияние, которое оказывал на армию Помпей, и расположение простолудинов, которое уже успел завоевать щедрыми подачками Цезарь, – все это вместе было политической силой, противостоять которой было практически невозможно. Согласно замыслам триумвиров, Цезарь был избран консулом на 59 год до н. э.

Став консулом, он тотчас же предложил законопроект об основании колоний и раздаче земель, призванный улучшить положение «бедняков и неимущих». «Бедняками и неимущими» в основном почему-то оказались 20 тысяч ветеранов Помпея. Против этого законопроекта выступил второй консул 59 года – Бибул, но Помпей выступил в защиту законопроекта и даже пообещал защищать его с мечом в руках. Через некоторое время воины Помпея напали на Бибула, когда тот спускался на форум¹² вместе с Лукуллом и Катон¹³. Катон – человек, всегда стоящий на стороне закона, пытался оказать хоть какое-то сопротивление триумвирату. В результате нападения было ранено двое народных трибунов, а запуганный Бибул на восемь месяцев заперся у себя в доме и не появлялся для выполнения своих обязанностей консула.

После этого Цезарь и Помпей уже без помех провели законопроект, вызвавший, надо заметить, одобрение народа. Воспользовавшись этим, Цезарь смог, что называется «под шумок», добиться принятия еще нескольких, более сомнительных, решений. Так, например, были утверждены спорные распоряжения, сделанные Помпеем в Азии, когда тот пришел на смену Лукуллу. По окончании консульства Цезарь получил в управление на пять лет провинцию Галлию. Консулами на следующий год были избраны Пизон, тесть Цезаря, и Габиний, ставленник Помпея.

Цезарь, уезжая в свою провинцию, позаботился о том, чтобы Помпей не стал единоличным властителем Рима. Он поручил Клодию всячески мешать Помпею. Клодий с азартом взялся за дело. Он затеял несколько судебных процессов против сторонников Помпея. Когда же тот пожелал лично выступить на одном из процессов, подкупленная Клодием толпа не дала Помпею говорить, крича и обвиняя его в тирании.

Дело дошло до вооруженных столкновений. Одного из рабов Клодия поймали, когда тот пытался подобраться к Помпею с мечом в руках. На улицах города то и дело происходили стычки между сторонниками Клодия и солдатами Помпея. Помпей смог добиться возвраще-

¹² Ф о р у м – площадь в Риме, ставшая центром политической жизни.

¹³ Катон (95–46 до н. э.) – римский политический деятель, судебный оратор, философ, известный своей справедливостью и неподкупностью.

ния в Рим изгнанного Клодием Цицерона¹⁴. Цицерону удалось примирить Помпея с сенатом. Сенат принял решение поручить Помпею снабжение хлебом Рима, страдавшего от недостатка продовольствия. Помпей блестяще справился с этой задачей, спас город от голода и снова сделался популярной фигурой в глазах римлян.

Тем временем Цезарь обогатился во время войн в Галлии. Большую часть военной добычи он отсылал в Рим для раздачи народу и подкупа политических деятелей. Он сумел, оставаясь за пределами Италии, незримо противостоять Помпею в политических играх.

В 56 году Цезарь пригласил Помпея и Красса в Луку (город в северной Италии), где стояли на зимовке его войска. Между триумвирами было заключено новое соглашение. Согласно ему, Помпей и Красс должны были добиваться консульства. Цезарь обещал послать в Рим большой отряд солдат для голосования. После этого Цезарь должен был получить в свое распоряжение Галлию еще на пять лет, чтобы завершить войну. Во время предвыборной борьбы произошел неприятный инцидент. Все претенденты, кроме некоего Луция Домиция, отказались от попыток составить триумвирам конкуренцию на выборах. На стороне Домиция выступил Катон, видя, что приход к власти триумвиров приведет к тирании. Боясь, что Катон сможет настроить против них сенат и часть народа, Помпей подослал вооруженных людей, которые напали на свиту Домиция. В стычке получил ранение и сам Катон.

Получив таким способом должности консулов, Помпей и Красс добились продолжения полномочий Цезаря на следующие пять лет. Крассу была предоставлена для ведения войны против парфян¹⁵ Сирия. Помпею – Ливия, Испания и четыре легиона, два из которых он отправил Цезарю для участия в Галльской войне. По окончании срока консульства Красс отправился в Сирию. Помпей же поручил управление провинциями легатам¹⁶, а сам попытался увеличить свою популярность в Риме. Не так давно он дал Риму хлеб, дело оставалось за зрелищами. Помпей построил театр и провел в нем редкие по своему размаху игры. Например, во время травли диких зверей было убито пятьсот львов, а под конец была показана битва со слонами.

Как и следовало ожидать, триумвират оказался колоссом на глиняных ногах. В его основе лежал страх каждого из участников союза перед остальными. И вскоре произошли события, приведшие к падению колосса. В 53 году до н. э. Красс потерпел поражение в войне с парфянами, был приглашен их царем будто бы для заключения мира и вероломно убит. Незадолго до этого во время родов умерла жена Помпея (дочь Цезаря) Юлия. Ребенок тоже вскоре скончался. Более ничто не могло удержать Помпея и Цезаря от открытого противостояния. Здесь хочется процитировать Плутарха, который и без того является основным источником сведений об описываемых событиях, дословно: «Нет, для человеческой природы любого счастья мало! Насытить и удовлетворить ее невозможно, поскольку даже такая огромная власть, распространявшаяся на столь обширное пространство, не могла утишить честолюбия этих двух людей... они считали, что для них двоих не хватает всей римской державы».

В Риме тем временем царил хаос. Постоянно происходили вооруженные стычки на политической почве. Даже сторонники республиканского строя, оптиматы, понимали, что для устранения беспорядков необходимо единовластие. Кроме того, возникла опасность, что Цезарь после окончания сроков его полномочий не распустит боготворившие его войска и попытается с их помощью захватить власть. В конце концов Помпей, вопреки обычаям, был избран единственным консулом. Удивительно, что за это решение активно выступал бывший противник Помпея Катон, лишняя раз доказав, что общественные интересы для него важнее личных амбиций. Вступив в должность, Помпей начал судебные процессы о подкупах и взяточ-

¹⁴ Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) – римский политический деятель, оратор и писатель.

¹⁵ Парфянское царство – государство в 250 до н. э. – 224 н. э. к юго-востоку от Каспийского моря. Название от парфян – иранского племени.

¹⁶ Легат – назначавшийся сенатом посол или уполномоченный.

ничестве, сам председательствовал на этих процессах под охраной войск и тем самым добился порядка в судах. Жертвами, впрочем, далеко не невинными, ряда из этих процессов стали многие сторонники Цезаря.

Через некоторое время порядок в Риме был восстановлен. По окончании консульства сенат продлил Помпею срок управления провинциями еще на четыре года и выделил ему по тысяче талантов в год на содержание войска. Таким образом, положение Помпея стало гораздо более выгодным, чем у Цезаря, срок полномочий которого в Галлии подходил к концу. Цезарь же находился в затруднительном положении. Оптиматы грозили привлечь его к суду сразу после возвращения из провинций. Для того чтобы избежать суда, Цезарь должен был либо добиться продления своих полномочий, либо стать консулом. Но добиваться должности консула заочно он не мог, об этом позаботился Помпей, проведя соответствующий закон. Под предлогом продолжения войны с парфянами Помпей также потребовал у Цезаря вернуть данные ему на время легионы. Получив требование, Цезарь сразу отпустил эти войска, предварительно щедро наградив каждого воина. Бдительность Помпея усыпили также рассказы некоего Аппия, приведшего легионы от Цезаря. Он ввел Помпея в заблуждение, заявляя, что войска недовольны командованием Цезаря и готовы подчиниться Помпею. После этих событий Помпей окончательно успокоился, считая, что его противник побежден, он открыто издевался над теми, кто боялся войны. На вопрос же, где войско, которое будет сражаться против Цезаря, если тот пойдет на Рим, отвечал, что стоит ему только топнуть ногой в любом месте Италии, как тотчас из-под земли появится войско.

Но Цезарь не собирался сдаваться. Ему удалось подкупить многих должностных лиц, среди которых были консул Павел и народный трибун Курион и его друг Марк Антоний. Они старались оттянуть сроки рассмотрения сенатом вопроса о смене командования в Галлии. Кроме того, они внесли довольно разумное предложение: либо лишить Помпея командования вместе с Цезарем, либо не лишать командования обоих. Но оптиматы и Помпей добились того, что это предложение не прошло. Помпей начал набирать войско, но здесь не все пошло так гладко, как он предполагал. Гражданская война вряд ли могла бы принести солдатам славу и деньги. Большинство воинов стали требовать примирения соперников.

Цезарь тем самым выиграл время, успел подвести часть войск к границе, захватил город Аримин и, перейдя Рубикон, повел свои войска на Рим. Как только об этом стало известно в Риме, сенат обратился к Помпею. Но основные войска Помпея находились в Испании и Ливии, и защищать столицу было некому. Один из сенаторов, напомнив о бахвальстве Помпея, предложил ему «топнуть ногой». Помпею ничего не оставалось, как снести эту горькую насмешку. С подачи Катона Помпея назначили главнокомандующим с неограниченными полномочиями. К своему предложению Катон прибавил, что виновник случившихся несчастий сам должен положить им конец.

Тем временем по всей Италии и в самом Риме началась паника и беспорядки. Помпей не смог навести в городе порядок и в конце концов, призвав сенаторов следовать за собой, покинул Рим. Через несколько дней в город вошел со своими войсками Цезарь. Надо отметить, что он, вопреки опасениям, повел себя достаточно мягко, чем вызвал расположение жителей Рима. Захватив государственную казну, Цезарь бросился преследовать Помпея, стремясь изгнать его из Италии до прибытия испанских войск.

Помпей захватил прибрежный город Брундизий, отправил своих доверенных лиц в Сирию собирать флот, а сам переправился в Грецию, где рассчитывал дожидаться прибытия войск из Испании. Многие, в том числе и Цезарь, считают, что этот поступок Помпея был ошибкой. Имея в своем распоряжении укрепленный город и ожидая прибытия большого подкрепления из Испании, он все-таки решил покинуть Италию.

Не имея возможности преследовать Помпея из-за отсутствия флота, Цезарь двинулся в Испанию, чтобы воспрепятствовать присоединению пяти расположенных там легионов к

армии противника. К чести Цезаря надо сказать, что с побежденными он вел себя вполне милосердно. Разбив войско Помпея в Испании, Цезарь отпустил военачальников на свободу, а солдат присоединил к своему войску. Из Испании Цезарь с войском двинулся в Брундизий, посетив по дороге Рим, где его провозгласили диктатором.

К тому времени Помпей сумел собрать большие силы: флот из пятисот кораблей, семь тысяч всадников и сорок пять тысяч пехотинцев. К его лагерю примыкало все больше и больше знатных римлян, среди которых, например, был и такой заслуживающий внимания персонаж, как Марк Брут, один из основных героев нашей следующей главы.

После прибытия в Брундизий Цезарь допустил сразу несколько оплошностей, чуть было не ставших для него роковыми. Не имея достаточного количества кораблей, Цезарь вместе с частью своих войск переправился в Грецию. Оставшиеся в Италии долгое время не могли последовать за своим полководцем, так как флот Помпея блокировал гавань Брундизия. Но Помпей упустил возможность и не напал на противника.

Однако даже после прибытия оставшегося войска положение Цезаря оставалось тяжелым. Флот Помпея господствовал на море, и за счет этого его армия была снабжена всем необходимым. Солдаты Цезаря начали испытывать недостаток продовольствия, поэтому он осадил приморский город Диррахия, через который к Помпею поступало продовольствие и подкрепление. У городских укреплений постоянно происходили стычки. Во время одной из них Помпей снова имел все шансы окончательно разделаться с противником. Воины Помпея совершили вылазку, и Цезарь был разбит. Его солдаты, потеряв больше тысячи товарищей, бросились бежать. Но преследовавший их Помпей не решился ворваться в лагерь врага и отступил. По этому случаю Цезарь сказал: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить».

После этой схватки Цезарь принял решение двигаться в глубь Фессалии¹⁷ против сторонника Помпея Сципиона. Между сторонниками Помпея возникли разногласия. Часть из них считала, что Цезарь бежит, и предлагала его преследовать, часть считала, что пора возвращаться в Италию. Многие уже стали делить государственные должности. Сам Помпей медлил. Он опасался встретиться с многоопытными воинами Цезаря в открытом бою, надеясь на то, что армия противника будет истощена длительной войной, недостатком продовольствия и тяготами походной жизни и в конце концов распадется сама. Но, уступив нажиму со стороны своих сторонников, Помпей начал преследование.

Между тем Цезарь захватил фессалийский город Гомфы и смог, тем самым, накормить свою армию.

5 июня 48 года до н. э. оба войска расположились лагерем на Фарсальской равнине. Силы были не равными. Под началом Помпея находились семь тысяч всадников и сорок пять тысяч пехотинцев. Цезарь располагал всего одной тысячей всадников и двадцатью двумя тысячами пехотинцев. Единственным преимуществом Цезаря было то, что его войско состояло из опытных воинов, прошедших Галльскую войну.

Утром 6 июня Цезарь собирался двинуться дальше, но тут разведчики доложили, что войска Помпея строятся в боевом порядке. Цезарь, дабы его солдаты во время предстоящей битвы не надеялись на отступление в лагерь, приказал срыть укрепления.

Почти всех своих всадников Помпей сосредоточил на левом фланге, против прославленного десятого легиона, в рядах которого сражался сам Цезарь. Увидев это, Цезарь поставил позади десятого легиона три тысячи опытных воинов-пехотинцев. Конница Помпея представляла собой цвет аристократической римской молодежи. Зная об этом, Цезарь приказал пехотинцам метать копья не в ноги врагам, как поступали в таких случаях обычно, а в лицо. Расчет оказался верен. Когда конница Помпея пошла в атаку, по сигналу Цезаря его всадники не ожи-

¹⁷ Фессалия – область на востоке Греции.

данно отступили, а пехотинцы двинулись на врага, бросая копья в лицо противнику. Молодые воины, особенно опасавшиеся за свою внешность, не выдержали и бросились бежать. Не обращая внимания на бегущих, десятый легион двинулся против пехоты Помпея и тоже обратил ее в бегство.

Догадавшись по облаку пыли о поражении своей конницы, Помпей полностью потерял контроль над собой. Забыв о том, что он – Помпей Магн, он перестал отдавать распоряжения своим войскам и медленно побрел в лагерь. Там он молча сидел в своей палатке и только, когда вслед за бегущим войском в лагерь ворвались преследователи, произнес: «Неужели уже дошло до лагеря?» Затем он снял одежду полководца, вскочил на коня и вместе с небольшой группой друзей пустился в бегство. Тут надо отметить чрезмерную самоуверенность сторонников Помпея. Вступив в лагерь помпеянцев, солдаты Цезаря обнаружили, что там все уже готово для празднования победы. В этой битве погибло около шести тысяч солдат Помпея. Потери Цезаря были незначительными и составляли, по некоторым данным, только 200 человек убитыми.

В сопровождении небольшого количества спутников Помпей достиг Темпейской долины, находящейся недалеко от Эгейского моря. На рассвете, переночевав в рыбацкой хижине, беглецы поднялись на борт небольшого речного судна, вышли в море и поплыли вдоль берега. Вскоре им повстречался большой торговый корабль, принадлежавший римлянину Петицию. Он не был сторонником Помпея, но в лицо полководца знал. Накануне Петицию якобы приснился Помпей, который явился в жалком виде и заговорил с ним. Матрос доложил о приближении речного судна как раз в тот момент, когда Петиций рассказывал спутникам об этом сне. По виду Помпея Петиций догадался о случившемся и без лишних слов пригласил беглецов подняться на борт.

Забрав жену, Корнелию, и сына с острова Лесбос, Помпей продолжил плавание и вскоре прибыл в памфилийский¹⁸ город Атталию. Здесь к Помпею присоединилось несколько триер¹⁹ и небольшое количество воинов. Помпей узнал, что Катон во главе большого войска переправился в Африку, а флот до сих пор находится в его распоряжении. Стало понятно, что еще не все потеряно. Но прежде чем собирать силы для продолжения борьбы, Помпею нужно было найти надежное убежище, так как было понятно, что Цезарь будет его преследовать. По поводу того, где именно стоит укрыться и начать сбор войск, среди спутников Помпея возник спор. Было рассмотрено несколько возможностей: Парфянское царство, Африка и Египет. Сначала было выбрано Парфянское царство, но по прибытии на Кипр выяснилось, что парфяне отказываются принимать Помпея, боясь мести со стороны Цезаря. В Египте в это время шла гражданская война. Птолемей Дионис вел войну против Клеопатры, своей сестры. Их отцу, Птолемею Авлету, Помпей в свое время оказал серьезную услугу: в 58 году до н. э. в Египте вспыхнуло восстание и царь бежал в Рим. Помпей помог Птолемею Авлету вернуть трон. Рассчитывая на благодарность его сына, Помпей решил отправиться в Египет.

В это время Птолемей Дионис стоял с войском у Пелусия, города в дельте Нила. Помпей отправил к царю гонца с известием о своем прибытии и просьбой о помощи. Но от самого Птолемея, который был еще очень молод, ничего не зависело. Государством управляли его опекуны, и наибольшее влияние из них имели евнух Потин и военачальник Ахилла. Чтобы решить, как поступать с Помпеем, Потин собрал воспитателей и придворных царя на совет. Мнения разделились. Часть присутствующих считала, что надо отправить беглецов восвояси, часть – что их, наоборот, нужно принять и оказать содействие. Но тут слово взял некто Теодот, учитель риторики. Желая, по словам Плутарха, показать свою проницательность и красноречие, он высказался примерно таким образом: «Оба предложения представляют опасность: ведь приняв Помпея, мы сделаем Цезаря врагом, а Помпея своим владыкой; в случае отказа

¹⁸ П а м ф и л и я – область в Малой Азии.

¹⁹ Т р и е р – военное судно с тремя ярусами весел.

Помпей поставит нам в вину свое изгнание, а Цезарь – необходимость преследовать Помпея. Поэтому наилучшим выходом из положения было бы пригласить Помпея и затем убить его. В самом деле, этим мы окажем и Цезарю великую услугу, и Помпея нам уже не придется опасаться. Мертвец не кусается». Это решение было одобрено советниками. Выполнение замысла поручили Ахилле.

И вот наступил последний день Помпея. К Пелусию подошли корабли Помпея. Ахилла на небольшой лодке направился им навстречу. С ним плыли несколько слуг и двое римлян: Септимий, который служил когда-то военным трибуном у Помпея, и Сальвий, который был у него центурионом. Увидев, что прием не отличается пышностью и навстречу кораблю плывет только несколько человек в лодке, спутники стали советовать Помпею немедленно повернуть корабль и выйти в море. В это время на стоящие у берега египетские корабли начали подниматься воины. Стало ясно, что спастись бегством не удастся. Между тем лодка Ахиллы приблизилась и Септимий приветствовал Помпея, назвав его императором. Ахилла сказал, что в этом месте очень мелко и пройти на триере невозможно, и пригласил Помпея сойти в лодку. Простившись с женой и сыном, Помпей приказал двум центурионам, вольноотпущеннику Филиппу и рабу Скифу, спуститься в лодку. Последние слова, с которыми Помпей, спускаясь в лодку, обратился к Корнелии и сыну, были отрывком из стихов Софокла:

«Когда к тирану в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг становится рабом».

Когда лодка отплыла от корабля, Помпей обратился к Септимию со словами: «Если не ошибаюсь, то узнаю моего старого соратника». Септимий только кивнул в ответ, но никаких дружеских чувств не продемонстрировал. По пути к берегу весь экипаж лодки соблюдал молчание, а Помпей читал свиток с текстом своего обращения к Птолемею. Когда лодка подплыла к берегу, к ней направилось большое количество придворных и воинов, как бы для торжественной встречи. Оставшихся на корабле спутников Помпея это ободрило. Собираясь подняться, Помпей оперся на руку Филиппа, и в этот момент Септимий ударил его мечом в спину. Сальвий и Ахилла тоже выхватили мечи. Помпей руками натянул на лицо тогу и, издав только стон, мужественно встретил смерть. Это произошло 28 сентября 48 года до н. э., на следующий день после того, как Помпею исполнилось 58 лет.

Увидев, что наихудшие опасения подтвердились, оставшиеся на кораблях подняли якоря и обратились в бегство. Уйти от погони им помог сильный попутный ветер.

Убийцы отрубили Помпею голову, а тело бросили в воду недалеко от берега. Филипп не покинул своего господина, он оставался возле трупа, пока не разошлись любопытные. Тогда он обмыл тело и обернул его своими одеждами. В качестве дров для погребального костра он использовал обломки старой лодки. Пока Филипп переносил и складывал обломки лодки, к нему подошел какой-то пожилой римлянин. «Кто ты такой, приятель, коли собираешься погребать Помпея Магна?» – спросил он. Филипп ответил, что он вольноотпущенник Помпея. «Эта честь не должна принадлежать одному тебе! – сказал старик. – Прими и меня как бы в участники благочестивой находки, чтобы мне не во всем сетовать на свое пребывание на чужбине, которое после столь тяжких превратностей дает мне случай исполнить, по крайней мере, хоть одно благородное дело – коснуться собственными руками и отдать последний долг великому полководцу римлян».

Через некоторое время в Египет прибыл Цезарь. Напрасно убийцы рассчитывали на его признательность. Цезарь отвернулся, когда Теодот принес ему голову Помпея. Взяв в руки кольцо с печатью бывшего соперника, Цезарь заплакал.

Тут Плутарх сообщает противоречивые сведения. В жизнеописании Помпея говорится, что Цезарь приказал казнить Ахиллу и Потина. В главе, посвященной Цезарю, говорится, что,

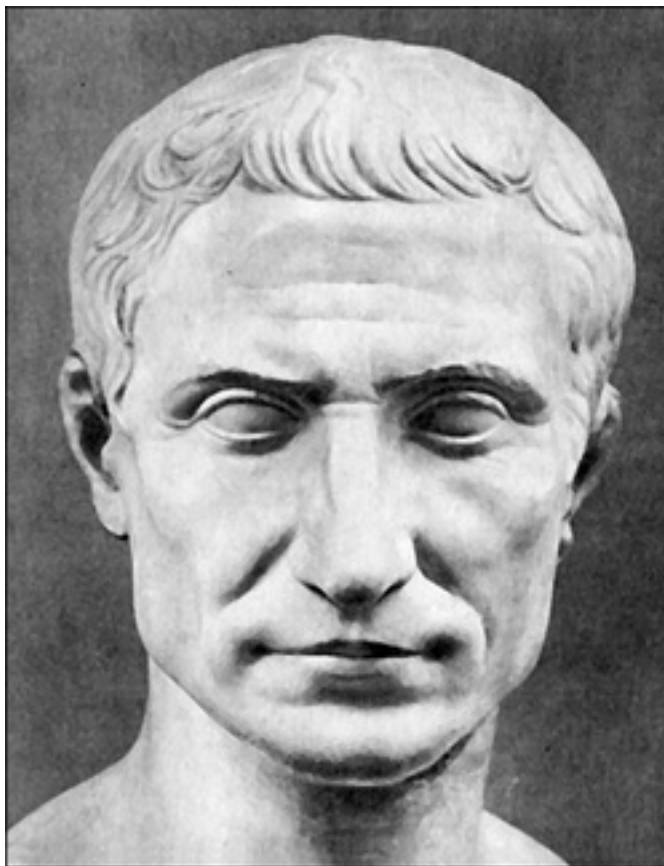
после того как Цезарь добился примирения Птолемея и Клеопатры, Ахилла и Потин подготовили заговор. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить залу, в которой проходило пиршество по случаю примирения. Потин был убит, а Ахилла смог бежать к войску и начал против Цезаря продолжительную войну. В конце концов, когда к Ахилле примкнул Птолемей, произошло сражение, в котором Цезарь одержал победу. Царь пропал без вести. О судьбе Ахиллы Плутарх больше не сообщает ничего.

Непонятно, какие сведения ближе к правде. Возможно, словами о том, что Цезарь приказал казнить убийц, Плутарх просто хотел подчеркнуть то, что смерть Помпея не вызвала радости его противника.

Больше известно о судьбе инициатора убийства. Теодот бежал из Египта и долго скитался, ведя нищенский образ жизни. Уже после убийства Цезаря Марк Юний Брут, находясь с войском в Азии, разыскал Теодота, привлек его к суду и казнил.

ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ

(100 или 102–44 до н. э.)

Римский полководец и политический деятель. После победы в гражданской войне над Помпеем стал практически единовластным правителем Рима. Был убит в результате заговора, организованного республиканцами.

Пожалуй, трудно назвать более известное убийство античных времен, чем убийство Гая Юлия Цезаря.

Как мы уже убедились, практика политических убийств в Древнем Риме была вполне обычна. Почему же убийство именно этого человека так широко известно? Здесь, безусловно, дело в личности самого убитого.

Роль, которую сыграл в мировой истории этот человек, невозможно переоценить. Даже биографию Гая Юлия Цезаря нельзя начать, не используя косвенно его имени. «Родился 13 июля 100 года до нашей эры». Но дело в том, что в 100 году до нашей эры даже месяца такого, как июль, не было. Даже календарь, которым пользовалась вся Европа до конца XVI века, а Русская православная церковь – и по сей день, называется юлианским, так как его ввел Цезарь. До реформы календаря, проведенной Юлием, древнеримский календарь был крайне запутанным и сложным. Сначала в нем было десять основных месяцев. Первым месяцем дореформенного календаря был мартуус (март), названный в честь бога Марса. Второй месяц – априлис (апрель) по всей видимости, получил свое название от слова априкус – согреваемый солнцем. Далее следовал майюс (май), названный в честь богини Майи, за ним – юниус (июнь) – в честь богини Юноны. Названия оставшихся шести месяцев образовывались от числительных. Квинтилис (пятый), секстилис (шестой), септембер (седьмой), октобер (восьмой), новембер (девятый) и децембер (десятый). Несколько позднее появилось еще два месяца. Одиннадцатый – януариус (январь) – в честь бога Януса и двенадцатый – фебруариус (февраль) – месяц «очищения». Новый календарь был составлен с помощью египетского математика и астронома Сосигена и введен с 1 января 45 года до н. э. Начало года было перенесено на январь, из-за чего «пятый» стал седьмым, «шестой» – восьмым и так далее. После реформы квинтилис был переименован в честь Юлия и стал называться юлиус (июль). Позднее примерно та же история произошла и с секстилисом, переименованным в честь Августа.

Но вернемся непосредственно к Гаю Юлию Цезарю.

Политическая деятельность нашего героя оказала громадное влияние на государственный строй Древнего Рима. Имя Цезаря стало позднее титулом римских императоров (знаменитая книга Светония так и называется «Жизнь двенадцати Цезарей» и начинается главой «Божественный Юлий»). В дальнейшем от этого титула произошли немецкое слово «кайзер» и русские «кесарь» и «царь».

Как полководец Юлий внес значительные изменения в карту современных ему Европы и Северной Африки. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха Цезарю соответствует сам Александр Македонский, из-за которого, как известно, немало стульев пострадало. В различных войнах и походах Цезарь провел большую часть своей жизни.

Гай Юлий Цезарь оставил след в истории не только как полководец и политический деятель. Он известен и как писатель, автор двух трудов: «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне». «Записки о Галльской войне» стали образчиком классической латыни. Многие поколения студентов изучали латынь по этому произведению.

Наряду с целым рядом выдающихся качеств Цезарь обладал и некоторыми чертами характера, вызывавшими недовольство современников и осуждение потомков. Чрезмерное властолюбие, тщеславие, пристрастие к чувственным наслаждениям – все это не могло не подвергнуться критике со стороны политических противников и в конце концов привело Цезаря к гибели.

До сих пор не известен точный год рождения Цезаря. Исследователи расходятся во мнении: 100 или 102 год до нашей эры. Род Юлиев, к которому принадлежал Цезарь, по легенде, происходил от Юла, сына Энея, а значит внука самой Венеры. Тетка Цезаря была замужем за Гаем Марием, который являлся очень весомой политической фигурой тех времен. Сам Цезарь в возрасте шестнадцати лет женился на дочери Корнелия Цинны, ближайшего сподвижника Мария.

Казалось, что молодому человеку обеспечена легкая и быстрая политическая карьера. Но в это время к власти в результате гражданской войны пришел противник Мария Луций Корне-

лий Сулла. Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся с женой. Тот отказался и был вынужден уехать в Малую Азию. Там он некоторое время служил в римской армии. Когда Цезарь возвращался из этой поездки, произошло событие, которое очень хорошо иллюстрирует его характер. Он был захвачен пиратами, и те потребовали выкуп в размере 20 талантов. Но Цезарь, сказав пиратам, что они не знают, кого захватили, сам предложил им увеличить выкуп до 50 талантов. Около сорока дней друзья собирали деньги для выкупа. Все это время Цезарь находился среди пиратов. При этом он держал себя гордо и независимо. Участвовал в гимнастических соревнованиях пиратов, запрещал им шуметь, когда отдыхал. Кроме того, он читал вслух свои речи и стихи, а когда пираты не высказывали уважения к его творчеству, называл их неучами, варварами и обещал повесить. Надо сказать, что свое обещание Цезарь выполнил. Когда после внесения выкупа пираты его отпустили, он собрал несколько военных кораблей, приплыл на остров, где его держали разбойники, и расквитался с обидчиками сполна: захватил их богатства, а самих приказал распять.

Вернувшись после смерти Суллы в Рим, Цезарь всерьез занялся своей политической карьерой и принялся с громадной энергией наверстывать упущенное время. Поскольку уже давно никто в роду Цезаря не занимал высоких должностей, рассчитывать на поддержку аристократии не приходилось. Оставалось полагаться на народ. Он завоевывал любовь народа, призывая к суду знатных людей. Устраивал роскошные, не по средствам, пиры и приемы, ради которых влез в громадные долги. Началась головокружительная карьера: в 73 году до н. э. Цезарь был избран военным трибуном. В 68 году – отправился в качестве квестора²⁰ в Испанию. В 65, вернувшись в Рим, был выбран эдилом²¹. На организацию празднеств, игр и различных зрелищ Цезарь также щедро тратил собственные средства. В 63 году Цезарь в трудной борьбе победил на выборах верховного жреца. Оптиматы были обеспокоены все возрастающей популярностью Цезаря в народе и решили противостоять его дальнейшему политическому росту.

В это время Цицероном был раскрыт заговор Каталины. Каталина со своими сторонниками, опираясь на бедняков, которым пообещал отмену долгов и раздачу конфискованного у богачей имущества, пытался захватить власть. Цезарь был причастен к заговору, но, несмотря на имеющиеся доказательства, Цицерон не привлек его к суду. Слишком велика была популярность Цезаря в народе.

В 62 году до н. э. Цезарь стал претором. А на следующий год добился того, что его назначили наместником в Испании. Благодаря этой должности Цезарь надеялся поправить материальное положение, сильно подорванное политической борьбой. Отъезду Цезаря мешали многочисленные кредиторы, и ему пришлось обратиться за помощью к Крассу. Когда, по дороге в Испанию, Цезарь проезжал какой-то бедный городок, один из его спутников сказал со смехом: «Неужели и здесь есть борьба за должности, споры о первенстве, раздоры среди знати?», на что Цезарь вполне серьезно заявил: «Что касается меня, я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

Находящиеся в его подчинении войска Цезарь использовал для завоевания западных областей Испании, ранее Риму не принадлежавших. За счет этой войны Цезарь не только поправил свое финансовое положение, но и нажил солидное состояние. Выгодной оказалась эта война и для воинов. Войско провозгласило Цезаря императором. А следовательно, по прибытии в Рим его ожидал триумф. Но от триумфа наш честолюбивый герой отказался. Дело в том, что, по традиции, до триумфального шествия полководец должен был находиться вне

²⁰ К в е с т о р – должностное лицо, заведующее казной.

²¹ Э д и л ы – младшие должностные лица. В их обязанности входила и организация зрелищ. Должность эдила была как бы стартовой ступенью в карьере. Стремясь к более высоким должностям, эдилы пышными представлениями старались произвести впечатление на избирателей.

Рима. А Цезарь хотел добиваться должности консула, для чего требовалось его присутствие в столице.

Прибыв в Рим, Цезарь сумел примирить старинных противников, Помпея и Красса. Так образовался первый триумвират.

Теперь настало время познакомиться с организаторами антицезарианского заговора.

Можно сказать, что Марк Юний Брут был потомственным противником единовластия. Его легендарный предок по отцовской линии, Юний Брут, поднял восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого и изгнал его из Рима. Мать Брута, Сервилия, была сестрой философа и политического деятеля Катона, который, как мы уже отмечали, отличался своей честностью, прямоотой и глубоким уважением к римским традициям и законам. С юных лет Брут старался во всем быть похожим на своего замечательного дядю. Позднее он женился на дочери Катона.

Брут получил прекрасное образование. Он был знатоком философии, искусным оратором, прекрасно владел не только родным языком, но и греческим.

Когда началась гражданская война между Помпеем и Цезарем, все были уверены, что Брут станет на сторону последнего, так как по приказу Помпея был в свое время убит отец Брута. Это произошло во время подавления Помпеем восстания против Суллы (см. предыдущую главу). Поэтому Брут никогда не приветствовал Помпея и не разговаривал с ним. Но, будучи по происхождению и воспитанию ярким сторонником республики, Брут присоединился к Помпею. Даже в разгар военной кампании Брут не оставлял своих занятий наукой.

О втором лидере будущего антицезарианского заговора, Гае Кассии Лонгине, сведения в основном отрывочны. Согласно Плутарху, Кассий был родственником Брута. Степень родства не указывается. Уже после осуществления заговора бывшие сторонники Цезаря приписывали все благородные начинания заговорщиков Бруту. Кассий же обвинялся в приземленных мотивах и личной ненависти к Цезарю. Цезарь во время гражданской войны захватил в городе Мегары львов, принадлежавших Кассию. Кассий готовил зверей для праздничных игр, посвященных его будущему вступлению в должность эдила. Во время взятия Мегар защитники города выпустили львов на свободу, надеясь, что те преградят дорогу наступающим. Звери не были посвящены в такие стратегические тонкости и бросились на самих защитников. Цезарь не вернул львов Кассию, и тот якобы затаил на него обиду. Но такая логика кажется странной. Ведь Кассий воевал в той войне на стороне противников Цезаря и был не только прощен последним, но и получил впоследствии высокую должность. Трудно поверить, что Кассий мог затаить обиду на человека, не вернувшего ему животных, захваченных при таких обстоятельствах.

Более того, еще в детстве Кассий проявил себя как противник тирании. Он обучался в школе вместе с Фавстом, сыном Суллы. Однажды, когда Фавст хвастался единовластием своего отца, Кассий вскочил и набросился на него. Опекуны Фавста хотели подать в суд, но вмешался Помпей. Пригласив к себе обоих мальчиков, он спросил, как началась ссора. Кассий воскликнул: «Ну, Фавст, только посмей повторить здесь эти слова, которые меня разозлили, — и я снова разобью тебе морду». Таким образом, трудно сказать, что на самом деле руководило Кассием, личная неприязнь к Цезарю или ненависть к тирании вообще.

Еще известно, что во время проигранной Крассом войны с парфянами Кассий показал себя как хороший полководец. Он смог не только уцелеть сам, но и спас от гибели отряд, находящийся под его командованием.

К Бруту Цезарь относился с явной симпатией. Например, он приказал своим воинам не убивать во время битвы Брута и доставить к нему, если тот сдастся в плен, если же нет — отпустить, не причиняя вреда. Такое отношение, скорее всего, объясняется не только и не столько уважением к личным качествам Брута, сколько тем, что в молодые годы Цезарь был

более чем близок с его матерью, Сервилией, и Брут по срокам как раз мог быть плодом этой связи.

После поражения при Фарсале Помпей бежал к морю. Брут спрятался от противников в зарослях камыша на каком-то болоте, а ночью смог добраться до фессалийского города Ларисса. Оттуда он написал Цезарю письмо, и тот, ни в чем не обвиняя Брута, ввел его в число своих приближенных. Позднее, по просьбе Брута, Цезарь простил и Кассия, который тоже участвовал в Фарсальской битве на стороне Помпея.

Цезарь должен был продолжить борьбу против остатков помпеянцев, которые под предводительством Катона и Сципиона находились в Африке. По воле Цезаря, Брут стал правителем Предальпийской Галлии (47 год до н. э.). За время своего правления в провинции Брут показал себя с самой лучшей стороны. В отличие от своих коллег, управляющих другими областями, он не поставил себе целью, как можно быстрее обогатиться за счет населения Галлии. Разбив противников, Цезарь возвратился в Италию и нашел, что города, которыми управлял Брут, процветают. Тогда Брут, благодаря помощи Цезаря, получил самую высокую из преторских должностей, городскую претуру. Интересно, что на эту же должность претендовал и Кассий. Тот остался обиженным, несмотря на то, что получил другую преторскую должность.

Брут стал фактически второй фигурой в государстве. Казалось, ему оставалось только дожидаться того времени, когда могущество Цезаря сойдет на нет, а слава его подвигов несколько забудется. Этот факт подтверждает, что двигали Брутом не личные мотивы, а политические убеждения.

Нельзя сказать, что убийство Цезаря стало неожиданным событием. В том числе и для него самого. Практически неограниченная власть Цезаря не могла не вызвать недовольства среди оптиматов, и он это прекрасно понимал. Аристократы стали подстрекать Брута к заговору. Однажды утром судейское возвышение, на котором Брут исполнял свои преторские обязанности, оказалось заваленным табличками с надписями примерно такого содержания: «Ты спишь, Брут», «Ты не Брут» и тому подобное. На статуе древнего Брута появлялись надписи подобного содержания: «О, если бы ты был сегодня с нами!», «Если бы жил Брут».

Кассия Цезарь открыто подозревал во враждебных намерениях и несколько раз высказывал эти подозрения вслух. Вот несколько примеров: однажды он сказал своему окружению: «Как вы думаете, чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезмерная бледность». В другой раз Цезарь получил донос, в котором говорилось, что Марк Антоний и Долабелла готовят мятеж. Цезарь сказал: «Я не боюсь этих длинноволосых толстяков, а скорее бледных и тощих», имея в виду Брута и Кассия. Надо отметить, что доносы Цезарь получал с завидной регулярностью. Большинство из них были просто попытками убрать политического противника или ослабить его влияние. Скорее всего, именно поэтому Цезарь не отнесся серьезно к предупреждениям о реальном заговоре. Получив соответствующий донос на Брута, Цезарь, коснувшись рукой груди, сказал: «Неужели, по-вашему, Брут не повременит, пока *это* станет мертвой плотью!»

Между тем опасность была вполне реальна. Бороться против Цезаря политическими методами оптиматы не могли и очень желали его смерти. Друзья советовали Цезарю увеличить охрану, но тот ответил, что лучше один раз умереть, чем жить в постоянном страхе.

Гораздо серьезней Цезарь отнесся к предзнаменованиям. И это чуть было не спасло его. Тут следует вспомнить, какое большое значение придавали римляне разного рода знамениям. Громадное их число предшествовало смерти Цезаря. Вспышки света, одинокие птицы, прилетавшие на форум, раздававшийся по ночам шум непонятного происхождения, у животного, которого Цезарь должен был лично принести в жертву, не оказалось сердца. Какой-то прорицатель предупреждал Цезаря, что в мартовские иды²² его ожидает большая опасность.

²² Иды – так римляне называли пятнадцатый день марта, мая, июля, октября и тринадцатый день всех остальных месяцев.

Якобы в день смерти по дороге в сенат Цезарь встретил прорицателя и сказал насмешливо: «А ведь мартовские иды пришли!», на что тот ответил: «Пришли, но не прошли».

Основным инициатором заговора все-таки можно назвать Кассия. В разговорах с друзьями он намекал на то, что нужны решительные действия против Цезаря. Многие соглашались, на том условии, что Брут тоже выступит на их стороне.

Кассий отправился к Бруту, рассказал ему, что скоро состоится заседание сената, на котором внесут предложение о том, чтобы облечь Цезаря царской властью. Затем он спросил, собирается ли Брут присутствовать на этом заседании. Брут сказал, что не придет. «А что, если нас позовут?» – спросил Кассий. «Тогда долгом моим будет нарушить молчание и, защищая свободу, умереть за нее», – отвечал Брут. Тогда, поняв, что Брут на их стороне, Кассий произнес: «Но кто же из римлян останется равнодушным свидетелем твоей гибели? Разве ты не знаешь своей силы, Брут? Или ты думаешь, что твое судейское возвышение засыпают письмами ткачи и лавочники, а не первые люди Рима, которые от остальных преторов требуют раздач, зрелищ и гладиаторов, от тебя же – словно исполнения отеческого завета! – низвержения тирании. И сами готовы ради тебя на любую жертву, любую муку, если только и Брут покажет себя таким, каким они хотят его видеть?»

Таким образом Брут стал во главе заговорщиков. Он привлек на их сторону еще нескольких преданных делу республики римлян. Некоторые антицезарианцы предлагали склонить на свою сторону и Марка Антония, но один из них сказал, что уже пытался, соблюдая предосторожности, говорить с Антонием о заговоре. Тот якобы и Цезарю не донес, но и не высказал желания принять участие. Тогда возникло предложение убить вместе с Цезарем и Антония. Но против этого категорически возражал Брут. Было принято решение оставить Антония в живых. Но Антоний был известен своей физической силой. Поэтому договорились, что перед покушением кто-то из заговорщиков должен будет отвлечь его разговором перед входом в курию²³.

Несколько слов нужно уделить и жене Брута – Порции. На людях Брут ничем не выдавал своего беспокойства. Но дома он не смог скрыть свои волнения и заботы от Порции. Чтобы добиться доверия мужа, она отважилась на такой поступок: закрывшись в спальне, Порция сделала себе ножом глубокий надрез на бедре. Вскоре у нее начались сильные боли и лихорадка. Брут был огорчен и взволнован. Тогда Порция обратилась к нему с речью: «Я – дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобой стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я... чем доказать мне свою благодарность, если я не могу разделить с тобой сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, женскую натуру считают неспособной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я – дочь Катона и жена Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что не подвластна и боли». После чего она показала мужу рану на бедре и рассказала об испытании, которому себя подвергла.

Накануне, во время обеда, приближенные Цезаря завели беседу о том, какой вид смерти предпочтительней. Цезарь выкрикнул раньше всех: «Неожиданный». Ночью, когда Цезарь спал, все двери и окна в его спальне вдруг отворились. Проснувшись от шума, Цезарь увидел, что его супруга, Кальпурния, рыдает во сне. Ей приснилось, что она обнимает убитого мужа. Утром она стала просить мужа не идти в сенат и отложить заседание. Это встревожило Цезаря, так как раньше его жена особым суеверием не отличалась. Он послал к гадателю, и тот сообщил, что предзнаменования неблагоприятны.

²³ Курия – здание для общественных собраний, иногда так называли и само собрание.

Все эти «подробности» могли, конечно, появиться и позднее, уже после смерти Цезаря. Это еще раз говорит о том, что Цезарь стал для римлян не просто популярной, но даже легендарной личностью.

Узнав о неблагоприятных предзнаменованиях, Цезарь решил послать Марка Антония распустить сенат. Но тут вмешался еще один участник заговора, Децим Юний Брут Альбин (не нужно путать его с Марком Юнием Брутом, о котором шла речь раньше). Этот человек служил под командованием Цезаря еще в Галлии и теперь пользовался неограниченным доверием последнего. Даже был записан вторым наследником в завещании Цезаря. Он начал высмеивать гадалелей и говорить, что сенаторы будут возмущены, если заседание не состоится. Ведь сенат был собран по предложению Цезаря, и его собирались провозгласить царем римских провинций. Если уже собравшемуся сенату объявить, что он должен разойтись и собраться вновь, когда Кальпурния увидит другие сны, то это будет расценено как издевательство. И даст лишний повод недоброжелателям обвинить Цезаря в тирании. Если же Цезарь действительно считает, что этот день неудачный из-за плохих предзнаменований, то он должен сам обратиться к сенаторам и попросить перенести заседание. Убежденный этими доводами, Цезарь в сопровождении Децима Брута пошел в сенат.

По дороге с Цезарем пытался заговорить какой-то раб, видимо, имевший распоряжение предупредить его об опасности. Но из-за толпы, окружавшей Цезаря, не смог к нему пробиться.

Пока Цезарь медлил, волнение среди заговорщиков росло. Бруту и некоторым другим посвященным в заговор пришлось, скрывая волнение, исполнять свои преторские обязанности и разбирать судебные дела. Один раз заговор едва не был раскрыт по недоразумению. К одному из его участников, народному трибуну Сервилию Каске подошел знакомый и сказал: «Ты, Каска, скрыл от нас свою тайну, а Брут мне все рассказал». Каска чуть было не проболтался, но тут его собеседник продолжил: «С чего же это ты, мой любезнейший, так быстро разбогател, что собираешься искать должности эдила?»

Нервное ожидание продолжалось. Кто-то из домашних Брута прибыл с известием, что Порция при смерти. Дело в том, что от волнения Порция потеряла сознание, но вскоре пришла в себя. До Брута же дошла только информация о первом из этих событий. Естественно, что это сообщение спокойствия Бруту не прибавило. Но тут объявили, что Цезарь уже близко.

У входа в сенат Цезарю стали подавать многочисленные свитки с прошениями. Цезарь брал свитки и передавал их рабам. В этот момент его еще раз пытались предупредить о нависшей угрозе. Один из сторонников Цезаря, знавший о заговоре, подошел к нему вплотную, подал свиток с подробностями готовившегося покушения и сказал: «Прочти это, Цезарь, сам, не показывая другим, – и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле». Цезарь взял свиток и даже несколько раз попытался улучшить мгновение, чтобы его прочесть, но сделать этого не смог из-за большого количества обращавшихся к нему просителей. Он так и вошел в сенат, держа в руках этот свиток.

По воле рока заседание сената в тот раз происходило в одном из величественных зданий, построенных Помпеем. Кстати, это обстоятельство заговорщики посчитали благоприятным знамением. В зале стояла статуя ныне покойного противника Цезаря.

Кассий якобы посмотрел на изображение Помпея и безмолвно призвал его на помощь.

Децим Брут, как и было решено заранее, задержал Марка Антония снаружи, заведя с ним беседу. Часть заговорщиков расположилась за креслом Цезаря, часть двинулась ему навстречу. Один из них, Туллий Кимвр, стал просить вернуть из изгнания его брата, а остальные присоединились к просьбе. Заговорщики проводили Цезаря до кресла. Сев в кресло, Цезарь ответил на их просьбы отказом. Тогда Туллий Кимвр схватил и стащил с шеи тогу Цезаря. Это было сигналом. Тут же стоявший сзади Каска выхватил меч и ударил Цезаря в затылок. Удар оказался несильным, и Цезарь с криком «Негодяй, Каска, что ты делаешь?» схватил меч Каски. Сенаторы, не посвященные в заговор, от ужаса не могли двинуться с места. Заговорщики окру-

жили свою жертву и принялись со всех сторон наносить удары мечами. Заранее было оговорено, что каждый нанесет минимум один удар. Брут нанес Цезарю удар в пах. Цезарь сначала пытался оказать сопротивление, метался и кричал, но при виде Брута с обнаженным мечом натянул на голову тогу и прекратил сопротивляться. Произошло это 15 марта 44 года до н. э.

Произносил ли Цезарь на самом деле знаменитые слова «И ты, Брут» или «И ты, дитя мое» – неизвестно. Цезарь получил двадцать три ранения. В суматохе многие из нападавших ранили друг друга.

Сразу же после убийства заговорщики попытались успокоить присутствующих. Но Брут не смог произнести речь. В курии началась паника, сенаторы бросились бежать. Марк Антоний, переодевшись в одежду раба, скрылся. Заговорщики с обнаженными мечами и окровавленными руками двинулись на Капитолий²⁴. По пути они весело смеялись, призывали народ к свободе, приглашали встречаемых аристократов присоединиться к ним. На Капитолии Брут произнес речь, пытаясь объяснить народу мотивы убийства Цезаря. Речь эта была воспринята благосклонно. Тогда Брут в сопровождении цвет аристократии спустился на форум. Он произнес речь, которую собравшаяся к тому времени толпа выслушала молча. Народ жалел о смерти Цезаря, но с уважением относился к Бруту. Когда же еще один из заговорщиков выступил с обвинительной речью против убитого, раздались гневные крики. Недовольство толпы быстро росло, и Бруту вместе с его сторонниками пришлось снова подняться на Капитолий.

Узнав о том, что заговорщики больше никому не причинили вреда, Антоний убедил их спуститься с Капитолия и дал в заложники собственного сына. Уже вечером он принимал у себя Кассия, а другой цезарианец, Лепид, – Брута.

На следующий день был созван сенат. Марк Антоний выступил с предложением решить дело полюбовно: заговорщиков ни в чем не обвинять, Бруту, Кассию и некоторым другим – назначить в управление провинции, но и в распоряжениях Цезаря ничего не отменять, а его самого похоронить с почестями. Предложение это при поддержке Цицерона было принято. Все превозносили на разные голоса мудрость Антония, который уничтожил в зародыше междоусобную войну. Но славы мудрого государственного мужа ему оказалось мало. На похоронах Цезаря, когда Антоний произносил хвалебную речь, толпа начала волноваться. Угадав настроение народа, он назвал заговорщиков подлыми убийцами и душегубами. Толпа пришла в ярость. Она прямо на форуме, из скамей и столов сложила для убитого погребальный костер, а затем, с горящими головнями кинулась к домам заговорщиков. Брут, Кассий и многие их сторонники были вынуждены бежать из столицы.

После бегства Брута, Кассия и их сторонников из Рима вокруг Антония сплотились бывшие цезарианцы. Вдова убитого передала Антонию все деньги и бумаги Цезаря, в том числе и завещание. Антоний стал хозяином положения, он по собственному усмотрению распределял государственные должности, ссылаясь на то, что такова была воля покойного.

Но через некоторое время в Рим прибыл наследник Цезаря, Гай Юлий Цезарь Октавиан. Сначала между ним и Антонием возникли разногласия (последний не спешил отдать Октавиану его наследство). Дело даже дошло до войны. Но потом Октавиан и Антоний примирились, образовав так называемый второй триумвират (к их союзу присоединился и Лепид).

За это время Брут и Кассий смогли собрать внушительные войска. Антоний и Октавиан выступили им навстречу. Через два с половиной года после смерти Цезаря в Македонии на Филиппских полях состоялись две битвы. Первая (в октябре 42 года до н. э.) победителя не выявила. Но она стоила жизни Кассию. Войска Брута сражались с Октавианом, Кассия – с Антонием. Солдаты Кассия обратились в бегство. Сам полководец героически сражался, но был вынужден отступить. С небольшой группой воинов он поднялся на холм. Оттуда Кассий заметил большой отряд всадников, скачущих в его сторону. Это были солдаты Брута, но Кассий из-

²⁴ Капитолий – один из семи холмов, на которых стоит Рим.

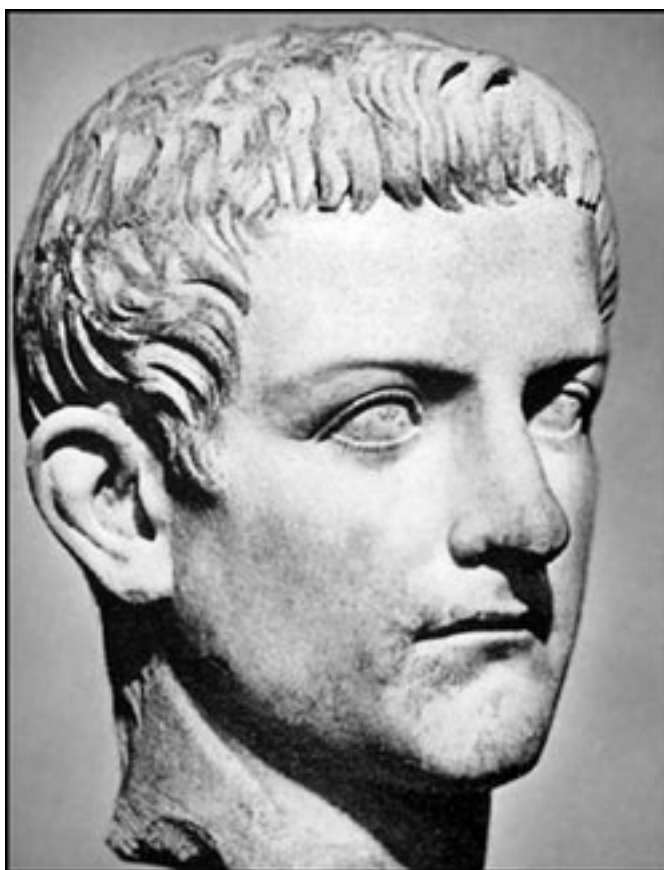
за своего слабого зрения принял их за вражескую погоню. Решив, что и Брут проиграл битву, Кассий покончил с собой.

После поражения во второй битве при Филиппах (середина ноября 42 года до н. э.) Брут также покончил жизнь самоубийством.

Убийцы Цезаря в борьбе за дело республики своей цели не достигли. После поражения войск Брута и Кассия уже никто не мог противостоять установлению единовластия в Риме. В 31 году до н. э. в гражданской войне Октавиан победил Антония и стал единовластным правителем государства. Рим превратился в империю.

ГАЙ ЦЕЗАРЬ ГЕРМАНИК КАЛИГУЛА

(12–41)

Римский император. Стремление Калигулы к неограниченной власти и требование почестей себе как богу вызывали недовольство сената и преторианцев. Убит преторианцами.

Итак, место действия не меняется. Меняется время. Гая Юлия Цезаря Калигулу убили в 41 году н. э., через 80 с лишним лет после убийства Цезаря (героя предыдущей главы). Обрисовать сложившуюся в Риме ситуацию легче всего, вкратце описав события, произошедшие в этот временной промежуток. В 31 году до н. э., победив в гражданской войне Марка Антония, фактически единоличным правителем государства становится Октавиан. Формально Рим остается республикой. В 27 году до н. э. Октавиан заявил в сенате, что передает власть сенату и народу Рима. Но на деле отказываться от власти он не собирался. Заранее подготовленный к этому событию сенат – неугодные были изгнаны из числа сенаторов – «отставку» не принял.

Сенат «приказал» Октавиану остаться у власти. Он получил титул принцепса²⁵: в сенаторском списке его имя шло первым (государственный строй в Риме I–III веков нашей эры историки так и называют «принципат»), имя-титул Августа (священный, божественный) – этот титул предоставлялся до этого только богам, назначался главой всех провинций, в которых были легионы, то есть становился верховным главнокомандующим или императором. Впоследствии «император» из главнокомандующего превратился в главу государства. Несколько позднее Октавиан Август был «выбран» главным жрецом (понтификом), получил еще один титул – «отца отечества» и был приравнен к богам: в честь него был назван месяц, а в провинциях ему даже воздвигали храмы. Таким образом, он сосредоточил в своих руках все ключевые должности государства. Сенат продолжал существовать: проходили заседания, на которых принимались какие-то решения, в том числе и важные. Но как принцепс Октавиан всегда первым высказывал свое мнение, а спорить с ним было, мягко говоря, не принято.

Октавиан Август проявил себя как осторожный, умеренный, мудрый и дальновидный правитель, чего в большинстве случаев нельзя сказать о его преемниках. Он сумел прожить долгую жизнь, умереть своей смертью и передать власть своему наследнику. Более того, удерживать власть Август стремился не только, а может, и не столько из властолюбия или корыстолюбия. Он и его сторонники были идейными противниками демократии. Вот слова его приближенного Гая Цильния Мецената (того самого покровителя поэтов, имя которого стало нарицательным): «Свобода и демократия – благо только тогда, когда принадлежат людям благоразумным. Гражданские войны показали, что римляне неразумны. Давать свободу таким людям – все равно, что давать меч в руки ребенка или сумасшедшего».

Но к концу правления власть отравила Октавиана. Он все больше превращался в тирана. Например, изгнал знаменитого поэта Овидия, отменял выборы, если их результаты казались ему неудачными, и сам назначал угодных ему людей на различные должности, подписывал без меры смертные приговоры. Приближенные, в том числе и Меценат, зачастую вынуждены были сдерживать его во время вспышек гнева. Однажды, когда Август собирался подписать большое количество смертных приговоров, Меценат остановил его фразой: «Да полно же тебе, мясник!»

Вообще складывается впечатление, что римляне, воспитанные на идеях республики, просто психологически не были готовы к единовластию. Как многие представители народов, не знавших в своей истории виноделия, спиваются, буквально несколько раз попробовав спиртное, так и несколько последовавших за Октавианом принцепсов, отведав единожды верховной власти, вскоре начинали «пить этот напиток запоем» и зачастую теряли человеческий облик.

В 14 году н. э. Октавиан Август умер. К власти пришел его пасынок Тиберий. В начале своего правления он вел себя очень скромно: был равнодушен к различным почестям и даже запрещал их оказывать, непритворно злился, почуяв лесть в словах собеседника, был вежлив с сенаторами, консулами и другими должностными лицами, даже сносил упреки и насмешки сограждан, говоря, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль, и язык. Однажды, когда кто-то обратился к нему «государь», Тиберий сказал, чтобы больше его так не оскорбляли, и добавил: «Я государь для рабов, император для солдат, принцепс для всех остальных».

Но позднее стиль правления Тиберия изменился. Это хорошо описывают его же слова: «Пусть ненавидят, лишь бы соглашались». Тиберий мог приказать казнить любого человека в любой момент: за малейшую провинность или подозрение в ней. Более того, он считал, что смерть – не самое страшное наказание. Приговоренных пытали, некоторые изощренные пытки Тиберий придумал самлично. Вскоре никто из римлян не мог чувствовать себя в безопасности. Особенно приближенные. В связи с этим хочется несколько отвлечься и рассказать о том,

²⁵ П р и н ц е п с – первый сенатор.

каким хитроумным способом обеспечил себе безопасность один придворный предсказатель. Он «предсказал» Тиберию, что тот переживет его самого на десять лет.

Все жестокости и злодеяния, совершенные Тиберием или по его приказу, могли бы стать предметом отдельной книги. Не меньше Тиберий прославился и своими развлечениями: чревоугодием, пьянством и, особенно, разнообразнейшим развратом. На острове Капри, где он долго жил, постоянно находилось большое количество юношей и девушек, удовлетворявших любые фантазии Тиберия. Он даже ввел специальную должность: распорядитель наслаждений.

Умер Тиберий в 37 году н. э. в результате болезни, но по некоторым свидетельствам, это событие тем или иным способом ускорил герой нашей статьи Калигула. Известие о смерти Тиберия римляне встретили с радостью.

Гай Калигула родился в 12 году нашей эры. Его отец, Германик, был полководцем и приходился племянником Тиберию. По настоянию Августа он был даже усыновлен Тиберием. Когда умер Октавиан, Германик находился во главе большого войска в Германии. Воины отказались признать наследником Тиберия и предлагали своему императору восстать и захватить власть. Это предложение Германик отверг. Вообще Германик был очень популярной личностью. Из Германии он вернулся с триумфом. В 19 году он при загадочных обстоятельствах скончался: предполагают, что его отравили по приказу Тиберия. Народ был крайне взволнован смертью прославленного полководца: толпы забрасывали камнями храмы и опрокидывали алтари богов за то, что те дали Германику умереть. Некоторые подкидывали детей, родившихся в этот «несчастливый день». Когда пронеслись слухи, впрочем неверные, о том, что полководец жив, толпа радостно бросилась на улицу. Люди пели: «Жив, здоров, спасен Германик: Рим спасен и мир спасен!» Всего у Германика было девять детей, но трое из них умерли в раннем возрасте.

Место рождения Гая точно не известно. Свое прозвище «Калигула» (сапожок) он получил потому, что воспитывался в военных лагерях среди солдат и носил солдатскую одежду, в том числе и сапоги. После смерти Германика мать Калигулы, Агриппина, прибыла в Рим и обвинила Тиберия в смерти мужа. За это она была сослана и в ссылке покончила с собой. После этого Гай жил сначала в доме своей прабабки, а затем, после ее смерти, перешел к бабке Антонии. Его старшие братья (Нерон и Друз) были осуждены Тиберием по сфабрикованному обвинению и умерщвлены. В девятнадцать лет Калигула был приглашен Тиберием на Капри, где надел тогу совершеннолетнего (надо отметить, что обычно юноши надевали такую тогу в 14–16 лет). Таким образом, обстановку, в которой воспитывался Гай, трудно назвать спокойной. Уже на Капри проявились его наклонности: он ходил по кабакам, плясал и пел на сцене, что не соответствовало понятиям о приличии, с явным удовольствием присутствовал при пытках и казнях. О том, что вырастет позднее из этого юноши, Тиберий догадывался. Однажды, когда Калигула нелестно отзывался о диктаторе Сулле, Тиберий сказал, что сам он будет иметь все пороки Суллы и ни одного его достоинства.

Как внук Тиберия, Калигула мог надеяться на наследство. Для того чтобы увеличить свои шансы, он соблазнил жену начальника преторианских когорт²⁶ Макрона и через нее вкрался в доверие к самому Макрону. По другим источникам, Макрон сам устроил связь своей жены с Калигулой. Как мы уже писали, сведения о причинах смерти Тиберия противоречивы, но есть предположение, что он был отравлен этим самым Макроном. Якобы, когда Тиберий умирал, Калигула приказал снять с его пальца перстень. Тиберий еще сопротивлялся, и Калигула задушил его собственными руками. Также передают, что позднее Калигула сам рассказывал о том, что однажды вошел в покои Тиберия с мечом, желая отомстить за смерть матери и братьев. Но из жалости не решился прикончить старика.

²⁶ Преторианцы – солдаты, охранявшие императора.

В своем завещании Тиберий называл своими наследниками Калигулу и своего несовершеннолетнего внука. Но народ и войско были полностью на стороне Калигулы: еще свежа была память о его отце. На подступах к Риму его встречали ликующие толпы. Завещание было оглашено в сенате и объявлено недействительным. Сенат посчитал, что Тиберий составлял его, находясь не в своем уме: как можно было назначить в качестве одного из наследников мальчика, который еще не мог заседать в сенате.

На первых порах Калигула сделал все, чтобы оправдать всеобщую радость и показать себя достойным возлагаемых на него надежд. С большими почестями он похоронил Тиберия. Чтобы продемонстрировать свою сыновью и братскую любовь, во время бури отправился в плавание за прахом своей матери и братьев и перевез их останки в Рим. Месяц сентябрь он переименовал в честь своего отца Германиком. Помиловал и вернул из изгнания многих осужденных, сжег публично все бумаги, касающиеся осуждения его матери и братьев (на самом деле были сожжены копии). Людей, участвовавших в сексуальных развлечениях Тиберия, Калигула хотел казнить, и только приближенные смогли уговорить его ограничиться изгнанием. Восстановил народные собрания и выборы должностных лиц. Разрешил судьям принимать решения без его согласия. Несмотря на то что завещание Тиберия было объявлено недействительным, Калигула раздал все упоминавшиеся там подарки. Отменил полупроцентный налог на продажу. Устраивал всенародные раздачи денег, угощения для сенаторов и их семей, многочисленные и роскошные игры. Отстраивал храмы и дворцы.

Но очень скоро римляне поняли, какой достойный преемник пришел на смену Тиберию. Светоний, закончив перечисления поступков Калигулы, заслуживающих уважения, пишет: «До сих пор шла речь о правителе, далее придется говорить о чудовище». Калигула собирался принять царскую власть. Его остановили только доводы приближенных о том, что он и так выше всех царей и принцев. Тогда Калигула решил, что его должны почитать как бога. Он приказал привезти из Греции статуи богов и заменить их головами изображением своей. Себе, как божеству, он посвятил особый храм. Жрецами этого храма по очереди были самые именитые римляне. Они зачастую платили громадные суммы за право быть жрецами этого храма и польстить тем самым Калигуле.

Иной оборот приняли и теплые семейные чувства. Свою бабушку, Антонию, неуважением и унижениями он свел в могилу и даже после смерти не отдал ей должных почестей. По некоторым предположениям, он даже отравил ее. Его тесть Силан был обвинен в том, что отказался сопровождать Калигулу в опасном плавании за прахом матери и братьев. Согласно обвинению, он надеялся захватить власть в случае гибели Калигулы. Силана вынудили покончить с собой. Брат Калигулы, Тиберий, был казнен по не менее вздорному обвинению. Он постоянно принимал лекарства от кашля. Калигула обвинил Тиберия в том, что тот принимает противоядие, боясь быть отравленным братом.

В личной жизни Калигула тоже не отличался особой сдержанностью: даже не скрывал своих кровосмесительных связей с сестрами. Он же считал себя богом и брал пример с самого Юпитера. Кроме простых связей с замужними и незамужними римлянками, довольно распространенной практикой было отнять жену у кого-нибудь из сограждан, заключить с ней брак, а через некоторое время развестись. Гомосексуальные отношения тоже входили в число его развлечений.

Вскоре правление Калигулы стало проходить под девизом, который он любил повторять: «Пускай ненавидят, лишь бы боялись». Вообще своей патологической жестокостью Калигула если не превзошел, то, по крайней мере, не отстал от Тиберия.

Далее перечислены только некоторые примеры его вздорных, преступных и жестоких поступков. Макрон и его жена, которые помогли Калигуле прийти к власти, поплатились жизнями за эту услугу. Когда выросли цены на скот, которым кормили хищников, он приказал скормить зверям преступников, заключенных в тюрьмах, вне зависимости от тяжести их пре-

ступлений. Он с большой охотой издевался и над простолюдинами, и над аристократами. Во время представлений он иногда приказывал убрать навес, а зрителей не выпускать со своих мест, чтобы они мучались от жары. Закрывал житницы, обрекая народ на голод. Сенаторов он заставлял бежать за его колесницей по несколько миль и прислуживать ему за обедом в одежде слуг. Утверждают, что только смерть помешала ему сделать своего любимого коня консулом.

Многим тайно убитым по его приказу Калигула, как ни в чем не бывало, продолжал присылать приглашения на обеды, а затем объявлял, что они покончили с собой. Одного человека, который поклялся отдать за него жизнь, Калигула приказал провести по городу в венках, а затем убить. Некоторых он приказал казнить просто из зависти, только за то, что они в каком-то своем качестве – красоте, силе или роскоши одеяния его превосходили. Многих ссылали на каторгу и казнил по абсолютно пустяковым или невероятным обвинениям. Принуждал отцов присутствовать при казнях их сыновей. Отправил на многие острова солдат, чтобы они перебили изгнанников. На основании «сожженных» писем своей матери он обвинил в причастности к ее ссылке многих знатных римлян. Прямо во время обедов при нем проводили расследования, допросы и пытки.

Свои преступления и кровожадность Калигула даже не скрывал. Однажды, обедая с двумя консулами, он вдруг ни с того ни с сего расхохотался. Консулы заискивающе спросили, чему он смеется. На что Калигула ответил: «А тому, что стоит мне кивнуть, и вам обоим пережгут глотки!» Часто, целуя очередную жену или любовницу в шею, он говорил: «Такая хорошая шея, а прикажи я – и она слетит с плеч!»

Страсть к роскоши и мотовству очень быстро привела к тому, что Калигула растратил свое громадное наследство. Для того чтобы поправить собственное финансовое положение, он казнил многих богатых людей, конфисковав их имущество. Кроме того, он объявил недействительными все завещания, в которых он или его предшественник Тиберий не были включены как сонаследники. Более того, он просто находил «свидетелей», что тот или иной человек объявлял о своем желании завещать имущество Цезарю, после чего объявлял реальное завещание недействительным. Это привело к тому, что многие богатые римляне стали во всеуслышание заявлять о том, что включают Калигулу в свои сонаследники. Он сам же считал издевательством со стороны таких людей после этого оставаться в живых и часто посылал им отравленные угощения.

Незадолго до смерти Калигула осуществил «военный поход». Это мероприятие осуществлялось с невиданными приготовлениями: было собрано громадное войско и сделаны грандиозные запасы продовольствия. Но сам поход был больше похож на детскую игру в «войну». Сражаться в тех регионах Германии, куда отправился Калигула, было не с кем. Он устраивал фальшивые тревоги, бился с несуществующими неприятелями, отправлял вперед по пути следования сыновей германских царей, живших в Италии как заложники, а затем преследовал и ловил их, как беглецов.

Но повод для будущего триумфа Калигула все-таки получил. Сын одного из британских царей, изгнанный отцом, присоединился к войскам Калигулы. После чего Калигула послал гонцов в Рим. Гонцы должны были сообщить, что ему покорился весь остров.

Естественно, что такое «правление» не могло не вызвать недовольства. До нас дошли сведения о нескольких раскрытых заговорах против Калигулы, состоявшихся в 39 и 40 годах н. э. Наконец в 41 году был составлен очень широко и тщательно подготовленный заговор. На случай, если убить Калигулу сразу не удастся, было подготовлено два других покушения. Во главе заговора стояла группа сенаторов. Покушение возглавил трибун преторианской когорты Кассий Херея. Этот человек, несмотря на почтенный возраст, часто подвергался со стороны Калигулы жестоким насмешкам. Его главным сообщником был трибун Корнелий Сабин.

Как обычно, большое внимание при описании этих событий отводится предзнаменованиям, которые предшествовали убийству. Из Олимпии Калигула велел перевезти статую Юпи-

тера. Когда статую попытались разобрать, она якобы разразилась хохотом. В мартовские иды молния ударила в Капитолий, это толковали так: грядет новое убийство, как некогда в этот же день (см. предыдущую главу). Один астролог якобы предсказал Калигуле скорую и неминуемую смерть. Оракул богини Фортуны сказал, что нужно опасаться Кассия. Калигула ошибся и послал убить Кассия Лонгина, который был тогда проконсулом Азии. Накануне убийства Калигула видел сон, в котором он стоял на небе у трона Юпитера и бог низверг его на землю толчком ноги. Наконец уже в сам день убийства, принося жертву, Гай был забрызган кровью жертвенного фламинго. Правда, по другим источникам, кровью был забрызган не Калигула, а один из его спутников – сенатор. Он не имел отношения к заговору, но из-за крови был принят германцами-телохранителями за одного из покушавшихся и убит.

Покушение состоялось 24 января 41 года. В это время проходили трехдневные Палатинские игры, посвященные Августу. Калигулу должны были убить при выходе с представления. Он шел по узкому подземному коридору, остановился посмотреть на готовящихся к выступлению азиатских мальчиков и похвалил их. Дальнейшие события описываются по-разному. По одной из версий, Кассий Херея подошел к Калигуле сзади и с криком «Делай свое дело!»²⁷ ударил его мечом по затылку. В это время Корнелий Сабин пронзил Калигуле грудь. По другим источникам, посвященные в заговор воины оттеснили спутников Калигулы в сторону. Когда, по традиции, Корнелий Сабин спросил у него пароль, тот ответил: «Юпитер». В этот момент Кассий Херея крикнул «Получай свое!» и ударил повернувшегося на крик Калигулу в подбородок. Гай с криком «Я жив!» повалился на землю. Но на крик помощь не подоспела: остальные заговорщики добились свою жертву, нанеся ей около тридцати ударов. Есть также сведения, что первым ударом Херея рассек императору шею. Тот встретил смерть достойно: не кричал, но пытался спастись бегством.

На шум прибежали вооруженные шестами носильщики и телохранители-германцы. Некоторые из заговорщиков были убиты на месте, с ними и несколько невиновных, другим удалось скрыться. Стража оцепила театр, на алтарь были брошены головы убитых. Разносились различные слухи, в том числе, что Калигула жив и окровавленный выступает на форуме перед народом. Многие не верили в убийство. Калигула так запугал римлян, что покушение посчитали очередной его выдумкой: способом выяснить, что о нем думают в народе, и предлогом для резни. Наконец было объявлено о его смерти, стража удалилась, и народ бросился из театра. Во время заговора были также убиты жена Калигулы, Цезония, и его дочь.

Калигула был убит на тридцатом году жизни, проведя у власти меньше четырех лет. В его вещах был найден громадный ларь с различными ядами и две тетради со списками имен: одна называлась «Меч», другая – «Кинжал». О значении этих списков легко догадаться. Тело его было сожжено только наполовину и похоронено без почестей. Только вернувшиеся из изгнания сестры перезахоронили его останки, соблюдая все обряды.

Заговорщики не пытались передать власть кому-либо. Сенат стремился к свободе и восстановлению республики. Первое его заседание было назначено на Капитолии, а не в Юлиевой курии, построенной в честь Юлия Цезаря. Многие призывали разрушить храмы, построенные в честь Юлия Цезаря и Августа. Но восстановить республику не удалось. О дальнейшем развитии событий будет сказано в следующей главе.

²⁷ Традиционные слова жреца, подающего знак к жертвоприношению.

БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ

(10 до н. э. – 54 н. э.)

Дядя Калигулы. Римский император. Был отравлен собственной женой, которая стремилась передать власть своему сыну Нерону.

Тиберий Клавдий Друз родился в 10 году до н. э. Предыдущему принцепсу, Калигуле, Клавдий приходился дядей со стороны отца. Достоинствами своего брата, Германика, он не обладал. В детстве Клавдий перенес много болезней, в результате которых «так ослабел душой и телом», что позднее, несмотря на происхождение, долго считался неспособным ни к какой государственной деятельности. С детства он подвергался всевозможным унижениям и насмешкам. Его мать, Антония, не скрывала своего презрения к сыну. Она считала, что природа начала его и не доделала. Желая подчеркнуть чью-то недалекость, Антония часто говорила: «Глупее моего Клавдия». Не лучше относились к юноше бабка и сестра. А вот что в своих письмах к жене говорил о нем Октавиан Август: «По твоей просьбе, дорогая Ливия, я беседовал с Тиберием о том, что нам делать с твоим внуком Тиберием²⁸... И оба мы согласились, что надо раз навсегда установить, какого отношения к нему держаться. Если он человек, так сказать, полноценный и у него все на месте, то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, какой прошел его брат? Если же мы чувствуем, что он поврежден и телом и душой, то и не следует давать повод для насмешек над ним и над нами тем людям, которые привыкли хихикать и потешаться над вещами такого рода. Нам придется вечно ломать себе голову, если мы будем думать о каждом шаге отдельно и не решим заранее, допускать его к должности или нет». Просветления же, которые иногда с Клавдием случались, вызывали у окружающих скорее удивление, чем радость и надежду на полное его выздоровление. Вот еще один отрывок из писем Августа: «Хоть убей, я сам изумлен, дорогая Ливия, что декламация твоего внука Тиберия мне понравилась. Понять не могу, как он мог, декламируя, говорить все, что нужно, и так связно, когда обычно говорит столь бессвязно».

В правление Тиберия Клавдий попробовал добиться должности консула. Но получил только знаки консульского достоинства, а реально должности не занимал. Отчаявшись сделать политическую карьеру, Клавдий переселился в загородный дом и проводил там время в пьянстве и азартных играх.

Удивительно, но такое отношение со стороны окружающих и, прежде всего, родственников в конце концов сыграло положительную роль в жизни Клавдия. Когда к власти пришел его племянник Калигула, Клавдий стал получать различные должности. Дважды был консулом, несколько раз заменял Калигулу при проведении зрелищ. Народ встречал его в таких случаях хорошо. Его приветствовали криками: «Да здравствует дядя императора!», «Да здравствует брат Германика!».

Тут следует сказать, что Калигула вовсе не питал никаких теплых чувств к своему «слабоумному» дяде. Просто в начале своего правления он пытался продемонстрировать себя лояльным по отношению к родственникам, а конкуренции со стороны Клавдия принцепс не опасался. Кроме того, дядя был постоянной мишенью для жестоких и унижительных шуток, которые доставляли Калигуле столько удовольствия. Например, когда Клавдий опаздывал на обед, то, несмотря на свое происхождение, долго не мог найти себе места. Если он, выпив на пиру, засыпал, что случалось нередко, шуты бросали в него косточками от фиников. Ино-

²⁸ Напоминаем, что первое имя Клавдия – Тиберий.

гда его «в шутку» будили ударом хлыста или прутьями, или надевали ему спящему на руки сандалии, чтобы потом, когда его будили, он, еще не до конца проснувшись, тер ими лицо. Позже, уже придя к власти, Клавдий говорил, что при Калигуле он во многом специально притворялся глупцом, иначе вряд ли бы выжил. Последнее утверждение очень правдоподобно. Стоит вспомнить, как беспощадно Гай Калигула разделялся со своими родственниками и приближенными.

К власти Клавдий пришел во многом благодаря случаю. После убийства Калигулы Клавдий в испуге спрятался за занавесом в одной из галерей. Его ноги заметил пробежавший мимо солдат-преторианец. Обнаруженный Клавдий в ужасе бросился в ноги солдату, но тот поднял его и приветствовал как императора. Затем преторианцы, не зная, как поступить, посадили Клавдия в носилки и отнесли в свой лагерь. В страхе Клавдий провел ночь, но увидев, что ему не угрожает опасность, стал думать о том, какую выгоду можно извлечь из сложившегося положения. На следующий день в сенате начался дележ власти между двумя лидерами заговора: Валерием Азиатиком и Марком Виницием. Сенат никак не мог прийти к согласию. Между тем толпа, боясь междоусобиц, требовала единовластия, и уже называли имя Клавдия. Боясь такого противника, сенаторы отправили к нему послов с требованием прийти в курию. Но Клавдий к тому времени принял присягу от воинов и пообещал каждому из них солидную награду. Тогда сенаторы, увидев, что войско на стороне Клавдия, стали просить хотя бы принять власть из рук сената.

Надо сказать, что, придя к власти, Клавдий вел себя на удивление скромно. По крайней мере, в сравнении со своими предшественниками. Он отказался от большинства почестей, решение многих государственных дел отдал на рассмотрение сенату, на судах часто присутствовал в качестве простого советника, был вежлив и предупредителен с различными должностными лицами. В государственных делах он отличался непостоянством. Часть его поступков можно назвать достаточно разумными, часть – легкомысленными. В суде он иногда принимал мудрые и справедливые решения, иногда – спорные, а подчас и парадоксальные. Светоний приводит по этому поводу массу примеров.

За время правления Клавдия, а находился он у власти 14 неполных лет, улучшилось финансовое положение империи, была упорядочена система налогообложения, осуществлены многие грандиозные и полезные проекты: закончено строительство водопровода, осушено Фуцинское озеро, построена гавань в пригороде Рима Остии, отстроены многие пришедшие в негодность постройки.

Большое внимание Клавдий уделял снабжению Рима продовольствием. Часто устраивал раздачу народу денег, грандиозные игры и зрелища.

Но своим вредным привычкам Клавдий стал предаваться с большим азартом. На пьянство, игру в кости, роскошные пиры и чувственные наслаждения он тратил много времени и средств. Подобно Калигуле и Тиберию, не чужд был Клавдий и болезненного интереса к казням и пыткам.

Несмотря на в общем-то спокойное правление, на Клавдия было совершено несколько неудачных покушений. Один раз даже вспыхнула междоусобная война, которая, правда, была пресечена в зародыше самими восставшими. Они, раскаявшись, убили своего предводителя.

Но настоящим горем и источником опасности для Клавдия стали его жены. Женат он был четыре раза. С первой женой он развелся из-за ее развратного поведения. Со второй – по причине мелких разногласий. После этого он вступил в брак с Валерией Мессалиной. Но та не только оказалась ему неверна, но и попыталась вместе со своим любовником захватить власть. Разоблачив заговор, Клавдий приказал казнить Мессалину, а сам поклялся перед своими преторианцами, что отныне в брак не вступит, а если не устоит, то пусть они сами заколют его. На свою беду, Клавдий не устоял. Но отнюдь не преторы стали причиной его смерти. Роковым для него стал четвертый брак с Агриппиной Младшей.

Этой личности, как основному «действующему» лицу главы, следует уделить больше внимания. Агриппина Младшая была дочерью Германика и Агриппины Старшей и родной сестрой Калигулы. Следовательно, Клавдию она приходилась племянницей. От первого брака Агриппина имела сына Луция Домиция Агенобарба (будущего императора Нерона). По легенде, после рождения сына астролог сказал ей, что мальчик будет царем, но убьет свою мать. На что Агриппина ответила: «Пусть убьет меня, лишь бы царствовал». Отец мальчика, Гней Домиций Агенобарб, умер, когда ему было только три года, в 40 году н. э. После его смерти Калигула отправил Агриппину в ссылку. Но вскоре он был убит, к власти пришел Клавдий и вернул племянницу в Рим. После смерти Мессалины Агриппина поняла, что такой шанс добиться власти для себя и своего сына упускать нельзя. Она обольстила падкого на женские прелести дядю и в 49 году н. э. вышла за него замуж. Для того чтобы этот кровосмесительный брак стал возможен, Клавдию понадобилось специальное решение сената.

В 50 году н. э. Клавдий усыновил сына Агриппины и дал ему имя Тиберий Клавдий Нерон. Достаточно быстро, однако, Клавдий понял, что и этот брак не принесет ему счастья. Новая жена изменяла ему и занималась у него за спиной различными политическими интригами, в основном направленными на обеспечение своему сыну наследства.

Вскоре Клавдий стал явно тяготиться своим браком и жалеть о том, что усыновил Нерона. Агриппина забеспокоилась. И было отчего. Многие свидетельствовало о том, что Клавдий может лишиться Нерона наследства и передать его Британику, своему сыну от брака с Мессалиной. Например, однажды встретив Британика, Клавдий очень тепло его приветствовал, крепко обнял и пожелал ему вырасти, чтобы принять от отца отчет во всех делах. Клавдий спешил поскорее надеть на Британика тогу совершеннолетнего и говорил при этом: «Пусть наконец у римского народа будет настоящий Цезарь!»

Но особенно насторожили Агриппину слова, которые обронил однажды Клавдий. Он сказал, что такова его судьба – выносить беспутство своих жен, а затем обрушивать на них кару. Решение было принято. Все приготовления Агриппина сделала с чувством, с толком, с расстановкой. Она долго размышляла, какой именно яд нужно применить. Слишком быстрое действующий яд мог бы вызвать подозрения, если же воспользоваться медленным – то Клавдий, почувствовав приближение смерти, мог бы успеть изменить завещание. Тут предпочтительней был бы яд, вызывающий сперва помутнение рассудка, а затем – медленную смерть. Без специалиста было не обойтись. Агриппина обратилась к некоей Локусте, известной отравительнице того времени. Яд, приготовленный Локустой, был подан, по одной версии, евнухом Галотом, в обязанности которого входило пробовать блюда, перед тем как их ел Клавдий. По другой версии, яд подала сама Агриппина в блюде с белыми грибами – излюбленном лакомстве Клавдия.

Дальнейшие события тоже описываются по-разному. Светоний приводит два варианта этих событий. Согласно одному из них, после принятия яда у Клавдия отнялся язык. Промучившись всю ночь, уже под утро он умер. Согласно другому – сперва Клавдий впал в беспамятство. Но затем от обилия принятой пищи его вырвало. После чего яд дали повторно: то ли в каше, которую ему предложили, чтобы укрепить силы после рвоты, то ли вместе с промыванием, которое применили для «очистки» желудка. Несколько иначе и к тому же подробнее описывает эти события Тацит. По изложенной им версии, то, что Клавдий отравлен, непосвященные присутствующие поняли не сразу. Клавдий был пьян и беспечен. Затем с ним случился приступ поноса, что принесло явное облегчение. Тогда Агриппина в панике бросилась к врачу Ксенофонту – еще одному участнику заговора. Ксенофонт, якобы для того чтобы вызвать рвоту, ввел в горло Клавдия перо, смазанное уже быстроедействующим ядом.

О смерти Клавдия сообщили не сразу, нужно было приготовить все для вручения Нерону верховной власти. Более того, произносились молитвы о его здоровье, уже мертвого принцепса обложили припарками и покрывалами, во дворец приглашались комедианты, якобы для того, чтобы развлечь больного. Как бы находясь в глубочайшем горе и ища утешения, Агриппина

бросилась в покои Британика, заключила его в свои объятия, называла точной копией отца и под разными предлогами не выпускала из покоев. Так же взаперти она держала его сестер – Антонию и Октавию. Время от времени Агриппина объявляла, что самочувствие Клавдия улучшилось.

Когда, наконец, о кончине Клавдия было объявлено, на ступенях дворца воины приветствовали семнадцатилетнего Нерона как императора. Затем его на носилках отнесли в лагерь преторианцев, где он произнес короткую речь перед солдатами. Отсюда Нерон последовал в сенат, где был буквально осыпан всевозможными почестями. Завещание Клавдия всенародно объявлено не было. Агриппина, Нерон и их сторонники опасались, как бы несправедливость этого завещания не вызвала гнев народа: ведь Клавдий, имея родного сына, основным наследником сделал пасынка. Позже, уже по приказу самого Нерона Британик был отравлен.

Агриппина отнюдь не собиралась, предоставив власть сыну, уйти на покой. Первое время она настойчиво принимала участие во всех делах Нерона и государства. Но характер нового принцепса проявился очень быстро. Он ни с кем не желал делиться властью. Между Агриппиной и Нероном произошел разлад. Яблочко от яблони недалеко падает. В 59 году, через пять лет после прихода к власти, Нерон с величайшей изобретательностью подготовил и осуществил убийство матери. Легендарное предсказание сбылось.

АНГЛИЯ

БЕКЕТ ТОМАС

(1118–1170)

Архиепископ Кентерберийский с 1162 г. Политический деятель. Выступал против политики Генриха II, направленной на подчинение английской церкви светской власти. Убит по распоряжению короля. Канонизирован в 1173 г.

История не всегда справедлива к тем или иным выдающимся личностям. Немногие английские монархи могут сравниться по величине вклада в становление и развитие английского государства с правившим тридцать пять лет королем Генрихом II Плантагенетом. До Генриха II английские короли, бывшие одновременно правителями различных областей на территории современной Франции, практически не уделяли внимания своим островным владениям, считая их второстепенными. Придя к власти в возрасте двадцати одного года, Генрих II своими решительными действиями сумел быстро усмирить баронскую смуту, многие годы терзавшую Англию, и распустил бесчисленные отряды наемников, чинивших насилие над простыми людьми. Именно при Генрихе II впервые в Европе появился суд присяжных, были отменены испытания подсудимого «божьим судом» (когда подозреваемые в преступлении люди подвергались испытанию огнем, раскаленным железом, водой). К Англии были присоединены Уэльс

и Ирландия. Генрих II провел весьма успешную военную реформу, ослабившую зависимость короля от феодальных баронов в военной области. Военная служба могла быть заменена взносом в казну так называемых «щитовых денег», на которые король мог нанимать рыцарей, служивших ему определенное время, тогда как служба вассалов короля ограничивалась сорока днями в году.

Англия стала превращаться в могущественное государство.

И тем не менее, Генрих II вошел в историю прежде всего как организатор и вдохновитель убийства архиепископа Кентерберийского Томаса (Фомы) Бекета. Попытаемся же разобраться в причинах, толкнувших столь выдающегося государя на это преступление, омрачившее все его царствование.

В 1135 году умирает король Генрих I, младший сын Вильгельма I Завоевателя. От двух официальных браков Генрих I имел сына Вильяма и дочь Матильду (по свидетельству историков, число незаконных детей Генриха I достигало двадцати). Но в 1120 году Вильям утонул во время кораблекрушения, и, поскольку других прямых наследников мужского пола у короля не было, он просил совет баронов принять после его смерти дочь Матильду как новую королеву Англии. Но бароны не сдержали данного Генриху I обещания.

Власть в Англии захватила баронская клика во главе с племянником Генриха I Стефаном (Стивеном) Блуасским. Вскоре Матильда подняла мятеж, намереваясь добиться своего законного права на трон. После нескольких крупных стычек победа оказалась на стороне королевы. Стефан Блуасский отнюдь не был идеальным монархом, скорее наоборот. Однако правление Матильды было столь безобразным, что буквально через несколько месяцев Англия взбунтовалась. Поддерживаемые народом бароны опять вернули на трон Стефана. Все же победители пошли на некоторые уступки – Матильде было обещано, что после смерти Стефана Блуасского королем станет ее сын Генрих Анжуйский.

Стефан Блуасский скончался в 1154 году. К этому времени под властью Генриха Анжуйского находились обширные владения во Франции: Нормандия и Анжу, перешедшие к нему после смерти отца, графа Джеффри Анжуйского, а также Аквитания, Гасконь, Пуату, доставшиеся Генриху благодаря женитьбе в 1152 году на бывшей жене французского короля Людовика VII Элеоноре Аквитанской.

Генрих II был коронован 19 декабря 1154 года в Вестминстерском аббатстве. Для проведения задуманных преобразований молодому королю нужны были способные и надежные помощники. В те времена вторым человеком в Англии считался глава Церкви архиепископ Кентерберийский. Именно к архиепископу Кентерберийскому Теобальду и обратился Генрих II, когда ему понадобилась кандидатура на пост канцлера.

Теобальд порекомендовал королю своего помощника архидьякона Томаса Бекета. Тогда-то и состоялась встреча двух выдающихся людей своего времени, бывших поначалу лучшими друзьями и соратниками, а затем ставших заклятыми врагами.

История происхождения Томаса Бекета до конца не ясна. Достоверно известны лишь время и место рождения будущего архиепископа Кентерберийского – Лондон, 1118 год. По поводу же родителей Бекета исторические документы дают весьма противоречивую информацию. Согласно одним источникам, отец Бекета был мелким торговцем. По другим данным, Томас Бекет был сыном богатого купца, некоторое время занимавшего высокий пост шерифа Лондона.

На этом фоне весьма романтично выглядит версия происхождения Бекета, выдвинутая английским историком Голдсмитом. По этой версии, будущий второй человек Англии был сыном простого английского солдата и дочери... предводителя одного из сарацинских племен. Принимая участие в очередном крестовом походе, отец Томаса Бекета, Гилберт Бекет, якобы попал в плен к одному из сарацинских вождей. Однако провидению было угодно, чтобы в пленника отчаянно влюбилась дочь вождя племени, которая вскоре помогла Гилберту бежать.

Через некоторое время прекрасная сарацинка, будучи не в силах пережить разлуку с любимым, решается на отчаянный шаг и покидает родной дом. На английском языке она знала всего два слова – «Лондон» и «Гилберт». Первое слово помогло ей попасть на борт английского торгового корабля. Оказавшись в Лондоне, молодая девушка несколько дней ходила по улицам незнакомого города, пока, наконец, совершенно случайно не встретила любимого человека. Вскоре Гилберт Бекет и его возлюбленная, после обряда крещения получившая имя Матильда, поженились.

Несмотря на свое саксонское происхождение (в те времена привилегированным классом были норманны, саксонцы же считались людьми второго сорта), Томас Бекет получил прекрасное образование, обучаясь сначала в Англии, а затем и во Франции и Италии. В 1143 году, после участия в поездке архиепископа Теобальда в Рим, Томас Бекет был отправлен в Болонью и Оксерр для изучения канонического права. Бекет еще тогда обратил на себя внимание окружающих живым темпераментом, необыкновенной памятью и глубокими знаниями. Располагала к себе и внешность высокого и стройного молодого брюнета. Товарищи Бекета считали его в высшей степени приятным, стремящимся нравиться людям и весьма честолюбивым человеком.

Постепенно влияние Бекета в окружении Теобальда росло. Вскоре Теобальд стал поручать своему выдвиженцу важные дипломатические миссии. В 1152 году Бекет проявил себя, действуя в качестве представителя архиепископа Кентерберийского в Риме, где ему удалось получить папский эдикт, запрещающий коронацию сына короля Стефана Блуасского.

Находясь на посту канцлера Англии, Бекет с каждым днем приобретал все больший политический вес в жизни Англии. Стареющий архиепископ Теобальд уже не влиял на происходящее, и Томас Бекет вскоре стал доверенным лицом короля Генриха II, помогая королю, а иногда и заменяя монарха в государственных делах. Бекет преданно проводит в жизнь политику Генриха II, бескомпромиссно и ревностно защищая интересы своего короля. В 1158 году Бекет возглавил английскую миссию, отправившуюся в Париж, и там провел успешные переговоры о браке принца Генриха и старшей дочери французского короля Людовика VII.

Между королем и канцлером сложились не только деловые, но и дружественные отношения. Они вели весьма свободный, с точки зрения морали, образ жизни, оба любили хорошее вино и дорогие кушанья. Совместные пиры проходили чуть ли не ежедневно.

В 1161 году умирает глава Церкви архиепископ Кентерберийский Теобальд. Отношения между Генрихом II и Церковью были очень натянутыми, поскольку амбициозный король всеми способами пытался ограничить власть «слуг Божьих». Кроме того, Генрих II, стремясь укрепить мощь государства и армии, неоднократно пытался обложить налогами непомерные доходы Церкви. Надеясь, что верный соратник поможет обуздать аппетиты церковников и ограничить власть Церкви, Генрих II добивается назначения в 1162 году Томаса Бекета архиепископом Кентерберийским. Это назначение вызвало вполне понятное недовольство высших церковных иерархов, поскольку Бекет был человеком светским и до этого всегда поддерживал инициативы короля по серьезным ограничениям прав Церкви. Однако ни Генрих II, ни церковные деятели, никто в Англии не предполагал, какая разительная перемена произойдет с Томасом Бекетом после назначения его архиепископом Кентерберийским.

Став не только де-факто, но и де-юре вторым человеком в иерархии английской власти, из абсолютно не религиозного человека Бекет в одночасье превратился в фанатичного святошу, всем своим видом и деяниями демонстрируя невероятный аскетизм и радость наконец-то представившейся возможности служить Богу, а не королю и государству. Всегда любивший хорошую и модную одежду, новый архиепископ Кентерберийский вдруг облачился в холщовую монашескую рясу, которую не менял по несколько месяцев.

Бекет спал на холодном каменном полу, ел только хлеб и пил воду, вкус которой специально отравлял горькими травами и кореньями. Каждое утро перед Кентерберийским аббат-

ством стали собираться нищие и калеки, которым глава Церкви лично мыл ноги, кормил и раздавал подавание. Более того, вскоре перед лондонцами предстала и вовсе невообразимая картина. Каждое утро, и в жару и в холод, горожане видели медленно бредущего по улицам архиепископа Кентерберийского, за которым шли несколько монахов, хлеставших бичами главу Церкви. Такую епитимью Бекет наложил на себя сам в наказание за свои прошлые грехи. При этом Бекет стал всячески противодействовать Генриху II в его стремлении подчинить себе Церковь.

Такое не могло присниться Генриху II даже в самых страшных снах. Человек, которого он, король, поставил на одну ступень рядом с собой, вознеся из полной неизвестности к вершинам власти; человек, обязанный ему, Генриху II, своим положением, богатством и славой, человек, который должен был на посту главы Церкви помочь королю обуздать непомерные амбиции церковников, наконец, просто его лучший друг совершает такую подлую и абсолютно неожиданную измену! Этот удар в спину Генрих II, до того практически не знавший серьезных поражений, перенес с большим трудом.

По прошествии веков сложно судить о мотивах и поступках того или иного человека. Что же стало причиной такой резкой перемены в характере Томаса Бекета? Какое-то вдруг снизошедшее свыше озарение, после которого он стал понимать всю греховность и суетность мирской жизни? Возможно. Однако обращает на себя внимание следующий факт. В 1164 году Генрих II обвинил архиепископа Кентерберийского во многих преступлениях. В частности король обвинил Бекета в краже государственных денег в весьма крупных размерах во время пребывания его на посту канцлера. Естественно, в открытом суде Бекет громко и ясно отвергал все выдвинутые против него обвинения, однако вскоре тайно договорился с представителями короля о возврате денег в казну, причем в требуемых королем размерах. Не была ли резко наступившая святость Бекета попыткой скрыть свои преступления и уйти от ответственности?

Первое открытое столкновение короля и архиепископа Кентерберийского произошло в 1164 году. Несмотря на переход Бекета в лагерь противников, Генрих II все же не отказался от своих намерений преобразовать отношения государства и Церкви. Вскоре Генриху II представился удобный случай для проведения своих реформ в жизнь. В 1163 году некий священник изнасиловал дочь одного джентльмена, а затем, чтобы скрыть свое преступление, убил несчастную девушку и ее отца. По существовавшим тогда законам, гражданский суд не мог судить человека, имеющего духовный сан, какое бы тяжелое преступление тот ни совершил. Такое право имел только церковный суд. По сути дела для любого человека, даже не имеющего звания священника, но так или иначе работающего на Церковь (например, церковного писца или сторожа), церковный суд был надежной лазейкой, позволяющей избежать справедливого наказания за содеянные преступления. Так случилось и на этот раз. Священника судил церковный суд, который, несмотря на наличие бесспорных доказательств, убийцу и насильника оправдал. Тяжесть преступления и оправдательный вердикт суда вызвали бурю возмущения в народе. Узнав об этом, король потребовал судить убийцу гражданским судом и вообще изменить порядок судопроизводства в Англии.

Для разбирательства этого дела в январе 1164 года Генрих II созвал в Кларендоне Генеральный Совет представителей знати и духовенства. Генриху II удалось заставить всех собравшихся поставить подпись под шестнадцатью пунктами соглашения между королевской властью и Церковью. Эти соглашения стали известны как «Кларендонская Конституция». Главными пунктами этой конституции были требования об обязательном присутствии королевских юристов на заседаниях церковных судов и немедленном переводе дел осужденных духовных лиц под гражданскую юрисдикцию королевских судов.

Каким же образом Генриху II удалось заставить церковных иерархов подписать соглашения, существенно ограничивающие власть духовенства? Три дня король безуспешно уговаривал собравшихся в Кларендоне епископов, однако те ни на йоту не хотели лишаться своих

привилегий. И тут на помощь королю приходит... главный защитник интересов Церкви архиепископ Кентерберийский Томас Бекет. Именно он дает указание епископам подписать «Кларендонскую Конституцию». Неужели Бекет вновь занял позицию короля? Отнюдь. Бекет прекрасно понимал, что в Риме никогда не одобряют подобный документ. Так и случилось. Папа Александр III в самых резких выражениях осудил подписанные соглашения, и тут же архиепископ Кентерберийский начал выступать с громогласными проповедями, обрушивая свой гнев на короля и всех подписавших «Кларендонскую Конституцию».

После этого обмана Генрих II обвинил архиепископа Кентерберийского в государственной измене. Понимая, что положение его становится с каждым днем все более опасным, Бекет решает бежать из Англии. В конце 1164 года глава английской Церкви оказывается во Франции, где два года живет в аббатстве Понтины, а затем перебирается в монастырь св. Коломба в Сансе.

Несмотря на то что Генриху II удалось изгнать из страны своего злейшего врага, он не чувствовал победы. За рубежами Англии Томас Бекет имел весьма благоприятную репутацию «святого, пострадавшего в борьбе с несправедливой властью» и множество друзей и покровителей, самым влиятельным из которых был Папа Римский Александр III. Именно Рим оказывал на английского короля сильнейшее давление. Папа в своих посланиях пытался добиться примирения короля и архиепископа, а также требовал от Генриха II вернуть Бекету конфискованные по решению королевского суда имущество и поместья.

Заочный спор между Бекетом и Генрихом II продолжался без малого шесть лет. 14 июня 1170 года в Лондоне состоялась коронация наследника престола Генриха-младшего (формально Генрих II сделал своего сына соправителем Англии, однако никакой реальной властью наследник не обладал). В нарушение традиционных прав архиепископа Кентерберийского, обряд коронации совершил архиепископ Йоркский. Это вызвало гнев папы Александра III, который под угрозой наложения на Англию интердикта (запрета совершать на наказуемой территории богослужения и религиозные обряды) заставил Генриха II пойти на уступки архиепископу Кентерберийскому. 22 июля в нормандском городке Фретиваль состоялась встреча Генриха II и Томаса Бекета. Казалось, противоборствующим сторонам удалось достичь долгожданного компромисса: Генрих II отказывался от судебного преследования Бекета и разрешал тому вернуться в Англию, Бекет же согласился провести повторную коронацию наследника престола Генриха-младшего и обещал королю без особой надобности не вмешиваться в управление государством.

С большой помпой Томас Бекет 1 декабря 1170 года возвращается в Кентерберийское аббатство. И тотчас нарушает данные королю обещания. Он потребовал опубликовать папские послания, осуждающие кларендонские соглашения, и отстранить поддерживавших короля архиепископов Лондона, Йорка и Солсбери. Бекет также предал анафеме всех епископов, которых сам же и заставил подписать «Кларендонскую Конституцию»!

Безусловно, облеченные властью люди должны уметь сдерживать свои эмоции. И все же можно понять реакцию Генриха II – Бекет в очередной раз обманул его. В конце декабря в Нормандии состоялся Рождественский пир, на который были приглашены практически все преданные Генриху II рыцари. Однако мысли у короля были отнюдь не праздничные. Думая постоянно о ненавистном архиепископе Кентерберийском и будучи не в силах сдержать себя, он во всеуслышанье воскликнул: «Найдутся ли в моем королевстве смелые люди, которые избавят от этого предателя?!» К сожалению, летописи не сохранили абсолютно точный ход событий, а ведь от этого зависит очень многое – был ли Генрихом отдан четкий приказ убить Бекета или же слова короля были всего лишь криком души отчаявшегося человека. Как бы там ни было, четыре рыцаря – Реджинальд Фитц Урс, Вильям де Траси, Гуго де Морвиль и Ричард ла Брет – не остались равнодушными к словам своего короля. Тотчас же они отправились в Англию. 29 декабря 1170 года четверка рыцарей стояла у ворот Кентерберийского аббатства.

Дальнейший ход событий нам известен благодаря монаху Эдварду Гриму, который из потайного места за алтарем Кентерберийского аббатства наблюдал за убийством Томаса Бекета. Основные моменты его показаний вполне достоверны, хотя при их изучении следует учитывать влияние на монаха ореола святости архиепископа Кентерберийского.

Итак, 29 декабря 1170 года слуга впустил четверых рыцарей в пределы Кентерберийского аббатства. Как приближенные короля, рыцари были приняты с должным почтением. Писарь архиепископа Кентерберийского провел их в личные покои своего владыки.

– Снимите анафему со всех слуг короля и верните их в лоно Церкви, а затем убирайтесь из Англии! – увидев Бекета, потребовали рыцари и обнажили мечи.

– Я никогда не сделаю этого! – отвечал им Бекет.

Да, рыцари угрожали Бекету. И все же отметим, что они не стали сразу убивать архиепископа, а попытались поначалу заставить Бекета подчиниться воле короля.

– С этого дня с вами не может быть никакого мира. Король устал от ваших обманов. Убирайтесь! – продолжали настаивать рыцари.

– Я не подчиняюсь ничьей воле, кроме воли Господа нашего! Так и передайте моему королю!

– Тогда вы умрете, проклятый предатель, и получите то, что заслуживаете!

– Король приказал вам убить меня? Что ж, подлые убийцы, делайте свое дело! Со мной Бог, я не боюсь смерти!

После этих слов взбешенные рыцари схватили Бекета и попытались вывести его из церкви. Бекет отчаянно сопротивлялся, и в пылу борьбы кто-то из рыцарей нанес ему первый удар мечом по голове.

Томас Бекет был еще жив, когда рыцари выволокли его на улицу. «Во имя Иисуса и святой Церкви я готов умереть», – слабым голосом бормотал Бекет. Убийц уже было не остановить: на голову архиепископа Кентерберийского один за другим посыпались удары. Кровь Бекета полилась на мостовую. Услышав крики, люди Бекета пытались спасти его, но безоружные монахи ничего не могли сделать с вооруженными опытными воинами. Видя, что дело сделано, убийцы оставили бездыханное тело на тротуаре и скрылись.

Сейчас трудно судить, было это притворством или нет, но, узнав об убийстве Бекета, Генрих II пришел в ярость и строго наказал убийц.

Это преступление сделало Генриха II изгоем во всем христианском мире и заставило его прекратить наступление на церковные привилегии. 21 мая 1172 года король вынужден был публично покаяться в своем грехе. Пытаясь спасти свою репутацию, он торжественно пообещал:

- снарядить 200 рыцарей для нового крестового похода на Святую землю;
- не создавать трудностей духовенству при обращении к Папе Римскому;
- вернуть Церкви всю ее конфискованную собственность;
- отменить все старые и не вводить новых законов, ограничивающих права Церкви.

Но и этого было мало. На голову несчастного короля со всех сторон продолжали сыпаться проклятия. Поэтому, по требованию папы Александра III, Генрих II вынужден был еще раз публично покаяться и искупить свои грехи. Ни до ни после Генриха II в истории христианского мира не было подобных примеров. В июле 1174 года король прошел по Кентерберийскому аббатству сквозь ряды хлеставших его плетью монахов, а затем целую ночь молился у могилы Бекета.

Усыпальница архиепископа Кентерберийского вскоре стала местом паломничества. В 1173 году Томас Бекет был канонизирован и в церковном календаре день 29 декабря стал днем святого Фомы. Однако по прошествии веков потомки развенчали мнимую святость Бекета. При короле Генрихе VIII рака с мощами святого Фомы была вынесена из Кентерберийского аббатства, а имя Томаса Бекета перестало упоминаться в английских церквях.

ЭДУАРД II ПЛАНТАГЕНЕТ

(1284–1327)

Король Англии с 1307 г. Находился в конфронтации с баронами. Во время одного из мятежей был свергнут и убит.

Английский король Эдуард II Плантагенет, четвертый сын короля Эдуарда I, родился 25 апреля 1284 года в Северном Уэльсе, в маленьком городке Кэрнаворон.

Его отец, по свидетельству историков и летописцев тех лет, был одним из самых выдающихся английских королей. Он был искусным воином и неплохим стратегом, участвовал в крестовом походе, где стойко переносил все тяготы и лишения. Но главным достоинством, выгодно отличавшим Эдуарда I от многих английских монархов, было умение управлять государством, руководствуясь не только личными интересами, но и интересами Англии и ее народа.

Именно при Эдуарде I существенно возросла роль парламента и окончательно сложилась традиция его созыва. Эдуард I создал палату общин, в которую входили менее родовитые, чем в палату лордов, граждане – рыцари, старшины городов, торговцы, небогатые землевладельцы. Неслучайно парламент созыва 1295 года вошел в английскую историю как «Образцовый парламент». Известно внимание и интерес Эдуарда I ко всем проблемам жизни страны, поскольку процесс подачи прошений королю очень поощрялся.

Хотя Эдуард I начал свое правление имея крупные долги, возникшие из-за крестового похода, ему удалось создать надежную финансовую базу для своего правления, прежде всего за счет сбора экспортных пошлин на шерсть и шкуры.

На военном поприще в первую половину правления Эдуарду I также поначалу сопутствовала удача. Он полностью подчинил своему влиянию Уэльс (кстати, именно с тех пор в Англии существует традиция, согласно которой наследник престола носит до восшествия на престол титул принца Уэльского – в 1301 году первым обладателем этого титула среди английских принцев стал будущий король Эдуард II), достаточно долго ему удавалось отбивать все попытки армии французского короля Филиппа IV захватить английские владения, в частности Гасконь, на французской земле.

Однако многочисленные и дорогостоящие войны подорвали английскую экономику. Эдуард I стал занимать огромные суммы у итальянских банкиров, но и эта мера не спасала положения. Естественно, что бедственное положение дел в экономике отрицательно сказалось и на английской военной мощи. В конце XIII века французам удалось-таки отбить Гасконь. Неудачей закончилась попытка Эдуарда I подчинить себе Шотландию. В 1306 году шотландский престол захватил Роберт Брюс, человек, воевавший и на стороне англичан, и на стороне шотландцев.

Все эти нерешенные проблемы достались наследнику Эдуарда I, молодому королю Эдуарду II Плантагенету, который вступил на английский престол в 1307 году в возрасте неполных двадцати трех лет.

Пожалуй, единственными достоинствами Эдуарда II были приятная внешность и относительно мягкий характер. Никакими способностями, отличающими выдающегося государственного деятеля, молодой король не обладал. Способствовали этому и придворные: постоянная лесть в адрес принца Уэльского привела к тому, что Эдуард II не был склонен укреплять свою власть, а наслаждался ею в угоду себе и своим фаворитам. «Природа отдыхает на детях выдающихся родителей» – личность Эдуарда II представляла собой типичное подтверждение этого известного наблюдения.

Первой попыткой Эдуарда II проявить себя в качестве сильного короля был предпринятый в 1307 году, по предсмертному распоряжению его отца, очередной поход на Шотландию. Однако абсолютно не подготовленная ни в финансовом, ни в военном отношении экспедиция походила больше на парадное выступление, чем на серьезное военное мероприятие. Как и следовало ожидать, Англия потерпела поражение от войск шотландского короля Роберта Брюса.

Закономерно, что слабые монархи легко поддаются под влияние абсолютно неразборчивых в средствах фаворитов. Первым из череды таких фаворитов в жизни Эдуарда II стал лучший друг его юности гасконский дворянин Пьер Гавестон. Некоторые источники достаточно прозрачно намекают на то, что двух молодых людей связывала не просто крепкая мужская дружба, а гораздо более серьезные отношения, так как король просто физически не мог долго обходиться без своего любимца. Остроумный и внешне симпатичный, но при этом развратный и беспутный человек полностью отвечал вкусам молодого короля. Эдуард I пытался прекратить эту порочную дружбу, по его указу Пьер Гавестон был выслан из Англии, но как только королем стал Эдуард II, гасконец тотчас появился при дворе.

Некоторое время Гавестон, находясь под покровительством своего сюзерена, обладал практически королевской властью и почестями. С каждым днем своего пребывания при короле Гавестон все презрительнее и высокомернее относился к высшему кругу английских аристократов, абсолютно игнорируя их мнение. Некоторое время придворная знать терпела выходки молодого короля и его фаворита. Вскоре Эдуард II стал отбирать земли и родовые замки у английских баронов и бросать их к ногам «дорогого Пьера». Было бы удивительным, если бы в этих условиях против ненавистного фаворита не созрел заговор. В 1311 году совет, в котором принимали участие около двадцати самых знатных людей тогдашней Англии, издал так называемые «Ордонансы». Этот документ требовал от короля согласования кандидатур, назначаемых на высшие должности в парламенте, с баронским советом, отмены практики обязательных поставок лендлордами провизии и фуража в королевскую армию, а также аннулирования всех земельных пожалований, сделанных Эдуардом II. Но главным стало требование об изгнании Гавестона из страны. Осознав серьезность ситуации, Эдуард II выслал Пьера Гавестона во Францию, но через несколько месяцев разрешил ему вернуться в Англию.

Терпение баронов лопнуло – всю Англию охватила смута. Вместо того чтобы устранить причину недовольства знати и договориться с баронами, Эдуард II переправил своего фаворита в хорошо укрепленную крепость Скарборо, а сам отправился в Йорк собирать армию для отпора зачинщикам заговора. Тем временем Гавестон со свитой были осаждены в Скарборо войском графа Пембрука. Гавестон быстро капитулировал, выторговав для себя условие, по которому он два месяца оставался бы под защитой графа Пембрука. Гасконец надеялся, что за эти два месяца король либо подавит смуту, либо сможет примириться со знатью. Однако граф Пембрук не собирался давать ненавистному королевскому фавориту шанс на спасение. Формально не нарушая условия капитуляции, «находчивый» граф Пембрук переправил Гавестона в замок Дэддингтон, после чего покинул своего пленника, оставив в замке лишь небольшую охрану. Прекрасно осведомленный об этом граф Уорик, подойдя со значительными силами к Дэддингтону, быстро захватил Гавестона в плен. Часы фаворита были сочтены. В Дэддингтоне состоялось собрание баронов, которое приговорило Гавестона к смерти. Чтобы не дать возможность королю отбить своего любимца, 19 июня 1312 года приговор был приведен в исполнение.

В 1314 году Эдуард II в очередной раз «отличился» на поприще борьбы с шотландцами. Несмотря на то что в поход отправилась самая многочисленная армия, до той поры не покидавшая пределы Англии, в битве при Баннокберне из-за глупости и стратегической бездарности английского командования это огромное войско было разбито шотландскими войсками под командованием короля Роберта Брюса. Интересно, что подробности этой битвы известны благодаря кармелитскому монаху и поэту Вильяму Бастону, которого Эдуард II взял с собой,

чтобы тот записал и восславил его победу над непокорными шотландцами. Однако все вышло наоборот – попав в плен к шотландцам, Вильям Бастон вынужден был прославлять их подвиги.

На смену же обезглавленному баронами Пьеру Гавестону приходит новый любимец – молодой человек знатного происхождения Хью де Спенсер. Немалое влияние на короля оказывал и де Спенсер-старший. И опять Эдуард II, забыв свои недавние ошибки, начал раздаривать отцу и сыну де Спенсерам конфискованные у некоторых лордов обширные земельные наделы.

Новый заговор не заставил себя долго ждать. На сей раз обиженную знать с благословения парламента возглавил граф Ланкастер, принимавший участие и в свержении Гавестона. Но на сей раз король и де Спенсеры опередили своих противников, воспользовавшись неподготовленностью мятежа и несогласованностью действий заговорщиков. Ланкастер и его сторонники не смогли собрать значительных сил, в то время как король и де Спенсеры, благодаря огромным денежным затратам, сумели собрать почти тридцатитысячную армию.

Преследуемый королевскими войсками граф Ланкастер пытался уйти в Шотландию, но вскоре был схвачен и с особой жестокостью казнен. Были убиты и многие другие участники заговора.

Опьяненные успешным подавлением мятежа, де Спенсеры продолжили свои бесчинства с еще большим размахом. Естественно, что все поместья казненных мятежников были конфискованы в пользу короля, который передал их в собственность де Спенсеров. Но де Спенсеры пошли еще дальше. Ради захвата приглянувшихся земель были убиты люди, не имевшие абсолютно никакого отношения к только что подавленному мятежу.

Вскоре у Эдуарда II и де Спенсеров появился новый противник, куда более опасный, чем граф Ланкастер и его сторонники.

Вернемся к началу царствования Эдуарда II. 25 января 1308 года во Франции, в Булони, состоялась свадьба Эдуарда II и дочери короля Франции Филиппа IV Изабеллы. Поначалу, в период влияния Пьера Гавестона, Изабелла Французская пыталась способствовать установлению прочного мира между королем и постоянно бунтующими баронами. Примириться же с безраздельным правлением де Спенсеров Изабелла, женщина с властным и сильным характером, не захотела. В 1325 году, якобы с целью улаживания давнего спора между Францией и Англией по вопросу Гаскони, королева Изабелла отправилась с дипломатической миссией во Францию на переговоры со своим братом Карлом IV. Истинной же причиной отъезда Изабеллы на родину была подготовка к свержению де Спенсеров.

Изабелла отказывалась вернуться в Англию до тех пор, пока де Спенсеры не будут изгнаны из страны. Этот шаг сделал двор Изабеллы пристанищем всех англичан, изгнанных или сбежавших на континент за время правления Эдуарда II и его фаворитов. Одним из них был знатнейший человек Англии Роджер Мортимер, граф Уигмор. Не избалованная мужским вниманием королева быстро уступила ухаживаниям красивого и галантного любовника. И действительно, личность Мортимера заслуживала внимания. Еще в 1321 году он принял участие в мятеже баронов под руководством графа Ланкастера против короля и де Спенсеров. Попав в плен, Мортимер, в отличие от большинства заговорщиков, сумел избежать казни, однако был заключен как государственный преступник в лондонский Тауэр. Такой смелый и решительный человек отнюдь не собирался провести остаток жизни в тюрьме в ожидании своей участи. В 1324 году Роджеру Мортимеру удалось сбежать из-под стражи, и через некоторое время он оказался в Париже.

В 1326 году три тысячи англичан, возглавляемые Изабеллой Французской и Роджером Мортимером, отплыли из Франции и вскоре без помех высадились на побережье в районе Суффолка, где не встретили абсолютно никакого сопротивления. Наоборот, по мере продвижения войск Изабеллы в глубь страны число противников де Спенсеров возрастало с каждым днем.

Давно известно, что «умные учатся на ошибках других, дураки – на своих». Однако Эдуард II не сделал правильных выводов даже из своих прошлых промахов – история с Пьером

Гавестоном ничему не научила безвольного короля. В ответ на ультиматум восставших против него королевы и Мортимера, требовавших выдать де Спенсеров и предать их суду, король предпочел защищать своих обреченных на гибель фаворитов до конца. Вскоре борьба против отца и сына де Спенсеров переросла в борьбу против Эдуарда II.

Де Спенсеры попытались скрыться, однако их усилия были тщетны. Хью де Спенсера-старшего войска Изабеллы Французской настигли в Бристоль. Бристоль в то время был хорошо укрепленной крепостью, и, очевидно, де Спенсер-старший рассчитывал, что ему удастся некоторое время сдерживать атаки противника. Однако ненависть к де Спенсерам в Англии была слишком сильна – почти сразу же после подхода к крепости основных сил Изабеллы Французской гарнизон Бристоля отказался подчиняться де Спенсеру, и он был выдан жаждущим крови баронам. Некогда всемогущего фаворита ждала ужасная расплата – под радостные крики толпы он был повешен, тело его было отдано на съедение собакам, а голова выставлена на шесте для всеобщего обозрения.

Видя безнадежность ситуации, де Спенсер-младший пытался скрыться в Уэльсе, но вскоре был схвачен. Жестокость порождает ответную жестокость. Казнь Хью де Спенсера-младшего была особенно изощренной, поскольку присутствовавшая на ней королева Изабелла приказала палачам как можно долее продлить мучения поверженного противника.

Смерти обоих де Спенсеров мятежникам было уже мало. Эдуард II был схвачен в Уэльсе, по одной из версий, из-за предательства сопровождавших его дворян, понявших, что власть уходит из рук короля к Изабелле и Мортимеру. Короля привезли в Тауэр, и вскоре решением парламента он был отстранен от власти. В вину Эдуарду II была поставлена подверженность влиянию неразборчивых в средствах фаворитов и полная неспособность управлять страной. В январе 1327 года четырнадцатилетний принц Уэльский, сын Эдуарда II и Изабеллы Французской, был коронован как Эдуард III, а регентшей до совершеннолетия короля была назначена королева-мать.

Поначалу победители обращались с низложенным королем вполне сносно, ему даже была назначена вполне приличная пенсия. Эдуард II пользовался относительной свободой действий, он находился в Тауэре, который в те времена еще был резиденцией английских королей, хотя в нем и содержались особо опасные преступники.

Однако вскоре в английском обществе стал проявляться известный феномен «жалости к слабым и униженным». Если в первые дни после отречения Эдуарда II и знать, и простолюдины радостно приветствовали это событие, то буквально через несколько месяцев в народе стали проявляться признаки сострадания к бывшему королю. Были даже раскрыты два заговора, целью которых было освобождение Эдуарда II из-под стражи. Правда, некоторые историки считают, что эти заговоры были инсценировкой, подготовленной Роджером Мортимером, который хотел таким образом показать королеве Изабелле опасность сохранения жизни Эдуарду II.

Перед Изабеллой Французской и Мортимером встала серьезная проблема. С одной стороны, они не решались открыто пролить королевскую кровь, с другой – живой Эдуард II с каждым днем становился для них все более опасным. Эдуарда II попытались умертвить естественным образом, переводя ослабленного невзгодами короля из тюрьмы в тюрьму, где условия его содержания становились все хуже и хуже. В конце концов Эдуард II оказался в руках приверженцев Роджера Мортимера лордов Баркли, Матревиса и Герни. Самыми ужасными для Эдуарда II были дни пребывания в родовом замке лордов Баркли в Глостершире. Вот как описывает страдания короля Кристофер Марло, известный английский драматург XVI века, соавтор ранних пьес Вильяма Шекспира, в своей трагедии «Эдуард II»:

Король Эдуард:

И в этой луже и грязи стою я
Уж десять дней. И, чтоб не мог я спать,
Они бьют непрерывно в барабан.
Мне, королю, лишь хлеб дают да воду.
Увы, от недостатка сна и пищи
Мой ум расстроен, тело онемело,
И есть ли ноги у меня, не знаю.
О, пусть бы кровь моя из каждой вены
По капле вытекла, как из одежды
Моей разорванной вода сочится!»

Несмотря на все старания тюремщиков, естественная смерть не наступала. И тогда Роджер Мортимер, с согласия королевы Изабеллы, дает приказ своим подручным убить короля. Чтобы обезопасить себя от возможных последствий, приказ был отдан в завуалированной форме. Обратимся еще раз к пьесе Кристофера Марло:

Мортимер

Король умрет иль Мортимер погибнет,
Народ жалеть уж начал Эдуарда.
И, раз виновник смерти короля
Окажется в ответе, без сомненья,
Как только подрастет его наследник.
Здесь надо действовать весьма искусно.
Вот как один наш друг приказ составил
О смерти и охране Эдуарда:
(Читает.)
«Edwardum occidere nolite timere, bonum est»²⁹.
А можно прочесть совсем иначе,
И смысл получится как раз обратный:
«Edwardum occidere nolite, timere bonum est»³⁰.
Написано без запятых. Когда
Он будет мертв и наш приказ найдут,
Матревис будет осужден с другими,
А мы, что были этому причиной,
Оправданы.

До сих пор среди историков нет единого мнения об обстоятельствах смерти Эдуарда II. Некоторые считают, что король умер естественной смертью еще до того, как был получен приказ Мортимера. Однако подавляющее большинство ученых полагает, что Эдуард II был убит в

²⁹ Не надо бояться убить Эдуарда, это правильно (лат.).

³⁰ Эдуарда не убивать, нужно бояться (лат.).

замке Баркли 21 сентября 1327 года. В изданных в 1586 году «Хрониках Англии, Шотландии и Ирландии» Ральфа Холиншеда рассказывается, что убийцы придавили Эдуарда II тяжелой крышкой обеденного стола, а затем проткнули его раскаленным вертелом. Тело короля демонстрировалось с целью доказательства естественной смерти, дескать, на нем нет никаких ран, однако это могло обмануть лишь немногих, так как крики и вопли несчастного узника долго разносились по замку Баркли.

Так или иначе, Изабелла Французская и Роджер Мортимер избавились от мешавшего им короля. Но их триумф был недолгим. Уже через три года, в 1330-м, молодой, но рано окрепший король Эдуард III полностью утвердился на королевском троне и стал независимым от матери и ее любовника. Вскоре Мортимер был казнен. Лишить жизни свою мать Эдуард III все же не решился, хотя и открыто обвинял ее в убийстве отца. Изабелла Французская была отправлена в ссылку, а в старости она ушла в монастырь, где и провела остаток своих дней.

Интересно, что единственным положительным вкладом Эдуарда II в развитие английского государства можно считать... его сына, короля Эдуарда III, правление которого признано соотечественниками и историками одним из самых выдающихся в истории Англии. Сын был полной противоположностью отца – решительный и смелый Эдуард III смог за очень короткий срок создать вполне боеспособную армию, которая сумела подчинить английской короне Шотландию, а также нанести ряд существенных поражений в ходе Столетней войны французским войскам, считавшимся до тех пор непобедимыми, в том числе и в знаменитых битвах при Креси и при Пуатье. Современники и потомки Эдуарда III сравнивали его с легендарным королем Артуром. Недаром собор германских князей в 1348 году предложил Эдуарду III занять трон императора Священной Римской империи. Однако король заявил, что не считает возможным владеть тем, что не предписано ему Богом, и отказался от почетного титула. Подобной мудрости государя можно только позавидовать.

ЭДУАРД ПЯТЫЙ

(1471–1483)

Английский король с апреля по июнь 1483 г., из династии Йорков. Обстоятельства смерти Эдуарда V и его брата Ричарда до конца не известны. Предположительно они были убиты не ранее сентября 1483 года в Тауэре.

Вторая половина XV века – один из самых смутных и печальных периодов в английской истории. В это время в Англии разразилась кровопролитная междоусобная война, известная как Война Алой и Белой розы. За престол сражались две боковые ветви династии дома Плантагенетов – Ланкастеры, в гербе которых была алая роза, и Йорки, символом которых была роза белая.

Историки считают началом войны Алой и Белой роз 1455 год, однако мы начнем свой рассказ с далекого 1422 года. В этом году королем Англии и Франции стал Генрих VI, сын английского короля Генриха V и принцессы Франции Екатерины Валуа. Отроду владыке двух самых могущественных держав того времени было... девять месяцев. Естественно, что управлять государствами до совершеннолетия короля должны были регенты. По воле умирающего Генриха V главой Франции был назначен его брат Джон Бедфорд, а Англии – Хамфри Глостер.

Возможно, правление Генриха VI стало бы одним из самых спокойных и благополучных в истории Англии, поскольку король был очень миролюбивым человеком, но... В 1453 году у Генриха VI случился припадок безумия, во время которого он был абсолютно неспособен управлять государством. И хотя через год на некоторое время психическое состояние короля улучшилось, вскоре припадки стали повторяться.

В 1454 году регентом при короле был назначен герцог Ричард Йоркский. Партия Ланкастеров во главе с волевой и решительной женой Генриха VI Маргаритой Анжуйской начала войну с целью отстранения Ричарда Йоркского от власти. Первой битвой в «войне роз» была битва при Сент-Олбансе в мае 1455 года, победа в которой была на стороне йоркцев. Эта победа позволила Ричарду Йоркскому вновь добиться должности лорда-протектора, с которой он был смещен в декабре 1454 года. Однако вскоре Маргарите Анжуйской опять удастся взять бразды правления в свои руки, подчинив себе парламент и правительство.

До 1459 года в «войне роз» наступает относительное затишье. Обе стороны готовятся к решающим сражениям.

В июне 1460 года войска под предводительством графа Уорвика (переходивший несколько раз во время войны из лагеря йоркцев в лагерь ланкастерцев и обратно граф Уорвик вошел в историю под прозвищем «делатель королей») и младшего сына Ричарда Йоркского графа Марча, будущего короля Эдуарда IV, захватывают Лондон. Генрих VI пытается скрыться в Нортгэмптоне, однако в июле 1460 года йоркцам удается его догнать, разбить королевскую армию и захватить Генриха VI в плен.

Осенью 1460 года Ричард Йоркский обращается с речью к парламенту и заявляет о своем желании занять трон вместо Генриха VI. Однако полной победы йоркцам добиться не удалось. Парламент назначил Ричарда Йоркского протектором до конца жизни Генриха VI, занять же трон Ричард Йоркский сможет лишь после смерти короля. Подобное решение не устроило ни одну из противоборствующих сторон. Борьба продолжилась с новой силой.

В конце 1460 года Ричард Йоркский решил окончательно разбить войска ланкастерцев и направился во главе своей армии на север страны. Он был полностью уверен в успехе сво-

его похода, однако 30 декабря 1460 года в битве при Вэйкфилде армии ланкастерцев удалось нанести серьезное поражение сторонникам «Белой розы». В этом сражении Ричард Йоркский был убит. В те жестокие времена не было принято уважительно относиться к смерти врага – по приказу королевы Маргариты голова Ричарда Йоркского в бумажной короне была выставлена на крепостной стене Йорка. Англия окончательно была разделена на две абсолютно непримиримые партии.

Смерть главы йоркцев отнюдь не означала окончательной победы ланкастерцев. Йоркскую династию возглавил старший сын герцога Ричарда принц Эдуард. В уэльских владениях отца ему удастся собрать весьма внушительные силы. 3 февраля 1461 года две армии сошлись на Мортимер-Кросс, в четырех километрах от Уигмора, родового замка Йорков. Разбив армию ланкастерцев, Эдуард Йоркский направился к Лондону.

Но и Маргарита Анжуйская времени зря не теряла. Через две недели после битвы на Мортимер-Кросс, 17 февраля 1461 года при Сент-Олбансе ее войска наголову разбили армию графа Уорвика. Генрих VI был освобожден из плена, в котором он провел полгода. Собрав все силы, армия ланкастерцев также двинулась к столице.

Началась гонка, главным призом в которой стала корона Англии. Первым был Эдуард – его войска при поддержке горожан 26 февраля заняли Лондон. 4 марта в Англии появился новый король – Эдуард IV. Однако времени на торжество у молодого короля не было – возле Лондона уже стояла армия Ланкастеров. Эдуарду IV удалось отстоять Лондон и отбросить противника к городку Таунтон, где и состоялась решающая битва первой половины «войны роз».

Точное число участников битвы при Таунтоне неизвестно. Одни источники называют цифру 20 тысяч с каждой стороны, другие же считают, что в битве участвовало 120–130 тысяч человек.

Войска противников встретились на равнине в 10 милях от Йорка. Преследовавшие ланкастерцев войска Эдуарда IV с небольшими потерями форсировали реку Эйр. Ранним утром 29 марта 1461 года две армии встали друг против друга. Внезапно испортилась погода: небо затянуло тучами, и началась сильная метель. И здесь везение оказалось на стороне йоркцев. Сильный ветер, дувший в сторону ланкастерцев, сильно облегчил задачу Йоркским лучникам. Пользуясь снежной завесой, они подобрались вплотную к позициям ланкастерцев. Попутный ветер помогал йоркцам практически без промаха поражать цели, в то время как бывший в лицо лучникам-ланкастерцам ветер и снег сделали их действия абсолютно неэффективными.

Однако к полудню на левом фланге атаки ланкастерцы стали теснить войска Эдуарда IV. И все же вовремя брошенный в бой Эдуардом IV резерв решил исход битвы в его пользу. Уставшие ланкастерцы стали беспорядочно отступать. Битва перешла в бойню – разъяренные йоркцы в тот день пленных не брали. За амбиции своих вождей обе стороны заплатили дорогой ценой. В битве при Таунтоне погибло, по разным оценкам, от 20 до 30 тысяч человек.

После этого поражения Генрих VI бежал в Шотландию. Впервые за время «войны роз» наступил период, когда власть в стране полностью перешла в руки одной из враждующих партий. Подобное положение сохранялось восемь лет. Мелкие попытки ланкастерцев поднять мятеж легко подавлялись Эдуардом IV.

Но в 1469 году проявил себя в «лучших» качествах граф Уорвик – «делатель королей» объявляет войну Эдуарду IV. Чем же был недоволен могущественный граф? Во-первых, игнорированием его мнения по вопросам внешней и внутренней политики, а во-вторых, тайной женитьбой короля на Елизавете Вудвилл, дворянке из захудалого рода.

26 июля 1469 года Уорвик разбивает королевское войско в битве при Эджкоуте. Видя бесполезность сопротивления, 2 октября 1470 года Эдуард IV бежит в Голландию. 6 октября Уорвик входит в Лондон и освобождает сидевшего с 1465 года в Тауэре Генриха VI.

Очередное правление Ланкастеров продлилось всего пять месяцев. 2 марта 1471 года армия Эдуарда IV высаживается в районе Йоркшира. 14 апреля при Барнете Эдуард IV раз-

бывает Уорвика (в этой битве Уорвик погиб), а 4 мая при Тьюксбери одерживает победу над войском Маргариты Анжуйской, которое высадилось в Англии при поддержке французского короля Людовика XI. В апреле 1471 года Генрих VI вновь был низложен и умер (скорее всего, убит) в Тауэре 21 мая 1471.

Эдуард IV окончательно расправился с ланкастерской династией. Теперь единственно опасными людьми в этот период для короля оставались его братья – Джордж, герцог Кларенс, и Ричард, герцог Глостер. Распри между братьями привели к тому, что в 1477 году герцог Кларенс был арестован по обвинению в... некромантии и стремлении навести на короля порчу. По этому нелепому обвинению в 1478 году герцог был осужден парламентом и погиб при невыясненных обстоятельствах (по распространенной версии – был утоплен в бочке с мальвазией).

Однако другой брат Эдуарда IV, Ричард Йоркский, герцог Глостер, сумел выжить в этой борьбе и стал к началу восьмидесятых годов XV века вторым по могуществу и степени влияния на политические процессы человеком в Англии.

9 апреля 1483 года Эдуард IV скончался. Трон должен был занять его сын, двенадцатилетний Эдуард V, а регентом, по воле умершего короля, назначается Ричард Йоркский. Этому пытались воспротивиться приближенные покойного короля во главе с королевой-матерью Елизаветой Вудвилл. Вновь завязалась борьба, исход которой был решен в битве у Стоуни Стратфорда, где Ричард Йоркский в союзе с герцогом Бекингемом³¹ разбили своих противников. В этой битве Ричарду Йоркскому удалось захватить в плен короля Эдуарда V. Вскоре в руки Ричарда Йоркского попал и брат Эдуарда V принц Ричард.

Амбиции Ричарда Йоркского простирались дальше поста регента при короле Эдуарде V, он хотел стать единоличным правителем Англии. Дабы придать вид законности своим действиям, регент выступает перед парламентом с речью, в которой утверждает, что тайный брак покойного Эдуарда IV с Елизаветой Вудвилл был заключен с помощью колдовства и его следует признать недействительным с точки зрения престолонаследия. Но раз брак короля является незаконным, то и дети от этого брака никак не могут претендовать на английский трон, следовательно, королем нужно признать его, Ричарда Йоркского. 26 июня парламент подтвердил законность полномочий Ричарда, а 6 июля 1483 года произошла церемония коронации нового короля Ричарда III.

Оставим пока в стороне вопрос о том, что же на самом деле произошло с детьми Эдуарда IV. Осенью по Англии стало распространяться известие, что король Эдуард V и его младший брат Ричард были убиты в Тауэре по приказу Ричарда III. После этого известия один за другим стали возникать заговоры.

Первым неожиданно взбунтовался герцог Бекингэм, который до того был ревностным сторонником Ричарда Йоркского. Войско герцога стремительным маршем направилось к Глостеру, где Бекингэм намеревался форсировать реку Северн. Но как раз в это время река затопила обширное пространство по обоим берегам. Не найдя ни провианта, ни удобного места для ночлега, солдаты Бекингэма стали расходиться по домам. Бекингэм вынужден был спрятаться у некоего Бэнистера, своего приближенного, однако тот вскоре выдал герцога местному шерифу. Герцог был переправлен в Солсбери, где, после быстрого суда, 12 ноября был обезглавлен.

Ричард III пытался укрепить свою власть, но конфискациями и казнями восстановил против себя всю английскую знать. Оставшиеся в живых после тридцати лет «войны роз» Ланкастеры и Йорки объединились вокруг Генриха Тюдора, графа Ричмонда, потомка боковой ветви ланкастерской династии.

³¹ Титул герцога Бекингэмского присваивался всем английским аристократам, в разное время владевшим графством Бекингэмшир. Не следует путать упомянутого герцога с другим известным персонажем английской истории Джоном Вильерсом, герцогом Бекингэмским времен кардинала Ришелье.

22 августа состоялась последняя битва в Войне Алой и Белой розы. Противники сошлись в Лестершире, на поле возле небольшого городка Босворт. Ричард III был уверен в своей победе – его войска по численности превосходили армию противника. Видя это, Ричард отдает приказ атаковать противника. После недолгого обмена пушечными ядрами и стрелами началась рукопашная схватка.

В ходе битвы Ричард III узнает об измене – на сторону противника перешел многочисленный отряд лорда Стэнли, отчима Генриха Тюдора. От своих разведчиков король узнает, что Генрих Тюдор находится под охраной небольшого отряда телохранителей. Пытаясь спасти положение, Ричард III решает самостоятельно убить своего противника. С копьем наперевес Ричард III бросается на охраняющих Генриха Тюдора солдат.

О храбрости и мужестве Ричарда III в битве при Босворте говорят абсолютно все свидетели и хроникеры тех событий, независимо от их симпатий и убеждений. Некоторые историки даже утверждают, что Ричарду III лично удалось несколько раз ранить копьем Генриха Тюдора. И все же беспримерная храбрость не помогла Ричарду Йоркскому. Вовремя подоспевший отряд лорда Стэнли быстро уничтожил окружавших короля солдат. Получивший множество ран Ричард III не смог сопротивляться и был убит. С его смертью закончилась битва при Босворте, а с ней тридцатилетняя кровавая «война роз». 30 ноября 1485 года был коронован новый король Генрих VII. В Англии на долгие годы воцарилась династия Тюдоров.

В истории Войны Алой и Белой розы было немало странных смертей и исчезновений, однако главной загадкой остается судьба короля Эдуарда V и его брата принца Ричарда. Что же на самом деле произошло с малолетними детьми короля Эдуарда IV?

Рассмотрим четыре возможные версии событий. Версия первая, «классическая», известная нам благодаря трагедии Шекспира «Ричард III», сочинениям великого гуманиста и государственного деятеля, автора знаменитой «Утопии» Томаса Мора и других историков тюдорской поры. По этой версии, король Эдуард V и его брат Ричард были убиты по приказу Ричарда III не позднее сентября 1483 года.

Версия вторая, «антитюдоровская». Согласно этой версии при Ричарде III принцы были еще живы, а убиты они были уже во время царствования Генриха VII Тюдора.

Версия третья. Эдуард V и принц Ричард были убиты по приказу великого констебля Англии герцога Бекингема, а Ричард III, узнав о свершившемся факте, не стал разоблачать своего фаворита. Также возможно, что герцог Бекингем организовал убийство по указанию находящегося за границей Генриха Тюдора.

И версия четвертая. Детям Эдуарда IV удалось выбраться из Тауэра и бежать из Англии за границу, где они скрывались под вымышленными именами.

Итак, вернемся в 1483 год. Новоявленный король-узурпатор прекрасно понимает шаткость своего положения. Все попытки придать законность праву Ричарда III на английский престол выглядят более чем сомнительными, и его противники отнюдь не собираются присягать на верность новому королю. Претендентов на трон много, но наиболее законным из них, по воле скончавшегося Эдуарда IV, является тринадцатилетний Эдуард V.

Поэтому сразу же после восшествия на престол Ричард III решает убить Эдуарда V и его брата Ричарда. Он предлагает совершить это преступление коменданту Тауэра Роберту Бреккенбери, однако тот не соглашается обогреть свои руки королевской кровью.

Исполнить приказ Ричарда III взялся некий сэр Джеймс Тиррел со своими подручными Дайтоном, Форрестом и Слэйтером. Бреккенбери передал убийцам на одну ночь ключи от Тауэра (кстати, в некоторых хрониках Бреккенбери именуется «смелым и достойным человеком, отказавшимся выполнить страшный приказ тирана». Действительно, очень «благородно» – знать о готовящемся преступлении, способствовать ему, но в решающий момент, оставаясь «чистеньким», уйти в сторону).

Ночью убийцы во главе с Тиррелом проникли в Тауэр и пробрались к покоям принцев. Тиррел открыл дверь своим помощникам, но сам входить не стал. Дайтон, Форрест и Слэйтер быстро вошли в комнату и задушили спящих принцев подушками, после чего Тиррел приказал отнести тела под лестницу и заложить их грудой камней.

Вскоре Тиррел перешел на сторону ланкастерской партии и верно служил Генриху VII, занимая пост коменданта крепости Гине во Франции. В 1502 году сэр Джеймс Тиррел был арестован и приговорен к смертной казни за участие в заговоре против короля. На исповеди перед казнью Джеймс Тиррел признался в убийстве короля Эдуарда V и его брата Ричарда.

Именно после этого признания Тиррела убийцей детей Эдуарда IV окончательно был объявлен Ричард III. Вплоть до XIX века эта версия убийства Эдуарда V и принца Ричарда безраздельно господствовала во всех исторических исследованиях времен Войны Алой и Белой розы. Робкие попытки более тщательно разобраться в этом деле разбивались об авторитет Шекспира, Томаса Мора и других исследователей той поры. Однако в XX веке маятник качнулся в обратную сторону. Появилась масса публикаций, в которых организатором убийства детей Эдуарда IV объявлялся Генрих VII, а Ричард III предстал в роли жертвы оговора зависимых от династии Тюдоров историков. Не принимая ни ту, ни другую сторону, все же обратим внимание на странные факты и несовпадения в изложенной выше «классической» версии убийства принцев Эдуарда и Ричарда.

Прежде всего, отметим странную роль в этих событиях коменданта Тауэра Роберта Бреккенбери. Казалось бы, Ричард III, жестокий и не останавливающийся ни перед чем человек, задумавший пролить кровь невинных детей, должен был немедленно уничтожить такую незначительную фигуру, как комендант Тауэра Роберт Бреккенбери, причем по двум причинам. Во-первых, за отказ выполнить приказ короля, что однозначно трактовалось как измена королю и влекло немедленную казнь, во-вторых, за то, что Бреккенбери узнал о такой страшной тайне, как намерение Ричарда III убить принцев. Однако ничего подобного не произошло. Бреккенбери оставался до конца при Ричарде III и погиб вместе с ним в битве при Босворте.

Следующий момент. Вся версия строится на показаниях Джеймса Тиррела. Однако можно ли безоговорочно верить признанию приговоренного к смерти человека? Вряд ли, особенно учитывая тогдашние методы получения нужных показаний. Интересен и тот факт, что сын Тиррела, также обвиненный в подготовке заговора, был помилован Генрихом VII. Кроме того, был арестован и Джон Дайтон, единственный из оставшихся в живых к 1502 году непосредственных исполнителей убийства принцев. Вина Дайтона была доказана, и он был приговорен... к пожизненной ссылке во французский порт Кале. В те времена, когда практически каждый день с плахи летели головы представителей самых знатных фамилий Англии, такое сверхчеловеческое отношение к простолыдину, якобы собственными руками убившему принцев королевской крови, выглядит очень странным. Не было ли это платой за нужные властям показания?

В 1674 году при ремонте Тауэра под лестницей были обнаружены два детских скелета, которые были приняты за останки принцев Эдуарда и Ричарда и захоронены в Вестминстерском аббатстве. В 30-х годах XX века при исследовании этих останков было установлено, что они принадлежали мальчикам 12–13 и 9–10 лет, что примерно соответствует возрасту Эдуарда и Ричарда в 1483 году. Казалось, вот оно – неопровержимое доказательство рассказа Тиррела! Однако сам Тиррел не смог показать могилу принцев, невнятно мотивируя свое незнание указанием Ричарда III перезахоронить тела принцев в другое место! Еще одно странное несовпадение фактов.

Странным и нелогичным выглядит и поведение Елизаветы Вудвилл, королевы-матери, во время правления Ричарда III. Поначалу Елизавета всецело заняла сторону ланкастерцев. Даже если не учитывать политические причины, как еще могла поступить женщина, братья которой были казнены, а двое детей, предположительно, убиты Ричардом III? Но в 1484 году позиция

Елизаветы кардинальным образом меняется. Она переходит в лагерь сторонников Ричарда III и отказывается от своего обещания выдать свою дочь за Генриха Тюдора. Для Генриха это был серьезный удар – ведь женитьба на принцессе серьезно укрепляла его позиции в борьбе за трон.

Что же заставило Елизавету так резко изменить свою позицию? Некоторые историки полагают, что Елизавета могла так поступить, только наверняка зная, что Эдуард V и его брат живы и находятся в руках Ричарда III. Если же принцы все-таки были мертвы, то, возможно, Елизавета получила какие-то неоспоримые доказательства непричастности к убийству Ричарда III и виновности Генриха Тюдора, который, хотя и не находился в то время в Англии, мог спланировать убийство ее детей.

Эти и другие факты заставляют если и не опровергнуть полностью «тюдоровскую» версию гибели принцев Эдуарда и Ричарда, то, по крайней мере, сильно в ней усомниться. Если не Ричард III, кто тогда мог организовать убийство короля Эдуарда V и его брата? Будем руководствоваться принципом «Кому выгодно?», которым пользовались еще древнеримские юристы. А возможную выгоду из этого преступления могли извлечь только два человека: Генрих Тюдор и фаворит Ричарда III герцог Бекингэм.

Историческая правда не всегда совпадает с художественными образами, пускай и гениально созданными великими писателями и поэтами. Благодаря Шекспиру для потомков Генрих VII остался в тени ужасного образа Ричарда III. А ведь по вероломству, коварству и жестокости первый Тюдор на английском престоле ничуть не уступал последнему представителю йоркской династии.

Кто бы ни решился пойти на убийство малолетних принцев, в этот момент этот человек не думал о том, что совершает страшное преступление, а взвешивал политические аргументы «за» и «против» этого деяния. Были ли аргументы «за» у Ричарда III? Безусловно, были, и больше, чем аргументов «против». Но не меньше, чем Ричарду III, устранение принцев было необходимо и Генриху Тюдору, ведь его шансы законно занять престол при живом короле Эдуарде V были равны нулю.

Все же никаких прямых доказательств вины Генриха VII нет. Но их и не могло быть, ведь в случае своей причастности к убийству за 23 года своего правления Генрих VII имел все возможности уничтожить нежелательных свидетелей тех событий. А уж его придворные биографы свое дело знали: Ричард III – кровавый узурпатор и детоубийца, Генрих VII – благородный и наизаконнейший король, спасший Англию от тирана. Само собой, другие мнения не допускались.

Ранее мы уже упоминали о заговоре герцога Бекингэма против йоркской династии. Однако до сих пор остаются не до конца ясными мотивы его поступка. «Протюдоровские» историки объясняют заговор Бекингэма отказом Ричарда III подарить герцогу обещанные конфискованные у ланкастерцев земли (Шекспир упоминает графство Херефорд). Да, человеческая жадность порой не знает границ, но идти на такой рискованный шаг ради присоединения к своим, и без того обширнейшим, владениям еще нескольких поместий?

Наиболее реалистично выглядят две возможные причины заговора герцога Бекингэма.

Причина первая: Бекингэм сам решил занять английский престол. На первый взгляд, предположение достаточно фантастичное, однако вполне возможное, особенно если учесть все нарастающее недовольство Ричардом III и возможность Бекингэма достаточно быстро собрать под свои знамена значительные силы. В этом случае устранение законного короля Эдуарда V для Бекингэма было так же необходимо, как и для других претендентов на трон.

Причина вторая: видя шаткость положения Ричарда III, Бекингэм решил перейти на сторону ланкастерской династии. Одним из способов для Бекингэма доказать свою лояльность явилось бы убийство Эдуарда V. Отметим, что во время правления Ричарда III только два человека в Англии могли выполнить возможный приказ находящегося за границей Генриха Тюдора: комендант Тауэра Роберт Бреккенбери и герцог Бекингэм. Однако Бреккенбери, как

мы знаем, до конца оставался сторонником йоркской династии. В этом случае остается герцог Бекингэм, который, как великий констебль Англии, имел доступ ко всем помещениям Тауэра.

Остается вопрос: почему же в случае самостоятельного решения Бекингэма убить принцев ни Ричард III, ни Генрих VII никогда открыто не говорили об этом? Тому есть свои объяснения. Не в интересах Ричарда III было лишний раз привлекать внимание к персоне законного короля Англии Эдуарда V, тем более что даже при наличии бесспорных доказательств недовольные сограждане не поверили бы королю-узурпатору. А для Генриха VII Бекингэм был не интересен, ему гораздо выгоднее было представить детоубийцей Ричарда III, тем самым лишний раз очернив поверженного противника.

Как видим, устранение Эдуарда V было необходимо всем претендентам на престол, поэтому последняя версия судьбы детей Эдуарда IV, утверждающая, что принцам Эдуарду и Ричарду удалось живыми выбраться из бойни под названием «война Алой и Белой роз», выглядит наименее правдоподобной. И хотя первые самозванцы, утверждавшие, что именно они являются чудом спасшимися детьми Эдуарда IV, стали появляться уже через несколько месяцев после воцарения Генриха VII, никаких серьезных доказательств своей принадлежности к королевскому роду они представить не смогли. Но если таковые доказательства и были, потомки о них никогда не узнают, поскольку люди Генриха VII умели надежно сохранять секреты прихода своего короля к власти.

БЕКИНГЭМ ДЖОРДЖ

(1592–1628)

Английский государственный деятель, фаворит Якова I и Карла I Стюартов. Деятельность Бекингэма вызывала недовольство в армии. Он был убит офицером Фельтоном.

28 августа 1592 года в семье провинциального дворянина Джорджа Вильерса и горничной Мэри Бимонт родился сын Джордж. Казалось, судьба была не очень благосклонна к юному Джорджу – родители не могли дать сыну ни особенно знатного происхождения, ни богатства, ни даже фамильного поместья. Единственным достоянием Джорджа была его внешность: мальчик был удивительно хорош собой. Однажды какая-то старуха-гадалка предсказала матери Джорджа, слепо верившей в астрологию и предопределенность судьбы, что ее обожаемого сына ждет блистательное будущее – сын будет равен королям. И мать тратила последние гроши на то, чтобы мальчик получил достойное образование, а также прилагала все возможные усилия, чтобы получить аудиенцию у короля Якова I Стюарта и представить ему свое чадо. Мэри Бимонт отлично знала: хорошей внешности и изящных манер может оказаться вполне достаточно, чтобы сделать карьеру при дворе Якова I.

В 1610–1613 годах, готовясь к карьере придворного, Джордж совершил путешествие во Францию, где совершенствовал свой французский язык и приобретал галантность и изящные манеры, так необходимые хорошему придворному. И наконец в августе 1614 года его мечта, а точнее, мечта его матери сбылась – юноша был представлен королю.

В качестве короля Яков I Стюарт не имел особенных недостатков – изощренным садизмом и чрезмерной жестокостью не отличался, политическими интригами не интересовался совершенно, религиозные споры предоставлял решать церковным деятелям и теологам. Так что повидавшие всяких королей и королев англичане монарха, как положено, почитали, а двор тем временем жил своей собственной роскошной жизнью. Королевский двор XVII века был немислим без фаворитов, которые постоянно сменяли друг друга: кто-то заканчивал свою жизнь на эшафоте, кто-то, обойденный более удачливым соперником, исчезал в неизвестности.

И вот при дворе, заботливо опекаемый любящей матерью, появляется новый королевский виночерпий Джордж Вильерс – галантный молодой человек с прекрасными манерами, превосходный танцор, отличный наездник и охотник, талантливый актер. Именно актерское мастерство позволило Джорджу практически сразу приобрести расположение короля: в легкой комедии, игравшейся при дворе, Джордж очень удачно исполнил женскую роль.

Появление нового придворного, пользующегося расположением Якова I, вызвало гнев у его признанного фаворита, герцога Соммерсета. Но и тут судьба была благосклонна к Джорджу Вильерсу. К тому времени герцог Соммерсет успел перессориться со всеми влиятельными придворными, что сделало Джорджа притягательным для всех врагов герцога, поставивших своей целью заменить Соммерсета новым любимцем. При посредничестве королевы Анны Датской Вильерсу был присвоен ранг «джентльмена опочивальни», а в апреле 1615 года он был посвящен в рыцари. Правда, первоначально карьера фаворита Якова I стоила Джорджу немалых трудов и даже унижений. Да, для своих соперников-царедворцев он уже был грозен и опасен, но перед королем иногда приходилось пресмыкаться и паясничать хуже последнего шута. Но дело того стоило.

Падение герцога Соммерсета привело к головокружительному взлету карьеры Джорджа Вильерса. Уже в 1616 году он назначен королевским конюшим, получил орден Подвязки, титул виконта и обширные земельные владения. В 1617 году Джордж Вильерс становится графом Бекингэмом, в 1619 – маркизом, а еще через год получает титул герцога и фактически становится некоронованным королем Англии и Шотландии. Сбылось-таки предсказание старухи-гадалки!

В первые годы своего пребывания в роли королевского фаворита Бекингэм полностью поддерживал решения Якова I во внешней политике. Но с началом в 1618 году Тридцатилетней войны он, в отличие от короля, чутко уловил охватившее Англию настроение и стал высказываться за вмешательство Англии в войну на стороне протестантов с целью защиты владений зятя английского короля, пфальцского курфюрста Фридриха. Вместе с будущим королем Карлом I, а тогда еще принцем Уэльским, Бекингэм выступал в парламенте с требованием выделения денег на войну и добился их получения.

С другой стороны, Бекингэм поддерживал курс короля на сближение с католической Испанией. К восстановлению мира и добрососедских отношений с католиками, кроме всего прочего, Бекингэма толкали и личные обстоятельства – в католицизм обратилась его мать, а сам он в 1620 году взял в жены католичку Кэтрин Мэннерс, дочь графа Рутланда. Кроме того, Бекингэм был сторонником брака принца Уэльского с испанской инфантой, что могло бы способствовать примирению воюющих сторон – благодаря давлению Испании. Но испанская сторона поставила заведомо неприемлемые условия: дети от планируемого брака должны были воспитываться в католической вере, и переговоры были прерваны.

Бекингэм поменял свою точку зрения. Вернувшись на родину, он начал настаивать на немедленном начале военных действий против Испании и ее союзников, однако натолкнулся на сопротивление короля и его ближайших советников. Но у Бекингэма был очень влиятельный союзник – парламент, резко выступавший против непопулярного в Англии проекта брака наследника престола с католичкой. И в результате Бекингэм одержал победу над королем. В

1624 году все переговоры с Испанией были прерваны и Англия начала усиленную подготовку к войне.

В 1625 году, в самый разгар военных приготовлений, Яков I Стюарт неожиданно умер. В те времена для любого приближенного ко двору неожиданная смерть короля могла стать страшным ударом. Новый король приводил новых жаждущих власти и богатства фаворитов, прежних же королевских избранников в лучшем случае ждала почетная ссылка в родовое поместье, в худшем – бесчестье и смерть на эшафоте.

Трудно сказать, что помогло молодому герцогу Бекингэму – расположение звезд, предсказание старухи-гадалки или же его великолепное умение точно ориентироваться в сложной системе интриг, подкупов, лицемерия и предательств, из которых состояла тогда жизнь английского королевского двора, но последний подарок Якова I был поистине королевским. Умирая, король завещал своему сыну и наследнику Карлу в качестве основного советника и наставника в государственных делах своего фаворита.

Остановимся немного на личности короля Карла I. В историческом смысле ему «повезло». Да, трудно назвать «везением» мученическую смерть на эшафоте от руки палача. И, тем не менее, если бы не эта вошедшая в историю казнь, вряд ли потомки по прошествии веков помнили бы об этом заурядном английском короле. Как и его отец, Карл I не отличался качествами, которые делают королей историческими личностями. Примерный семьянин, добрый отец, не транжир, не мот, не игрок, не распутник. Кроме того, молодой король был абсолютно не сведущ в области государственных дел, они его просто не интересовали. Надо отдать должное Якову I – его выбор советника для сына был удачен: как политик герцог Бекингэм был, безусловно, талантлив. Но именно с этого момента началось тесное переплетение судеб этих двух людей, приведшее обоих к ужасному и трагическому концу.

Незадолго до смерти Якова I Англия, для скорейшего достижения победы, заключила союз с Францией, давним соперником Испании. Закреплением этого союза стала свадьба принца Уэльского с сестрой французского короля Людовика XIII Генриеттой-Марией. Именно на свадьбе будущего короля Карла I Бекингэм увидел Анну Австрийскую.

«Роман века» между английским герцогом и французской королевой прекрасно известен читателю благодаря бессмертному произведению Дюма «Три мушкетера». Конечно, Александр Дюма был писателем-беллетристом, а не историком, и многое в этом романе, в соответствии с законами жанра, приукрасил и романтизировал. Но была действительно всепоглощающая страсть, были и украденные алмазные подвески, не было только роковой леди Винтер, соблазнившей бедного английского офицера ради убийства Бекингэма.

Но обо всем по порядку. Почти сразу же после своего восшествия на престол Карл I защитил Бекингэма от обвинений в коррупции и заговоре с целью обращения Англии в католицизм, выдвинутых парламентом. Способствовали этим обвинениям прежде всего неудачи Англии в военных действиях на континенте, вызванные нежеланием французского правительства, возглавляемого кардиналом Ришелье, выполнять условия союзного договора. Пытаясь спасти положение и заставить союзников выполнять условия договора, герцог Бекингэм лично отправляется в Париж на переговоры с королем Людовиком XIII Бурбоном и кардиналом Ришелье. Переговоры закончились полным провалом, и раздосадованный Бекингэм отправился в Англию ни с чем. Это фактически означало начало войны между Францией и Англией. Кстати, некоторые историки полагают, что причиной ухаживаний за Анной Австрийской была не любовь Бекингэма к французской королеве, а стремление уязвленного неудачами герцога таким образом отомстить Людовику XIII и кардиналу Ришелье.

Первым местом, где столкнулись английские и французские войска, стала знаменитая крепость Ла-Рошель. Большинству читателей этот исторический эпизод известен по уже упоминавшемуся роману «Три мушкетера». Дюма свел все к противостоянию двух сильных мужчин, Бекингэма и кардинала Ришелье, боровшихся за любовь французской королевы. Однако

осада последнего оплота гугенотов на территории католической Франции имела совершенно иные, далекие от амурных дел, причины.

К середине XVI века небольшой рыбацкий поселок благодаря своему удачному географическому положению превратился в большой и открытый для судов всего мира порт. В 1559 г. синод реформаторской церкви объявил, что жители Ла-Рошели целиком и полностью переходят в кальвинистское вероучение. В результате к началу XVII века этот хорошо вооруженный город-порт стал настоящей занозой для французских королей-католиков. К тому же гугенотское население Ла-Рошели поддерживало очень хорошие отношения с Англией, а значит, представляло реальную угрозу государственности Франции. Через эти ворота на французскую землю могли в любой момент высадиться военные силы англичан.

Все это прекрасно понимал кардинал Арман Жан дю Плесси Ришелье – истинный правитель Франции времен Людовика XIII. Строптивая крепость была обречена, поскольку человек, посвятивший жизнь созданию сильной, единой и католической Франции, не мог оставить в покое гугенотский и британский оплот на территории Франции. Население Ла-Рошели составляло 28 тысяч человек и могло в одночасье выставить до десяти тысяч весьма опытных бойцов. Бескомпромиссный сторонник единого государства, Ришелье не мог позволить существовать на территории Франции фактически параллельной армии.

В голове гениального стратега, коим был кардинал Ришелье, созрел хитроумный план. С моря к Ла-Рошели вел достаточно узкий проход, и Ришелье решил перекрыть бухту Ла-Рошели с помощью дамбы. Именно эта дамба должна была перекрыть проход к крепости любым кораблям, то есть закрыть возможный канал помощи гугенотам со стороны англичан.

Пытаясь опередить противника и понимая, что время уходит, герцог Бекингэм сделал первый шаг. В конце июля 1627 года у входа в гавань Ла-Рошели появились английские корабли. Они высадили десант на близлежащий остров Ре с целью захватить форт Сен-Мартен. Однако Ришелье по всем параметрам стратегически переиграл Бекингэма. Он высадил свой десант, снял осаду с форта Сен-Мартен и окружил Ла-Рошель мощной двадцатитысячной армией.

Несколько раз англичане пытались помочь осажденной крепости, но подойти к ней так и не смогли. Все их попытки разбивались о выстроенную хитроумным Ришелье дамбу. Она надежно блокировала все подходы к городу. И даже разрушить ее прямым тараном тяжелых кораблей англичанам не удалось.

Неудачи под Ла-Рошелем лишили герцога Бекингэма остатков популярности в Англии. Английский парламент вновь выступил против первого министра. Член парламента Элиот разразился пламенной речью, назвав Бекингэма «врагом королевства», и речь эта была опубликована. Однако, несмотря на очередные попытки парламента обвинить герцога в предательстве национальных интересов, Карл I поставил своего фаворита во главе новой экспедиции, которая должна была отправиться из английского порта Портсмут к французским берегам летом 1628 года.

Обстановка в армии и флоте была очень нервной. Копии протеста парламента и речи Элиота ходили по рукам солдат и моряков. Командовать ими должен был «враг королевства и английского народа». Можно ли было доверить такому человеку свою жизнь и жизнь королевства?

Многие из солдат были похожи на бродяг, поскольку не имели ни оружия, ни приличной одежды и обуви. В Огспорте были убиты четверо взбунтовавшихся солдат. В городке Спитхэд какой-то матрос оскорбил герцога Бекингэма, который приказал его арестовать и велел повесить. Товарищи матроса окружили тюрьму, но потом отступили, чтобы избежать обвинений в подготовке мятежа. Однако мятеж назревал.

Наутро 23 августа 1628 года в стоящем на главной улице Портсмута доме капитана Мэйсона было назначено совещание герцога Бекингэма с приближенными и командованием армии

и флота. От короля приехал его посланец лорд Дорчестер. После беседы с лордом Дорчестером герцог вышел к собравшимся в прекрасном расположении духа и объявил, что получены хорошие вести о снятии осады Ла-Рошели, следовательно, отпадает всякая необходимость отправляться в новый поход к французским берегам. Но командование флота, прекрасно знавшее истинное положение вещей и знавшее цену подобным вестям, требовало немедленного отплытия английского флота, если Англия хотела спасти Ла-Рошель.

Пока шли эти жаркие споры, в порту и на улицах Портсмута происходили массовые беспорядки. Товарищи повешенного по приказу Бекингэма матроса требовали расправы над герцогом, называя его «тираном и убийцей». На их усмирение был послан отряд солдат, а сам Бекингэм во главе кавалерийского отряда бросился на мятежников и отбросил их в гавань, где они пытались спастись на своих кораблях. Портсмут превратился в кровавое поле битвы.

Бекингэм очень хорошо понимал, что в данный момент ему угрожает серьезная опасность: отправляться на корабли и вообще выходить из дому ему сейчас не стоит. Тем не менее экипаж его был готов, а свита садилась на коней. Бекингэм даже не надел предложенную кем-то из друзей легкую кольчугу. Герцог пошел на улицу, но, проходя по узкому коридору дома капитана Мэйсона, вдруг резко остановился и закачался. Бывший рядом лорд Кливленд услышал глухой удар и зловещие слова, произнесенные кем-то тихим шепотом: «Упокой, Господи, его душу!» Герцог снова пошатнулся, пробормотал чуть слышно «разбойник», вырвал из груди нож и упал на землю. Глаза герцога закатились, лицо побледнело, сердце перестало биться. Звезда герцога Бекингэма, всесильного первого министра Англии, закатилась.

Естественно, что свита Бекингэма подумала, что его убил какой-то фанатик-гугенот или подосланный французами шпион. Однако, когда они в растерянности стояли над телом убитого герцога, во двор вышел английский офицер, небольшого роста, смуглый, в запыленной одежде и со шпагой в руке. «Это я убил его», – спокойно сказал этот человек и отдал свою шпагу.

Офицер назвался Джоном Фельтоном. На допросе он рассказал, что честно служил королю и Англии, участвовал во многих битвах во Фландрии, на Рейне и под Ла-Рошелю. Ему вовремя не заплатили положенное жалованье и не повысили в звании, но убить герцога он задумал вовсе не из меркантильных личных интересов. Фельтон объяснил, что лично он не держал зла на герцога, но прикончил его потому, что считал Бекингэма проклятием для страны. Он прочел протест палаты и знаменитую речь Элиота, провозглашавшие главнокомандующего общественным врагом, и понял, что должен исполнить приговор тирану. Никто его не подстрекал, и сообщников у него не было.

Слабого сложения, со взглядом исподлобья, бледным лицом и тяжелой поступью, Джон Фельтон был типичным фанатиком. Когда на допросе его спросили, почему у него отрублен кончик пальца, Фельтон рассказал историю, точно характеризующую его характер и железную волю. Однажды какой-то сосед нанес ему тяжкое оскорбление, он потребовал удовлетворения, и когда сосед усомнился в его искренности, то он отрубил себе палец и послал его своему сопернику в знак готовности драться с ним на дуэли. Фельтон был способен на все, а тем более когда он считал себя призванным небом на какое-нибудь особое и праведное дело. Убив Бекингэма, говорил Фельтон, он исполнил лишь свой долг, надеясь снискать мученический венец и умереть за Англию.

Во время допроса кто-то из следователей решил испытать характер Фельтона, сказав, что Бекингэм не убит, а только тяжело ранен, но жизнь его вне опасности. «Я опытный воин и умею убивать. Этот удар убил бы любого даже сквозь кольчугу», – сказал Фельтон, и на его мрачном лице появилась торжествующая улыбка. Вскоре была найдена шляпа Фельтона, и в ней оказалась написанная им записка, в которой он сообщал, что не имел никаких личных обид против герцога, что он только выполняет решение высшего суда Англии – парламента, – объявившего герцога Бекингэма врагом страны.

Узнав об убийстве своего фаворита, Карл I приказал привезти Фельтона в Лондон и поместить в Тауэр. Расследованием дела занялся новый фаворит короля сэр Лод.

Когда весть о смерти ненавистного фаворита достигла Лондона, горожане с трудом сдерживали ликование. Смерть фактического правителя Англии оплакивали лишь несколько влюбленных в него женщин. Большинство же горожан благословляли руку убийцы, в тавернах открыто пили за здоровье до тех пор никому не известного офицера Джона Фельтона. Даже знать была довольна смертью герцога Бекингэма. Кто-то рассчитывал после смерти фаворита приблизиться к королевскому двору, люди здравомыслящие понимали, что смерть Бекингэма может способствовать установлению мира в Англии и примирению с Францией и Испанией.

Вряд ли скромный подданный английской короны Джон Фельтон рассчитывал на такой триумф, когда принимал решение об убийстве Бекингэма. Когда Фельтона привезли в Лондон, встречать его вышли толпы восторженных людей. По дороге в мрачный лондонский Тауэр Фельтон слышал приветственные крики в свой адрес и молитвы, благословлявшие его подвиг. И умудренные опытом дамы, и юные девицы восторгались им. «Какой очаровательный юноша!» – шептали они, хотя красивой внешностью Фельтон, в отличие от своей жертвы, Бекингема, не отличался.

Так Англия, а точнее, английский народ встречал своего Давида, убившего ненавистного Голиафа.

Следствие же шло обычным путем. Как и во все времена, властям проще было обнаружить заговор каких-то «темных сил», чем разбираться в истинных причинах произошедшей трагедии и пытаться исправить положение дел к лучшему. Руководитель следствия по «делу об убийстве его светлости герцога Бекингэма», сэр Лод, всеми силами пытался выбить из Фельтона признание в том, что действовал он не в одиночку, а убил Бекингэма по указанию влиятельных деятелей английского парламента. По одним данным, для получения признания от арестованного в существовании заговора следствие применяло жестокие пытки, другие же источники утверждают, что Фельтона, как заслуженного офицера, пощадили. Как бы там ни было, Фельтон стойко держался и ни разу во время следствия не пытался свалить вину за убийство с себя на кого-либо другого.

В общем-то, признание Фельтона следствию было не очень нужно. По указанию короля Карла I, «виновные» в «страшном заговоре против Англии» были быстро найдены. Прежде всего им оказался тот самый член парламента Элиот, речь которого побудила Фельтона совершить свой поступок. Кроме того, были арестованы несколько не в меру свободолюбивых поэтов, сочинивших восторженные оды во славу подвига Джона Фельтона.

Суд над убийцей прошел по заранее запланированному сценарию. Прокурор выступил с пламенной речью, в которой особенно напирал на ту невосполнимую потерю, которую понесла Англия со смертью такого великого человека, как герцог Бекингэм. Естественно, что Джон Фельтон был приговорен к смертной казни, которую он встретил, как подобает человеку, прекрасно понимавшему все последствия своего поступка.

Можно по-разному относиться к личности герцога Бекингэма. Для кого-то он навсегда останется благородным романтиком, сумевшим добиться любви королевы, и талантливым политиком, сумевшим пробиться из безвестности к вершинам королевской власти. Для других же он был коварным интриганом, как, например, для Чарльза Диккенса, который написал: «Хотя любое убийство не имеет никакого оправдания, Фельтон освободил Англию от одного из самых распутных, презренных и жалких придворных фаворитов, каких ей приходилось терпеть».

Тем не менее Джордж Вильерс, герцог Бекингэм, навсегда вошел в историю. Как и его убийца – маленький тихий офицер Джон Фельтон, совершивший одно из самых громких политических убийств в истории.

ФРАНЦИЯ

В ЖЕРТВУ ВЕРЕ

КОЛИНЬИ ГАСПАР ДЕ ШАТИЙОН

(1519–1572)

Французский военный и политический деятель, адмирал. Участник религиозных войн. Один из вождей гугенотов. Его убийство послужило началом резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

Невозможно писать о знаменитых убийствах и не упомянуть при этом Варфоломеевскую ночь. В одну эту ночь было убито примерно в 40 раз больше людей, чем фигурирует в заглавии нашей книги. Поэтому мы решили описать эти события в главе, посвященной человеку, который стал первой жертвой резни.

Процесс распространения протестантизма в Европе получил название Реформации. Она началась в первой четверти XVI века в Германии. Затем охватила целый ряд европейских стран. Практически с самого момента своего возникновения протестантизм стал проникать на территорию Франции. Поначалу он находил своих приверженцев среди средней прослойки населения крупных городов. Но в сороковых годах XVI века в стране стали распространяться идеи Жана Кальвина. Этот реформатор был вынужден бежать в Швейцарию и продолжал там вести активную религиозно-политическую деятельность. Направление протестантизма, кальвинизм, было названо в его честь. Швейцарские сторонники Реформации, обращаясь друг к другу, использовали немецкое слово «Eidgenossen» – товарищи, союзники. От искажения этого слова и получили свое название французские кальвинисты – гугеноты.

В 1547 году королем Франции стал Генрих II Валуа. Большое влияние при нем приобрело семейство Гизов, герцогов Лотарингских. Генрих II отличался нетерпимостью к протестантам. К этому времени Франция уже на протяжении пятидесяти с лишним лет с переменным успехом вела многочисленные войны с Испанией. Сторонником Генриха II стал сам Папа Римский. Стоит ли говорить, что в результате Генрих стал еще более ярким преследователем протестантов. Для борьбы с «еретиками», а на самом деле – для борьбы с гугенотами, при Парижском парламенте был создан чрезвычайный трибунал «Огненная палата». Но, несмотря на это, число гугенотов росло. К ним примыкали все более влиятельные люди.

В 1552 году Генрих II заключил соглашение с немецкими протестантами о совместной войне против Испании. Межрелигиозные отношения временно стали менее напряженными.

В 1559 году, потерпев несколько военных неудач, Франция, из-за недостатка средств, была вынуждена прекратить войну с Испанией. Это вызвало серьезное недовольство со стороны многих аристократов. Часть из них стали присоединяться к гугенотам, которые уже давно были не только религиозной, но и политической оппозицией. Генрих II, закончив войну в Италии, собирался обрушить свой гнев на протестантов, но случайная смерть помешала ему это сделать: во время турнира, посвященного свадьбе дочери, он был ранен в глаз обломком копья и через две недели умер.

После смерти Генриха II к власти пришел его пятнадцатилетний сын Франциск II. В его недолгое правление у власти фактически находились Гизы: он был женат на знаменитой Марии

Стюарт, которая происходила из семейства Гизов. В 1560 году гугеноты серьезно заявили о себе как о политической силе. Был раскрыт заговор дворян-гугенотов, направленный против могущества Гизов. Франсуа Гиз жестоко расправился с заговорщиками. Но через год Франциск II умер.

На трон был посажен десятилетний Карл IX. Регентом при малолетнем короле стала его мать Екатерина Медичи, которая оказывала на него большое влияние и позднее. Она пыталась избежать открытых столкновений между католиками и гугенотами. Ею даже был издан «Эдикт терпимости», который разрешал протестантам производить богослужения за пределами города. Но ее усилия ни к чему не привели. В регионах, где преобладали католики, преследовались гугеноты. В тех же местах, где протестантов было больше, – гонениям подвергались католики. В 1562–1563 году состоялась так называемая «первая религиозная война». Войсками католиков руководил Франсуа Гиз. Войсками гугенотов – принц Луи I Конде. В 1563 году Франсуа Гиз нанес гугенотам достаточно серьезное поражение. Однако вскоре гугенотам удалось организовать его убийство. Таким образом, ни одна из враждующих сторон полной победы не добилась.

«Первая религиозная война» положила начало целой эпохе религиозных войн, которая закончилась только в 1594 году. Поведение враждующих сторон было необычайно жестоким. Пленных на этих войнах практически не брали, всех побежденных безжалостно убивали. Неоднократно дело доходило до резни по религиозному признаку. При этом не щадили ни женщин, ни детей. Уничтожались целые поселения религиозных оппонентов. И католики, и гугеноты неоднократно одерживали верх в отдельных сражениях, но окончательную победу по-прежнему не мог одержать никто.

В 1570 году была осуществлена попытка примирения. Согласно мирному договору, протестанты получали целый ряд уступок. Им были переданы несколько крепостей, в том числе и Ла-Рошель. Было разрешено справлять религиозные обряды в предместьях больших городов. Героя нашей статьи, одного из предводителей гугенотов, Колиньи ввели в королевский совет. Для закрепления мира Екатерина Медичи предложила Карлу IX выдать его сестру, Маргариту, за самого знатного из гугенотов, молодого короля Наварры Генриха Бурбона. Празднование этой свадьбы и обернулось трагедией.

Теперь немного отвлечемся для того, чтобы рассказать, какую роль в происходящем играл Колиньи.

Гаспар де Шатийон де Колиньи родился в 1517 году. В возрасте двадцати лет он появился при дворе. Королем тогда был Франциск I. При дворе Колиньи сблизился с Франсуа Гизом. Долгое время они были дружны. Вскоре друзья отправились вместе с королем на войну с Испанией. Колиньи быстро проявил себя как талантливый солдат, военачальник и политик. Уже в 1547 году он был назначен начальником французской пехоты, а в 1552 получил звание адмирала Франции. В основном благодаря энергии и талантам Колиньи французскими войсками было одержано несколько серьезных побед. Однако одна из этих побед привела к ссоре с Гизом – Франсуа захотел незаслуженно присвоить себе часть славы, и добрые друзья стали злейшими врагами.

В 1557 году Колиньи участвовал в обороне города Сент-Кантена. В битве он попал в плен к испанцам, где провел два года. Находясь в плену, он вел активную переписку со своим братом, который к тому времени уже стал протестантом. Результатом стало решение сменить вероисповедание. В 1559 году Колиньи был освобожден и вернулся во Францию. Уже в 1560 году он открыто объявил себя протестантом и от имени гугенотов подал Генриху II прошение выделить им несколько церквей для богослужения.

В первой религиозной войне Колиньи принял активное участие и фактически стал вторым лицом в лагере гугенотов. После того как в 1569 году предводитель протестантов Луи I Конде был захвачен в плен и убит, адмирал возглавил движение. За время религиозных войн

одно имя Колиньи стало вызывать ненависть у католиков. Ему удалось избежать целого ряда покушений, в основном организованных Гизами. У них были не только идейные противоречия с адмиралом. Речь шла еще и о мести. Дело в том, что убийца Франсуа Гиза признался под пытками, что его послал Колиньи. Адмирал заявлял, что отправил фанатика только следить за герцогом, но особого доверия это заявление у Гизов не вызвало.

К гугенотам относилась большая часть французских дворян. Колиньи был сторонником объединения протестантов и католиков в борьбе против общего врага – Испании. Во многом благодаря деятельности Колиньи между католиками и протестантами в 1570 году был заключен мир. Сам адмирал вошел в королевский совет при Карле IX. Влияние гугенота быстро росло. Связи Колиньи с протестантами ряда европейских стран, в которых эта религия уже стала государственной, сделали его незаменимым лицом при ведении политических переговоров. Хочешь не хочешь, но адмирала приходилось держать при короле. Кроме того, Колиньи предлагал Карлу IX вести более агрессивную внешнюю политику. Адмирал предлагал отправить колонизационные экспедиции в Америку, продолжать войну с Испанией, поддержать Нидерландскую революцию, направленную на освобождение от испанского господства. Здесь король возлагал на Колиньи особые надежды: лидерами революции были кальвинисты. Король надеялся, используя связи адмирала, впоследствии присоединить Нидерланды к Франции.

Рост влияния Колиньи на Карла IX вызывал обеспокоенность и недовольство Екатерины Медичи и Генриха Гиза. Они были противниками войны с Испанией. Кроме того, Генрих Гиз был сыном Франсуа Гиза, убитого якобы по поручению Колиньи. Помимо религиозных и политических противоречий, простой конкуренции за королевское расположение, Генрихом де Гизом руководила личная ненависть к Колиньи и еще одно, возможно, не менее сильное чувство, о котором немного ниже.

Итак, вернемся к предпринятому Карлом IX и Екатериной Медичи шагу. К тому времени Генрих Наваррский был самым знатным из лидеров гугенотов. Свадьба между Маргаритой Валуа и Генрихом Наваррским должна была закрепить мир между католиками и протестантами. Формально Генрих и Маргарита были обручены еще в раннем детстве. Но Генрих стал гугенотом, и о возможности такой свадьбы не могло быть и речи. Предполагалось также, что мужем Маргариты может стать Генрих Гиз.

Подготовка к бракосочетанию заняла немало времени. Во-первых, необходимо было согласие матери Генриха, убежденной протестантки. Во-вторых, получить разрешение на подобный брак от Папы Римского было практически невозможно. Здесь не обошлось без подлога: было подделано письмо, которое якобы отправил из Рима французский посол. В нем говорилось, что папа дал разрешение на брак и скоро пришлет соответствующее письменное подтверждение. Несколько задержала свадьбу и смерть матери Генриха. Но в конце концов торжество было назначено на 18 августа 1572 года.

К свадьбе Генриха и Маргариты в Париж прибыло большое количество гугенотов. Они ехали в столицу как на праздник, с женами и детьми, радуясь тому, что наконец-то достигнут «твердый» мир и протестанты смогут свободно и открыто проводить свои богослужения. Возглавлял гугенотов весь цвет протестантского дворянства. Но парижане, а основная их масса была католиками, встретили протестантов враждебно.

Позаботился о народном недовольстве и Генрих Гиз. Свадьба нарушила его планы. Ведь он сам собирался стать мужем Маргариты. Неизвестно, что именно руководило им: стремление к власти, любовь к Маргарите или оба этих фактора, но он старался помешать свадьбе. Подкупленные им католические священники называли готовящееся бракосочетание противоестественным. Ползли распространяемые Гизами слухи о том, что гугеноты прибыли в Париж с целью предательски убить короля и захватить власть. Кроме того, активно передавались из уст в уста сведения о богатствах, привезенных протестантской знатью, что должно было соблаз-

нить нищих жителей города на избиение гугенотов. Но поднять среди парижан бунт до свадьбы Гизы не смогли.

Еще большую враждебность среди горожан вызвала пышность состоявшейся церемонии: Франция была истощена внешними и внутренними войнами, и это привело к обнищанию народа. Виновниками своих многочисленных бед парижане считали гугенотов. На фоне общей нищеты роскошная церемония выглядела чуть ли не вызовом.

Однако, несмотря на недовольство горожан, само бракосочетание прошло без происшествий. Интересной деталью церемонии было то, что Маргарита венчалась в одиночестве в Нотр-Дам, а Генрих дожидался ее снаружи.

Но через четыре дня, 22 августа произошло событие, нарушившее неустойчивое равновесие. Направляясь из Лувра в свою резиденцию, Колиньи подвергся нападению. Неизвестного, который стрелял в адмирала из аркебузы, задержать не удалось. В момент выстрела Колиньи наклонился для того, чтобы поправить обувь. Это его и спасло. Но все-таки адмирал был ранен. Выстрел оторвал ему палец и покалечил руку. По описанию, стрелявший был похож на человека, входившего в окружение Гизов. Да и стрелял он из окна дома вдовы Франсуа Гиза. До сих пор не известно, стояла ли за этим покушением семья мстительных герцогов Гизов или Екатерина Медичи. Дело в том, что к тому времени политика Колиньи, направленная на развязывание войны с Испанией, совершенно не устраивала Екатерину. Этой войны королева-мать боялась, а альтернативой ей, благодаря деятельности Колиньи, могла стать новая гражданская война. Впрочем, второй опасности избежать так и не удалось.

После покушения вся верхушка гугенотской знати собралась в доме Колиньи и обсуждала, как поступить дальше. Одни предлагали обратиться к королю с требованием провести расследование. Другие считали, что к попытке покушения был причастен сам король и необходимо срочно покинуть Париж и отплатить Гизам своими силами. Положение становилось все более взрывоопасным. Карл IX и Екатерина Медичи прибыли навестить больного. Они то ли искренне желали примирения, то ли, уже приняв решение, старались задержать гугенотов в Париже. Король выразил сожаление по поводу случившегося, прислал к раненому лучшего врача и гарантировал королевскую защиту дворянам-гугенотам. Кроме того, он обещал найти и наказать виновных. Но обещать это Карл IX мог, а вот осуществить на деле – нет. Дело в том, что если бы Гизы понесли наказание за случившееся, это вызвало бы бурю протестов со стороны всего католического населения Парижа, которое в лице Колиньи видело врага и иноверца, а в лице Гизов – преданных борцов за истинную веру. Генрих Гиз был временно удален за пределы города.

23 августа гугеноты продолжали настойчиво требовать возмездия. Стало понятно, что новой войны не избежать. Состоялся королевский совет, на котором присутствовали Екатерина Медичи, герцог Анжуйский (брат короля) и еще несколько влиятельных лиц. Было принято решение: раз уж возобновление войны неотвратимо, воспользоваться сложившимся положением и следующей ночью организованно уничтожить лидеров гугенотов, находящихся в Париже.

Неизвестно, случайно ли, но операция по уничтожению отдельных лиц превратилась в поголовную резню протестантов. Приготовления к ночным событиям были осуществлены широко и вместе с тем оперативно. Вечером 23 августа в Лувр был вызван бывший глава муниципалитета Марсель, имевший большой вес среди парижан. Под предлогом опасности гугенотского заговора ему тайно поручили собрать группы людей, готовых к вооруженным действиям. Эти группы получили списки домов, в которых остановились гугеноты. Сведения о том, что такие дома были помечены крестами, скорее всего, являются более поздними домыслами. Еще позже по приказу короля в Лувр прибыл преемник Марселя на посту главы муниципалитета Жан Ле Шаррон. Екатерина сообщила ему о «раскрытом» заговоре гугенотов. Согласно ее распоряжениям нужно было этот заговор предотвратить. Для этого следовало закрыть город-

ские ворота, поднять городскую стражу, мобилизовать и вооружить всех граждан, способных носить оружие. Группы вооруженных людей должны были занять позиции на улицах города. Но каковы были изначальные задачи таких крупных сил: уничтожение всех гугенотов, подавление возможного сопротивления с их стороны или пресечение беспорядков? Этот вопрос до сих пор остается предметом споров между историками. В любом случае за порядком банды вооруженных парижан смотреть не стали.

Сигналом к началу расправы послужил удар в колокол на колокольные церкви Сен-Жермен-Л'Оксерруа. По этому сигналу отряд, состоявший из приближенных Генриха Гиза и королевской охраны, двинулся к дому, в котором жил Колиньи. Руководил отрядом сам Гиз, вернувшийся в Париж. Отряд ворвался в дом. Колиньи был зарублен, а его уже бездыханное тело выброшено из окна. Затем ему отрубили голову. Есть сведения о том, что последними словами Колиньи были: «Гиз, проклятый убийца!» Расправившись с Колиньи, отряды Генриха Гиза и герцога Анжуйского двинулись дальше. Они врываются в дома, где остановились лидеры гугенотов, и осуществляли расправу. Часть гугенотов смогла выбраться из Парижа и бежать. За ними в погоню бросился Гиз, что уже совсем не походило на попытку предотвращения заговора. Истребили и гугенотов, находившихся в Лувре. В живых, правда, остались Генрих Наваррский и принц Конде, но свита была перебита, а их самих принудили перейти в католическую веру.

Ближе к утру происходящее превратилось в повальное избиение протестантов. К организованным отрядам присоединились толпы «добровольцев». Истреблялись все подозреваемые в приверженности к протестантству, их семьи, слуги, часто жертвы перед смертью подвергались жестокому истязаниям. Многие воспользовались «благоприятной» ситуацией для сведения личных счетов: для этого стоило только крикнуть толпе, что какой-либо твой недруг гугенот. Более того, достаточной причиной, для того чтобы тебя признали «гугенотом», было наличие денег. Толпы нищих парижан почувствовали наживу. Ведь убитых можно было ограбить. Вскоре в число «гугенотов» попали многие зажиточные парижане-католики.

Не отличалась толпа и повышенной деликатностью по отношению к трупам погибших. Их выбрасывали на улицы, сбрасывали в Сену, многие тела уже после смерти были изуродованы. Тело Колиньи толпа всю ночь таскала по городу, и к утру оно было изуродовано до неузнаваемости.

Между тем ситуация явно вышла из-под контроля. Из Лувра поступали распоряжения короля о прекращении резни, но остановить безумствующую толпу было невозможно. Варфоломеевская ночь на самом деле продлилась не один день. Еще шесть дней в Париже то и дело происходили убийства. Всего за несколько дней в городе, по разным подсчетам, было убито от 2 до 4 тысяч человек.

Несправедливым, однако, будет сказать, что все парижане-католики как один участвовали в резне. Многие из них сочувствовали гугенотам. Так, глава муниципалитета Жан Ле Шаррон много раз пытался остановить резню. Он призывал толпу сложить оружие и разойтись по домам, пытался защитить от опасности своего знакомого протестанта и его семью. Многих гугенотов он даже заключил в тюрьму для обеспечения их же безопасности. Некто Сьер де Перрез укрыв у себя в доме больше сорока протестантов. И эти примеры не единичны.

Резня вышла за пределы города, охватила провинции и многие города: Бордо, Орлеан, Руан, Тулузу. Вне стен Парижа Варфоломеевская ночь продолжалась несколько недель. За это время было убито по разным подсчетам 30–50 тысяч человек. По некоторым свидетельствам, во многих провинциях, где резня была особенно жестокой, несколько месяцев вода в реках и озерах была непригодна для питья из-за крови убитых.

Сперва Карл IX все-таки старался избежать новой войны. Он собирался выдать случившееся за происки мстительных Гизов. Но дело приняло слишком широкий оборот. Тогда король решил повернуть дело другой стороной. В своем письме папе он описал случивше-

еся как попытку предупредить заговор гугенотов. Хорошо иллюстрирует взаимную ненависть, которую друг к другу питали католики и протестанты, такой факт: получив известие о Варфоломеевской ночи, папа Григорий XIII сказал, что это событие стоит пятидесяти таких побед, как при Лепанто³². Кроме того, Карл IX отдал официальный приказ о казни Колиньи. Его уже не имевшее головы тело было повешено за ноги. На это зрелище были приглашены посмотреть новообращенные католики Генрих Наваррский и принц Конде. Но, по некоторым сведениям, Карла IX мучили угрызения совести, ему снились жертвы резни, и он часто повторял: «К какому зловещему совету я прислушался! О Боже мой, прости меня!»

ГЕНРИХ III ВАЛУА

(1551–1589)

Герцог Анжуйский до 1574 года, король Речи Посполитой в 1573–1574. Король Франции с 1574 г., последний представитель династии Валуа. Третий сын Генриха II Валуа и Екатерины Медичи. Убит во время одной из религиозных войн фанатиком, подосланным Католической Лигой.

Историки по-разному оценивают фигуру Генриха III. Долгое время основным был образ короля – прожигателя жизни, обладавшего громадным количеством всевозможных недостатков и пороков. Но поздние исследователи рисуют и более умеренные, и даже диаметрально противоположные портреты – мудрого и прогрессивного правителя. Не принимая какой-то определенной точки зрения, мы попробуем коротко изложить имеющиеся у нас факты.

³² 7 октября 1571 года в битве при Лепанто испано-венецианский флот разгромил турецкие силы.

В ночь с 18 на 19 сентября 1551 года Екатерина Медичи, жена Генриха II, произвела на свет очередного потомка, будущего короля Франции Генриха III. Ребенок был окрещен как Эдуард-Александр. Изначально шансы на то, что молодой герцог Анжуйский (такой титул получил мальчик при рождении) станет королем, казались призрачными. У него было два старших брата, и очередь наследования вряд ли могла бы дойти до Генриха (чтобы не создавать путаницу, мы сразу будем называть нашего героя этим именем)³³. Но дети из королевской семьи завидным здоровьем не отличались, и это обстоятельство в конце концов привело Генриха на престол. Но не будем торопить события.

Как и все потомки Екатерины Медичи и Генриха II, в детстве Генрих был болезненным ребенком. Но мальчик отличался любовью к подвижным играм, занятиям фехтованием и танцами. Благодаря подобным физическим нагрузкам Генрих окреп. Возможно, это помогло ему в дальнейшем не стать жертвой болезней (в основном – туберкулеза), которые уносили жизни его братьев и сестер одну за другой. К слову сказать, из десяти детей Екатерины Медичи только Генрих и его младшая сестра Маргарита (королева Марго) пережили свою мать.

В детстве и юности Генрих проявлял также большой интерес к чтению. Изучал итальянский язык, занимался риторикой, прекрасно разбирался в античной литературе. Сообразительность, элегантность, подвижный характер – все эти качества отличали Генриха от его братьев, и очень скоро он сделался любимцем Екатерины. Она часто называла его «мое все» и «мой маленький орел».

В 1560 году, после случайной гибели Генриха II на рыцарском турнире, королем ненадолго стал его старший сын Франциск II. А после его смерти – второй сын, десятилетний Карл IX. В начале его правления страной, на правах регента, управляла Екатерина Медичи. Она не скрывала того, что испытывает гораздо более теплые чувства к Генриху, чем к Карлу. Это стало причиной достаточно натянутых отношений между братьями.

В 1564–1566 году вместе со всем королевским двором Генрих больше двух лет путешествовал по Франции. В этой поездке он подружился со своим двоюродным братом, Генрихом Наваррским.

В 1566 году Генрих получил в свое управление три герцогства. А в 1567 году началась вторая религиозная война, и шестнадцатилетний герцог Анжуйский был назначен генерал-лейтенантом и стал главнокомандующим королевских войск. Естественно, юноша не сам руководил войсками: Генриху помогали советы опытных военачальников, но он не стал марионеткой в их руках. Начало военной карьеры принесло Генриху славу мудрого полководца. Королевские войска под его командованием одержали, во многом благодаря его энергии, уму и таланту, несколько значительных побед над силами гугенотов.

Но Генриха, несмотря на его молодость, личные качества и несомненные успехи в ратном деле, вовсе не прельщала военная деятельность. Как и его мать, он был сторонником поиска мирных путей разрешения конфликтов. Поэтому войне он предпочитал занятие политикой. Несмотря на это, военные таланты ему пришлось применить еще не раз.

По настоянию Екатерины, специально для Генриха была учреждена новая должность: генерал-интендант короля. Таким образом, Генрих фактически разделил со своим братом и матерью власть.

Но в 1570 году Карл IX стал проявлять признаки политической самостоятельности. В его совете, благодаря заключенному миру между католиками и гугенотами, появился лидер протестантов адмирал Колиньи. Карлу очень импонировали идеи Колиньи о возобновлении противостояния с Испанией. Влияние адмирала на короля на время ограничило политический вес Екатерины Медичи и Генриха. Колиньи занимал очень твердые позиции. Он стал незаменимым посредником между преимущественно католической Францией и протестантскими госу-

³³ Имя отца Генрих получил при конфирмации, обряде приема в церковную общину.

дарствами Европы, особенно Англией. Основной идеей Колиньи было противостояние объединенных сил Франции и Англии могуществу Испании. Колиньи вел свою политику таким образом, что перед Екатериной Медичи и Генрихом стала альтернатива: война против Испании или новая гражданская война с гугенотами.

Военные советники заявляли, что из новой испанской кампании Франция победителем не выйдет. Возобновление религиозных распри для страны, и без того истощенной войнами, тоже было крайне нежелательно. Таким образом, если первое покушение на адмирала Колиньи и было делом рук Екатерины и Генриха, то можно сказать, что ими руководили высокие государственные интересы. Кроме того, следует учесть, что в Европе того времени большой популярностью пользовались идеи Макиавелли³⁴. Екатерина Медичи разделяла идеи Макиавелли и воспитала своих детей в духе его морали. Возможно, что именно подобные взгляды и проявились во всей своей красе в Варфоломеевскую ночь.

За две недели до Варфоломеевской ночи состоялось событие, которое принесло Генриху много горя. В рамках провалившейся программы упрочения связей между католиками и протестантами состоялась не одна, а две свадьбы. За восемь дней до свадьбы Генриха Наваррского и Маргариты Валуа состоялось бракосочетание принца Конде (еще одного лидера гугенотов) с Марией Киевской. Мария Киевская была воспитана в протестантской вере, но уже три года находилась при дворе Карла IX. В эту девушку Генрих был страстно влюблен. Он даже собирался на ней жениться, но этому помешала королева-мать: во-первых, Мария происходила из недостаточно знатного рода, во-вторых, ей уже была отведена роль невесты принца Конде. Генрих был вынужден подчиниться воле матери и соображениям государственной необходимости. Он отказался от возлюбленной.

После событий Варфоломеевской ночи избежать новой религиозной войны не удалось. Оплотом гугенотов был юг Франции, и в частности – крепость Ла-Рошель. Генриху пришлось снова вернуться к военному делу. В феврале 1573 года он прибыл под стены Ла-Рошели и возглавил королевскую армию. Ни попытки штурма, ни осада крепости результатов не дали. А в июне пришли известия, которые требовали отбытия короля из-под Ла-Рошели. Буквально «на скорую руку» был подписан мирный договор, и Генрих отбыл из расположения войск.

Что же потребовало такого спешного отъезда Генриха? Пришло известие о том, что он был избран королем Польши. Его предшественник на польском престоле король Сигизмунд II Август умер, не оставив наследников. Выбирать короля в таком случае имело право польское дворянство. Баллотировались на выборах двое претендентов: эрцгерцог Эрнест из династии Габсбургов и Генрих Валуа. Екатерина Медичи посчитала, что трон польского короля ее сыну не помешает. С целью повлиять на результаты выборов в Польшу был отправлен епископ Жан де Монлюк. Недавние события Варфоломеевской ночи не могли способствовать популярности Генриха Валуа в Польше: многие поляки были протестантами. Но, несмотря на это, посол смог разными правдами и неправдами добиться избрания на польский престол Генриха.

Генрих прибыл в Париж. Здесь оказалось, что условия, на которых польские дворяне выбрали его своим королем, оставляют ему практически только номинальную власть. Это никоим образом не устраивало амбициозного Генриха и Екатерину. Начались длительные переговоры. Вскоре у Генриха появилась еще одна причина для сомнений относительно принятия польского престола. В августе 1573 года Карл IX, здоровье которого ухудшалось, вынужден был назначить своего младшего брата Генриха наследником французской короны: единственный сын короля был незаконнорожденным, а от официального брака он имел только дочь. В конце концов решение все же было принято, и в начале декабря 1573 года Генрих отпра-

³⁴ *Макиавелли* – итальянский историк, писатель, теоретик политики. Считал, что в политике цель оправдывает любые средства.

вился в Польшу. Перемещался он не спеша, сопровождая свое путешествие многочисленными приемами и встречами.

Только в конце января 1574 года новоявленный король прибыл в Польшу. Здесь произошла пышная коронация. Вскоре Генрих столкнулся с целым рядом внутривластных проблем Польши. Оставаться только номинальным королем, не имеющим власти, ему не позволяло самолюбие. Но парламент и сенат старались держать власть в своих руках. Кроме того, Генриха пытались женить на сестре покойного короля, 48-летней принцессе Анне. Это привело к тому, что новый король был вынужден пуститься на хитрость. Он стал одеваться на польский манер, заигрывал с польскими дворянами, обещал научиться пить пиво и танцевать полонез, даже оказывал знаки внимания Анне. Успокоив тем самым своих новых подданных, Генрих добился некоторой передышки. Но как сложилось бы дальнейшее правление Генриха, короля Польши, можно только предполагать.

4 июня 1574 года Генрих получает известие о смерти Карла IX и, несколько позднее, письмо от матери. В письме Екатерина сообщает, что она приняла за сына регентство и просит его возвратиться во Францию. Через четыре дня с небольшой свитой Генрих тайно покидает Польшу. Весь срок пребывания Генриха в Польше составил 146 дней.

3 сентября, предприняв по дороге немало важных встреч и переговоров, Генрих III прибыл во Францию. Между тем принц Конде бежал в Германию, его жена, Мария Киевская, возлюбленная Генриха III, не пожелала сопровождать законного мужа и осталась в Париже. В Генрихе вновь вспыхнула прежняя страсть. Теперь он собирался расторгнуть брак Марии с принцем Конде и самому жениться на ней. Не желая этого, Екатерина Медичи всячески старалась удержать сына вне Парижа. А в конце октября 1574 года проблема «благополучно» разрешилась сама собой: Мария умерла во время родов. Известие о ее смерти потрясло Генриха. Он очень болезненно переживал эту трагедию и надолго уединился в своих покоях. Такая искренность и глубина чувств была не «в моде». Привыкшие к вольным нравам французского двора придворные практически открыто насмехались над горем Генриха.

13 февраля 1575 года состоялась коронация. Через два дня Генрих вступил в брак с Луизой де Водсмон. Луиза происходила из не очень знатного рода. Возможно, этим браком Генрих хотел продемонстрировать свою независимость от воли матери. Екатерина Медичи подыскивала сыну невесту, руководствуясь прежде всего политическими мотивами. В любом случае, Генрих не прогадал – Луиза всю жизнь оставалась верной и преданной женой. Брак омрачало только отсутствие потомства. По всей видимости, бесплодной была Луиза, но французы того времени подозревали, что виноват король. Во-первых, он не имел внебрачных детей, что было «не принято». На самом деле глубоко религиозный Генрих III был убежден, что бесплодие – Божья кара за прошлые «случайные связи», и дал обет воздерживаться от подобных поступков впредь. Во-вторых, из-за элегантности Генриха, его любви к всевозможным нарядам, ношению серег, употреблению благовоний его считали гомосексуалистом. Это мнение «подтверждалось» тем, что при дворе большой вес имела группа из четырех талантливых молодых дворян, которые пользовались особой благосклонностью Генриха. Непонятно, личные заслуги этих фаворитов или их сексуальные отношения с Генрихом стали причиной этой благосклонности. Известно, что фавориты вели себя вызывающе по отношению к другим дворянам. Возможно, что распространение слухов об их «близости» с Генрихом – не что иное, как обыкновенная придворная месть. Но слухи эти привели к тому, что на протяжении веков нестандартность сексуальной ориентации короля под сомнение не ставилась. Только позднее многие историки пришли к мнению, что ответ на вопрос «был ли Генрих III гомосексуалистом?», по меньшей мере, не однозначен.

Придя к власти, Генрих начал проводить целый ряд прогрессивных реформ в различных сферах: налогообложение, церемониал, законодательство, армия, этикет³⁵. Но большинству из этих реформ было не суждено воплотиться в жизнь. Положение в стране оставалось очень напряженным, и вскоре у короля просто не осталось времени и возможностей заниматься своими нововведениями.

В 1576 году Генрих III подписал во время переговоров с гугенотами эдикт, объявляющий свободу вероисповедания на всей территории Франции. Этот шаг привел к созданию Католической Лиги, в которую вошли представители радикально настроенной католической знати. Лига поставила себе цель продолжать борьбу против гугенотов. Возглавил Лигу Генрих Гиз. Лига смогла добиться от Генриха III отмены эдикта и продолжения гражданской войны. В ходе военных действий католики одержали несколько побед, и в сентябре 1577 года был заключен мир на невыгодных для гугенотов условиях.

В 1580 году началась еще одна война, в которой, впрочем, победитель не определился. Вслед за этим наступил период относительного спокойствия. В это время Генрих III стал очень много внимания уделять религии. В ней он мог найти утешение и отдых от личных неприятностей и проблем государства. Генрих и раньше был глубоко верующим человеком, сейчас же его религиозность достигла апогея. Недоброжелатели даже обвиняли короля в том, что он выставляет свою религиозность напоказ, стараясь прикрыть таким образом собственные пороки. Он организовал «Братство кающихся грешников Благовещенской Богоматери», сам участвовал в шествиях членов этого братства. Для него и его свиты было построено несколько келий в одном из монастырей в Венсенском лесу. Незадолго до возобновления гражданских войн он организовал еще одно братство: «Братство смерти и страстей Господа нашего Иисуса Христа». В эту группу входили приближенные Генриха. По пятницам они собирались в Лувре, пели псалмы, молились, даже укрепляли дух самоистязаниями. За это пристрастие к отправлению религиозных культов Генрих III получил прозвище король-монах.

Через четыре года шаткое равновесие было нарушено непредвиденным происшествием: неожиданно умер младший брат Генриха III, Франциск. Напомним, что детей у Генриха не было. Таким образом, наследником французской короны становился Генрих Наваррский (с этого момента, чтобы не запутаться в Генрихах, мы будем называть его Наваррой, как принято во многих источниках). Генрих III долго колебался и в конце концов признал Наварру своим преемником. Но тот давно вернулся к протестантской вере и был лидером гугенотов. Такой наследник категорически не устраивал Католическую Лигу. Для того чтобы не допустить его на трон, Гизы были готовы на все. Они даже заручились поддержкой Испании. В 1585 году Екатерина Медичи и Генрих III под двойной (внешней и внутренней) угрозой были вынуждены подписать эдикт, запрещающий совершение религиозных обрядов протестантизма под страхом смертной казни. Таким образом, Наварра теперь автоматически не мог быть наследником престола. Папа Римский отлучил его от церкви, а преемником Генриха III был объявлен кардинал Шарль Бурбон.

Тогда Наварра развязал войну, получившую название войны трех Генрихов: Валуа, Наваррского и Гиза. Король оказался между двух огней. С одной стороны, последний эдикт сделал его врагом гугенотов, с другой – Генрих Гиз практически подчинил его своей воле. Особенно ухудшилось положение короля после того, как 20 октября 1587 года Наварра одержал победу при Котрэ. Только хитрость Генриха III спасла католиков от гораздо более серьезного разгрома. Он подкупил вражеских наемников, и те в решающий момент отступили. Но после поражения при Котрэ король снова был вынужден искать мира с гугенотами и подписал эдикт о свободе вероисповедания.

³⁵ По легенде, именно Генрих III стал первым использовать во время еды вилку.

Это вызвало протест среди населения Парижа. Горожане и так были недовольны Генрихом III. Короля считали виноватым во всех бедах: от военных неудач до недостатка продовольствия. Генриха Гиза жители города, наоборот, боготворили и называли «королем Парижа». Опасаясь мятежа, король запретил Гизу появляться в городе. Но 12 мая 1588 года Генрих Гиз прибыл в Париж и поднял восстание. Позже этот день был назван «днем баррикад». В очередной раз политический талант продемонстрировала королева-мать. Она стала вести длительные переговоры с мятежниками. Гизы потребовали отречения Генриха III от престола. Но Екатерина выиграла сыну время для того, чтобы тот покинул Париж.

После Екатерина стала вести переговоры о том, чтобы Генрих III усыновил сына своей сестры, который в то же время приходился племянником Генриху Гизу. Это должно было привести к патовой ситуации в противодействии Гизов и Валуа и объединить их интересы.

Генрих III был вынужден во всем подчиняться Католической Лиге: опять признать гугенотов вне закона и сделать Генриха Гиза генерал-лейтенантом. Гизы подвергали короля все новым и новым унижениям. Они открыто заявляли, что королю лучше уйти в монастырь. Герцогиня Монпансье, сестра Генриха Гиза, повсюду носила при себе ножницы, говоря, что готова выстричь Генриху Валуа тонзуру³⁶. Казалось, что ничто не может помешать Гизам прийти к власти.

Но, несмотря на внешнюю покорность, Генрих III не собирался сдаваться. Он только ждал удачного момента, чтобы нанести ответный удар. Такой момент представился в августе 1588 года. Испанская «Непобедимая армада» потерпела поражение от английского флота. Таким образом, Испания была вынуждена отвлечься от помощи Католической Лиге Франции. Генрих не упустил своего шанса вырваться из-под власти Гизов. В ночь на 24 августа 1588 года по его приказу были убиты как бунтовщики Генрих Гиз и его брат, кардинал Лотарингский Луи Гиз. Это неминуемо должно было привести и привело к мятежу. Католическая Лига объявила об отречении Генриха Валуа от престола и взяла власть в Париже в свои руки. Королю или экс-королю ничего не оставалось, как искать союза с Наваррой. Два Генриха совместно выступили против Парижа и других мятежных городов. Генрих Валуа при этом тоже был отлучен папой от церкви.

После смерти Генриха и Луи Гизов Католическую Лигу возглавил их младший брат, герцог Майенский. Он и его сестра герцогиня Монпансье стремились отплатить Генриху Валуа за смерть своих братьев. Католические священники призывали своих прихожан отомстить. Среди католиков было немало фанатиков, так что подобрать подходящую кандидатуру на роль «руки божественного правосудия» оказалось несложно. Роль эта досталась 22-летнему монаху-доминиканцу Жаку Клеману. Молодой фанатик был убежденным и активным сторонником Гизов. После нескольких бесед настоятель монастыря на улице Святого Якова в Париже смог убедить Жака Клемана не только в необходимости убить «еретика» Генриха Валуа, но и в том, что благодаря божественному вмешательству юноша станет неуязвимым и даже невидимым для врагов. Кроме того, помимо «божественного провидения» гарантией «безопасности» Клемана должны были стать заложники. По распоряжению герцогини Монпансье в Париже было арестовано триста сторонников Генриха III.

Меж тем войска Генрихов осадили Париж. Лагерь короля располагался в предместье Сен-Клу. Клеман прибыл в Сен-Клу 31 августа 1589 года. Он назвал себя посланцем от Католической Лиги и попросил аудиенции у Генриха III. Король, как мы знаем, не любивший военных действий и стремившийся к урегулированию конфликта путем переговоров, решил принять молодого монаха. 1 августа аудиенция была предоставлена. Кинжал Клеман смог пронести в складках рясы. Встретившись с Генрихом III, молодой фанатик подошел к королю и передал ему письмо, якобы являющееся посланием от Католической Лиги. В этот же момент убийца

³⁶ Тонзура – выбритое место на голове, отличительный знак католического духовенства.

выхватил нож и нанес своей жертве несколько ударов кинжалом в живот. Генрих упал с криком: «Проклятый монах, он убил меня!» Интересно, что Клеман даже не пытался спастись бегством, настолько глубока была его вера в божественную защиту. Но, видимо, человек, только что нарушивший заповедь «не убий!», на подобное покровительство рассчитывать не должен, что бы ни говорил настоятель монастыря на улице Святого Якова. Вбежавшая на крик короля охрана прикончила убийцу на месте.

Генрих III умер только на следующий день. Перед этим он успел призвать к себе Наварру, подтвердить его права на престол и приказать присутствующим присягнуть на верность новому королю. Умиравший Генрих также посоветовал своему преемнику прекратить межрелигиозные распри, приняв католическую веру. Совету этому Наварра внял только через четыре года. Но подробнее судьба Генриха Наваррского, а впоследствии – Генриха IX Французского изложена в следующей статье.

ГЕНРИХ IV БУРБОН

(1553–1610)

Сын Антуана Бурбона. Король Наварры с 1562 года (Генрих Наваррский). Во время религиозных войн был одним из лидеров гугенотов. Французский король с 1589 года. Убит католиком-фанатиком.

Будущий король Франции родился 13 декабря 1553 года. Его отцом был Антуан Бурбонский, матерью – Жанна д'Альбре. Это семейство владело независимой от Франции Навар-

рой³⁷ и Бурбонне³⁸. Кроме того что Генрих был наследником таких обширных владений, у него была еще одна перспектива. В случае пресечения династии Валуа Бурбоны наследовали французскую корону. Но Генрих II Валуа и Екатерина Медичи уже к моменту рождения Генриха Наваррского имели троих сыновей, и эта возможность казалась чисто теоретической.

Детство Генриха никак нельзя назвать спокойным. Вражда между протестантами и католиками, охватившая Францию, непосредственно коснулась его семьи. Более того, в самой семье процветали религиозные противоречия. Жанна д'Альбре в 1555 году приняла протестантскую веру и всю жизнь оставалась убежденной кальвинисткой. Естественно, что и из сына она старалась вырастить приверженца «новой» веры. Антуан Бурбонский также принял протестантство, но вскоре вернулся в лоно католической церкви. Религиозная принадлежность могла помешать его карьере: Екатерина Медичи сделала его генерал-лейтенантом королевских войск. Это привело к тому, что отношения между супругами сильно испортились.

Сам Генрих уже в детстве несколько раз менял религию. Первый раз – по настоянию матери он стал протестантом. Позже, во время путешествия по Франции вместе с королевским двором (см. предыдущую статью), мальчик по примеру отца вернулся к католицизму. После смерти отца, в 1562 году, Генрих унаследовал корону Наварры и снова вернулся к протестантизму. Таким образом, к подобным переменам наш герой был подготовлен еще в детстве. Во время упомянутого вояжа Генрих близко познакомился с придворной жизнью, а также со своими двоюродными братьями и сестрами, Валуа. Особенно подружился он с Маргаритой Валуа и со своим тезкой – Генрихом.

В 1562 году отец Генриха умер и мальчик стал королем Наварры. После первой религиозной войны (1562–1564 гг.) наступило временное перемирие. Но к 1567 г. отношения между католиками и гугенотами снова ухудшились, и Екатерина Медичи, возможно предвидя начало новой войны, отпустила Жанну д'Альбре и ее сына от двора.

Вскоре юноша впервые непосредственно столкнулся с войной. Уже в 1569 году, после смерти принца Луи I Конде, он стал предводителем гугенотов и возглавил их войска. В 1570 году был заключен мир и стала обсуждаться идея женитьбы Генриха Наваррского на Маргарите Валуа. Незадолго до свадьбы умерла мать Генриха. Некоторые данные позволяют предположить, что она была отравлена. Возможно, Екатерина Медичи боялась, что Жанна д'Альбре повлияет на сына и расстроит свадьбу. Впрочем, версия об отравлении королевы Наваррской Екатериной Медичи имеет слабые места. Так, известно, что Маргарита Валуа произвела на мать своего будущего жениха хорошее впечатление. Кроме того, Жанна д'Альбре не могла не понимать важность такого брака для будущего ее сына и Франции и вряд ли стала бы возражать.

После резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь (см. главу об адмирале Колиньи) Генрих Наваррский и его кузен, принц Конде, стали пленниками Карла IX. Их принудили перейти в католицизм. Генрих, уже привыкший к процедуре смены конфессии, отнесся к этой необходимости довольно спокойно. Конде проявил гораздо большее упорство.

На протяжении нескольких последующих лет Генрих Наваррский находился при дворе. Его положение в это время трудно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, он был пленником, с другой – Генриху были доступны все радости придворной жизни. Политикой он не интересовался, во всяком случае, не выказывал такого интереса открыто. Он проводил время в развлечениях, особое внимание уделяя охоте. Такое безбедное и безоблачное существование, на правах привилегированного пленника, длилось до 1576 года.

В 1576 году гугеноты организовали бегство короля Наварры из Парижа. Генрих снова, уже в который раз, сменил религию. Но лидеры протестантской партии относились к нему

³⁷ Н а в а р р а – королевство в районе Пиренеев. В 1512 году большая часть территории Наварры была завоевана Испанией и стала испанской провинцией. Остальная часть в 1589 году, после смерти Генриха III, стала частью Франции.

³⁸ Б у р б о н н е – область в центральной части Франции.

без доверия. Еще бы, ведь Генрих так легко отказался от их религии после резни в Париже. Поэтому король Наварры, самый титулованный протестант Франции, далеко не сразу смог стать фактическим лидером гугенотов. Кроме того, верхушка протестантской знати была настроена на решительные и агрессивные действия, в то время как Генрих был сторонником поиска мирного решения конфликтов. Следует отметить, что такой линии он старался придерживаться до конца своих дней.

На протяжении ближайших восьми лет официальное положение гугенотов во Франции неоднократно менялось. Поочередно выходили эдикты, то разрешающие свободу вероисповедания, то запрещающие кальвинизм. Сторонниками первой позиции были Екатерина Медичи и Генрих III, а второй – Католическая Лига и, прежде всего, ее лидеры Генрих де Гиз и его брат кардинал Лотарингский. Военные действия на религиозной почве то вспыхивали, то угасали. Несколько раз был заключен мир. Не последнюю роль в подписании мирных договоров сыграл Генрих Наваррский. При этом он искал практически любые возможности для примирения, иногда не требуя никаких уступок для своих товарищей по вере.

Но в 1584 году умер наследник трона Франсуа, младший брат Генриха Валуа. Теперь наследником французского трона стал король Наварры. Дальнейшие события вплоть до убийства Генриха III в 1589 году описаны в предыдущей главе.

После смерти своего кузена, Генриха III, король Наварры формально стал королем Франции Генрихом IV. Но на деле прийти к власти в государстве он не мог еще на протяжении четырех с лишним лет. Париж и еще несколько городов находились в руках Католической Лиги, во главе которой теперь стоял младший брат убитых Гизов герцог Майенский. Католики не собирались признавать королем Франции «еретика».

Военные действия, которые Генрих IV вел против войск Католической Лиги, не привели к решительному успеху. Во главе протестантских войск Генрих IV, подчас за счет личного героизма в сражениях, одержал несколько побед над войсками Лиги, локализованными в некоторых городах Франции, но его главной целью был Париж. И цели этой военным путем достигнуть не удалось. Дело в том, что с 1590 года Париж, помимо войск Католической Лиги и городского населения, враждебно настроенного по отношению к гугенотам, охранялся еще и сильным испанским гарнизоном. Несколько лет Генрих IV колебался. Но в 1593 году начались процессы, которые заставили короля принять решение. На стороне Генриха IV, помимо протестантов, находились и многие католики, бывшие приверженцы Генриха Валуа. Они стали постепенно отдаляться от короля-гугенота. Возникла опасность, что на политической арене появится третья партия, в которую войдут менее радикальные члены Католической Лиги и католики – бывшие сторонники Генриха IV. Эта сила, поддерживаемая испанцами, могла предложить трон другому Бурбону, католику. 25 июля 1593 года Генрих опять отрекся от кальвинизма и вернулся к «старой» вере, на сей раз – окончательно. По легенде, приняв решение об очередной смене религии, он сказал знаменитую фразу: «Париж стоит мессы»³⁹. Но многое указывает на то, что это крылатое выражение было приписано Генриху впоследствии.

Таким образом, у католиков не осталось главной претензии к Генриху, как к претенденту на престол. Католическая Лига сопротивления не прекратила, но теперь от нее откололись многие не слишком радикальные приверженцы. В начале 1594 года в Шартре состоялась коронация, и уже в марте новоиспеченного короля-католика приветствовали на улицах города измученные непрекращающимися войнами парижане. Король вошел в город без кровопролития и так же мирно, путем переговоров добился вывода испанского гарнизона. Через некоторое время он испросил у Папы Римского Климента VIII отпущения грехов. Это выбило из рук Католической Лиги последний козырь. Но напряженность существовала еще три года, пока

³⁹ Месса – католическое богослужение.

Генрих IV исключительно мирно, путем переговоров и подкупа не перетянул на свою сторону большинство лидеров Лиги.

Естественно, что о своих бывших товарищах по вере Генрих не забыл. В 1598 году в Нанте был издан эдикт, позже получивший название «Нантский». Согласно ему, государственной религией Франции оставался католицизм, но практически на всей территории страны объявлялась свобода вероисповедания. Также гугеноты получали право занимать государственные должности. При парламенте Парижа создавались палаты, рассматривающие дела гугенотов. В эдикте имелась и секретная часть, согласно которой гугеноты получали право на содержание армии. В их распоряжение переходило также около ста укрепленных замков и крепостей. Немного позднее в том же 1598 году Генрих смог добиться заключения мира с Испанией.

Нантский эдикт был враждебно принят многими католиками. Популярность же Генриха среди радикально настроенных гугенотов после очередной смены религии тоже сильно пошатнулась. Кроме того, и с той и с другой стороны уже давно сформировалась прослойка людей, для которых религиозные войны стали своеобразным промыслом. Но, тем не менее, король понимал, что лучший, а может быть, и единственный путь выхода Франции из кризиса – заключение прочного межконфессионального мира. Вынужденный балансировать между интересами католиков и протестантов, при жизни Генрих IV так и не стал популярным королем. Но впоследствии его политику часто использовали в качестве образчика дальновидности и государственной мудрости.

Когда речь идет о Генрихе IV, трудно не упомянуть о его приключениях на амурном фронте. Слабость Генриха по отношению к противоположному полу стала притчей во языцех и вызывала нарекания даже у французов, отнюдь не привыкших к ханжеским нравам своих королей. Сейчас трудно сказать, насколько справедливы все слухи о сексуальных похождениях Генриха, но то, что женщины играли в его жизни немаловажную роль, пожалуй, неоспоримо.

Отношения между Генрихом и Марго были достаточно теплыми. Но оказалось, что Маргарита Валуа не в состоянии произвести потомство. Это, а также обстоятельства, при которых был заключен брак, не способствовало созданию прочных семейных уз. Да и трудно назвать жизнь в браке Маргариты и Генриха семейной. Супруги лишь иногда проводили вместе какие-то промежутки времени, надолго расставаясь и в силу обстоятельств, и по собственной воле. Но неизбежный развод произошел только в 1600 году: то ли раньше было просто не до того, то ли у Генриха не было подходящей кандидатуры для нового брака. Но к новой жене короля мы вернемся несколько позднее.

Что касается любовных приключений Генриха во время вынужденного нахождения при королевском дворе после событий Варфоломеевской ночи, то непонятно, какая часть сведений о них была достоверной. Последующие сведения о похождениях Генриха во время религиозных войн также трудно разделить на достоверные и ложные. Широкую известность, однако, получила связь Генриха с графиней Дианой д'Андуен. Их переписка, относящаяся к периоду с 1582 по 1584 год, стала настоящей находкой для историков. По письмам удалось восстановить многие подробности деятельности Генриха в этот период.

Громадную роль сыграла в жизни Генриха Габриель д'Эстре. Пожалуй, эта женщина стала самым серьезным «увлечением» Генриха. Связь с ней началась в 1592 году и продолжалась на протяжении семи лет. За это время Генрих сделал свою любовницу маркизой. Отношения с Габриель д'Эстре, пожалуй, походили на брак больше, чем отношения с Маргаритой. Кстати, только эта связь Генриха с фавориткой вызывала протест у Маргариты, которая в остальных случаях придерживалась достаточно «современных» взглядов. Любовница родила королю троих детей, что он особо ценил. В дальнейшем детей признали законными. Также она активно участвовала в политических делах Генриха. Но новоявленной маркизе этого было недостаточно. Она стремилась к тому, чтобы стать официальной королевой. Неизвестно, как

сложились бы эти отношения дальше. Вполне возможно, что Генрих и женился бы на Габриель, но в 1599 году она внезапно скончалась.

В это время финансовое положение страны было крайне тяжелым. Казна не просто истощилась во время войны и последовавших за ней мирных процессов (громадные суммы ушли на подкуп лидеров Католической Лиги). И король, и вся страна по уши находились в долгах. Одним из путей разрешения этой проблемы мог стать брак с Марией Медичи, флорентийской принцессой. Для этого необходимо было осуществить развод с Маргаритой. Сама Маргарита была согласна, но еще был необходим и какой-то повод. Не сразу, но предлог нашелся. Дело в том, что крестным отцом Генриха IV был Генрих II, отец Маргариты. Это обстоятельство было «сочтено» Папой Римским достаточным для того, чтобы Маргариту и Генриха IV признали родственниками, хотя бы духовными. На основании такого «родства» брак был признан недействительным.

Вскоре Генрих вступил в брак с Марией Медичи. Приданое, полученное при этом, смогло вывести страну из финансового кризиса. Кроме того, благодаря такому браку у Франции появились финансовые и политические интересы в Италии, а в 1601 году на свет появился Людовик, первый официальный ребенок Генриха и наследник трона. Таким образом, новый брак обещал быть прочным.

Это обстоятельство, однако, никоим образом не мешало Генриху «ходить на сторону» и, более того, заводить достаточно серьезные отношения с некоторыми фаворитками. Одной из самых примечательных фигур среди них стала Генриетта д'Антраг. Семейство девушки буквально «подсунуло» Генриетту королю. Вскоре Генрих сделал новую фаворитку маркизой. Вообще методы, которыми действовала Генриетта и ее семья, отличались прямолинейностью. У них имелся подписанный Генрихом документ, в котором король обещал жениться на Генриетте. Эта бумага служила инструментом для вымогательства и шантажа. Король вынужден был удовлетворить ряд требований нечистого на руку семейства. Но этого Генриетте и ее алчным родственникам оказалось мало. В 1604 году они составили заговор. Целью его было настроить аристократию, которая и так не питала к королю теплых чувств, против Генриха, свергнуть его и посадить на трон, основываясь на упомянутом выше брачном обязательстве, сына Генриетты от Генриха. Заговор этот был раскрыт, но самих заговорщиков король пощадил.

Помимо изменений в статусе протестантов, Генрих провел целый ряд реформ, коснувшихся всевозможных сфер государственной деятельности. Из-за постоянных войн сельское хозяйство, основа экономики Франции, пришло в запустение. Чтобы восстановить его, Генрих отменил долги крестьян и снизил личные и имущественные налоги. При этом для пополнения казны пришлось поднять налоги на некоторые товары, например соль и вино. Кроме того, Генрих стремился развивать и поддерживать ремесленничество и внешнюю торговлю, особенно с североамериканскими колониями.

В стиле своего правления Генрих был авторитарен. Период его нахождения на троне считают началом Французского абсолютизма. Он перестал созывать Генеральные штаты⁴⁰. Во всех существенных делах король старался разобраться и принять решение лично. На откуп королевскому совету он отдал мелкие и не имеющие кардинального значения задачи. Принимая же решения по важным вопросам внутренней и внешней политики, Генрих IV в основном прислушивался к мнению небольшого числа приближенных. При этом он отбирал этих людей, руководствуясь не их происхождением, а только личными качествами, что по тем временам было, по меньшей мере, ново. Таким образом Генрих уменьшил роль дворянства в государственной политике, что не могло не вызвать недовольства.

⁴⁰ Генеральные штаты – высшее сословно-представительское учреждение. В них входило духовенство, дворянство и третье сословие (ремесленники, купцы, крестьяне).

Среди ближайших советников короля следует уделить внимание Сюлли, человеку, с мнением которого король считался больше, чем с чьим-либо еще. Старинный соратник Генриха по гугенотским войнам после его восшествия на престол, Сюлли получил должность министра финансов. Можно сказать, что Сюлли быстро разобрался в новом для себя деле, заменил целый ряд нерадивых и нечистых на руку чиновников и ввел много полезных новшеств. Этим он немало способствовал выходу государства из финансового кризиса. Однако многие современники и более поздние авторы часто обвиняли Сюлли, и скорее всего обоснованно, в использовании служебного положения в целях личного обогащения.

Стремясь пополнить казну, Генрих ввел закон, согласно которому чиновники могли передавать по наследству или продавать государственные должности при условии уплаты полетты – специального налога. Дворяне же привыкли, что руководящие должности достаются им автоматически и бесплатно. Кроме того, благодаря возможности покупки должностей чиновничьи места стали доставаться так называемым «новым людям» – разбогатевшим простолудинам, что открывало им путь в дворянское сословие. Тем самым неизбежно должны были пошатнуться позиции родовой знати. Естественно, что подобные изменения особого восторга среди аристократов не вызвали.

Таким образом, правление Генриха породило целый ряд недовольных из числа дворян и духовенства. Стали зреть заговоры. Один из первых был составлен гугенотом герцогом де Бироном и герцогом Савойским⁴¹. Заговор был раскрыт, Генрих объявил Савою войну и казнил герцога де Бирона. Кстати, возможно, из-за привитого матерью уважения к гуманным ценностям, а возможно – опасаясь мести и не желая давать поводов для новых заговоров, Генрих выносил смертные приговоры крайне осторожно и неохотно. В этом отношении казнь Бирона, скорей, исключение. Слишком вопиющим было предательство: после восшествия на престол Генрих удостоил Бирона всевозможных почестей.

Со времени победы над Католической Лигой на Генриха IV был совершен целый ряд покушений. И первое из них состоялось непосредственно на праздновании победы. Когда Генрих принимал поздравления, католик-фанатик Жан Шатель, посланный несколькими священниками-иезуитами, смог нанести ему удар кинжалом. Генриха спасла традиция: он должен был поднять с колен одного из придворных. Шатель ударил короля кинжалом как раз в тот момент, когда тот наклонился. Из-за этого удар пришелся по зубам, а не в грудь или живот. Генрих отделался потерей зуба.

В дальнейшем Генрих успешно избежал опасности еще нескольких заговоров и покушений.

В последние годы своего правления Генрих вел подготовку к войне с Австрией – союзницей Испании. С этой целью он вступил в союз с протестантами Германии. Также была проведена реформа французской армии. 13 мая 1610 года состоялась коронация Марии Медичи в качестве регентши. Она должна была управлять государством во время отсутствия короля – Генрих собирался лично возглавить французские войска в предстоящей войне. Но его планам так и не суждено было сбыться.

14 мая 1610 года Генрих IV выехал из Лувра с целью навестить захворавшего Сюлли. День был солнечный, и король ехал в открытой коляске. На улице Ла Ферронри дорогу королевскому экипажу преградила пробка из повозок и телег. После того как коляска остановилась, к ней подскочил убийца и нанес королю три удара кинжалом в грудь.

Убийца, чиновник из Ангулема⁴² Франсуа Равальяк, утверждал, что сообщников у него не было и действовал он самостоятельно и по собственным убеждениям. Трудно сказать, так ли это на самом деле. Очень многим политическим и религиозным деятелям и группировкам

⁴¹ С а в о й я – историческая область во Французских Альпах.

⁴² А н г у л е м – город на западе Франции.

была выгодна смерть Генриха IV. Подозрение вызывает и так «удачно» появившийся на улице Ла Ферронри затор, без которого Равальяк не имел бы никаких шансов добраться до короля. Но с другой стороны, у многих рядовых французов, особенно ортодоксальных католиков, сама фигура короля – бывшего протестанта, ранее неоднократно возвращавшегося к гугенотской «ереси», и его политика вызвали недовольство. Поэтому Равальяк действительно мог быть фанатиком-одиночкой. Есть сведения, что еще после принятия в 1598 году Нантского эдикта, узаконивавшего протестантизм, Равальяк пытался попасть на прием к королю, чтобы убедить отменить эдикт. Вполне естественно, что аудиенции он удостоен не был. Тогда Равальяк очень тщательно подготовил оружие убийства и долгое время искал возможность приблизиться к своему несостоявшемуся оппоненту по религиозной дискуссии.

В ЖЕРТВУ ИДЕЕ

МАРАТ ЖАН ПОЛЬ

(1743–1793)

Деятель Великой Французской революции. Один из лидеров якобинцев. С 1789 издавал газету «Друг народа». Вместе с Робеспьером руководил подготовкой восстания 31 мая – 2 июня 1793, отнявшего власть у жирондистов. Убит Шарлоттой Корде, дворянкой по происхождению, разделявшей взгляды жирондистов.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду⁴³.

А.С. Пушкин. «Кинжал»

80-е годы XVIII века во Франции были беспокойными. Конечно, политическая жизнь этой страны всегда отличалась обилием событий, но сейчас это было волнение некоего нового

⁴³ Э в м е н и д ы – в греческой мифологии богини мщения, то же, что эринии.

типа. Страна находилась на грани банкротства. Казна была должна крупным буржуа громадные суммы. Виной тому были неурожаи последних лет, торгово-промышленный кризис, противоречия между капиталистическим способом производства и феодальным строем. Причиной этих противоречий были древние родовые привилегии знати. Со стороны королевского правительства предпринимались попытки пересмотреть межсословные взаимоотношения, но они ни к чему не привели. Волнение росло.

Король Людовик XVI был вынужден пойти на чрезвычайные меры. 5 мая 1789 года были созваны Генеральные штаты, которые до этого не собирались более 170 лет. Но вместо того чтобы обсуждать отдельные проблемы государства, 17 июня депутаты провозгласили себя Национальным собранием. Королевскому указу о роспуске Генеральных штатов Национальное собрание подчиниться отказалось. 9 июля депутаты приняли решение называть собрание Учредительным и начали работать над созданием конституционных основ государства. 14 июля 1789 года на угрозы разогнать Учредительное собрание парижане ответили восстанием. В этот день была штурмом взята Бастилия. Так началась Великая Французская революция, длившаяся около десяти лет и называемая «крупнейшим социальным переворотом нового времени».

Некоторое время Франция пыталась идти по пути конституционной монархии. Создавались выборные органы местного управления, была собрана национальная гвардия. Между тем в сельских областях начались крестьянские восстания. 4 августа Учредительное собрание объявило о «полном» уничтожении феодального порядка, но для выхода из феодальной зависимости крестьянам нужно было внести выкуп, сумма которого для большинства была непосильна. 26 августа собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина». После этого до сентября 1791 года депутаты работали над составлением конституции. Параллельно было осуществлено немало административных и финансовых реформ.

Формально Людовик XVI оставался на троне. Но фактически его положение было положением заложника. 21 июня 1791 года король попытался бежать вместе с семьей в Нидерланды, но был опознан, задержан и возвращен в Париж. Между тем волнения не утихали. 17 июля на Марсовом поле состоялась демонстрация, требовавшая отречения короля. Она была разогнана с применением огнестрельного оружия. Учредительное собрание попыталось спасти идею конституционной монархии. Оно подало на подписание Людовику принятую конституцию, после чего, выполнив свои функции, было распущено.

Первые два года у власти находились представители крупной буржуазии и либерально настроенного дворянства. Но за это время в стране сформировалось немало политических группировок. Одной из самых весомых из них стал Якобинский клуб, названный так по месту заседания в бывшем монастыре доминиканцев (во Франции их называли якобинцами). Через сеть филиалов во всех уголках страны якобинцы поддерживали в народе революционные настроения. В октябре 1792 года от якобинцев отделились так называемые жирондисты. Эта группа получила свое название от департамента Жиронда, откуда происходили многие ее члены.

На смену Учредительному собранию пришло Законодательное. В нем главенствующую позицию заняли радикально настроенные жирондисты. Жирондисты приняли законы, избавившие крестьян от выкупа феодальных прав, боролись за отделение церкви от государства. 20 апреля Людовик XVI по инициативе жирондистов объявил войну Австрии, на сторону которой скоро стала союзная ей Пруссия. Неудачное начало этой войны, инфляция, разруха, рост цен – все это вызывало новые волнения. 10 августа опять вспыхнуло восстание, возглавленное Парижской коммуной – революционным органом парижского самоуправления. Результатом этого восстания стало свержение монархии. Людовик и его семья были арестованы. 21 сентября Законодательное собрание провозгласило Францию республикой. Одновременно вся власть была передана Конвенту. Людовик превратился в рядового гражданина. Позже (21 января 1793) он был казнен по обвинению в «заговоре против свободы нации и покушении

на национальную безопасность». Основанием стали найденная ранее переписка короля с эмигрантами-контрреволюционерами, Австрией, Пруссией.

Конвент фактически состоял из депутатов трех типов: жирондисты, монтаньяры и «болото». Лево настроенная группа монтаньяров (Гора) в основном состояла из якобинцев. Такое название она получила еще в Учредительном собрании: монтаньяры располагались на самых верхних местах. До весны 1793 года главенствующее положение занимали жирондисты. Но новый призыв в армию в феврале 1793 года вызвал крестьянские восстания. Страна не могла выйти из экономического кризиса, в марте генерал Дюмурье, ставленник жирондистов, потерпел поражение в битве при Неервиндене и перешел на сторону австрийцев. Это окончательно подорвало престиж партии. 31 мая – 2 июня в Париже вспыхнуло очередное восстание, в результате которого жирондисты были изгнаны, а к власти пришли якобинцы во главе с Робеспьером.

Придя к власти, якобинцы пошли по пути террора. Власть почти полностью сосредоточилась в руках двух комитетов Конвента: Комитета общественной безопасности и Комитета общественного спасения. Фактически была установлена диктатура. Все стороны общественной и личной жизни французов подвергались жесткой регламентации. Полетели головы. Гильотины работали не переставая. Жертвами якобинского террора становились не только сторонники старых порядков, но и многие революционеры, чье мнение расходилось с точкой зрения якобинцев.

Дальнейшие события Великой Французской революции сейчас нас интересовать не будут. 13 июля 1793 года Жан Поль Марат был убит. Какую же роль сыграл этот человек в описанных событиях?

Жан Поль Марат родился 24 мая 1743 года в небольшом швейцарском городке Будри. За три года до рождения Жана Поля его родители, сменив католическое вероисповедание на кальвинизм, поселились в Будри. Отец Марата был человеком образованным. Он был художником, но ранее сменил еще несколько занятий (врач, преподаватель иностранных языков). Он смог дать детям достойное образование.

Марат избрал профессию врача. Образование он получал в Тулузе, Бордо, Париже, в Голландии и Англии. В Англии же Жан Поль увлекся философией и политикой. Его перу принадлежат произведения «Философский опыт человека» и антимонархический трактат «Цепи рабства». Сам Вольтер был знаком с этими работами Марата, правда, отзывался о них не лучшим образом. Позже Марат, помимо медицинской практики, занимался физическими экспериментами, в основном в области оптики. В своих работах Марат проявлял чрезмерную самоуверенность и презрение к существующим авторитетам. Авторитеты, да и весь научный мир, платили ему той же монетой. В результате Марат разочаровался в перспективах научной карьеры в Англии. В 1776 году он едет во Францию.

На «исторической родине» Марат получает должность врача гвардейцев графа д'Артуа (будущего короля Карла X). Но занятие медициной не принесло ни славы, ни приличных доходов. Попытки продолжить научные изыскания тоже были безуспешными. Жан Поль также пытается сделать политическую карьеру. В 1777 году он принимает участие в конкурсе на лучший проект реформы уголовного права. В 1782 публикует «План уголовного законодательства». Эти работы тоже не принесли Марату желанной известности и карьерного роста.

С началом Великой Французской революции Марат решает сменить теоретические изыскания в области политики на практическую деятельность. С сентября 1789 года он начинает выпуск ставшей впоследствии знаменитой газеты «Друг народа». С этого времени и до конца жизни газета стала основным делом его жизни. Можно сказать, что в своей деятельности Марат избрал столь популярный в наше время путь скандальной известности. На страницах своей газеты он бесстрашно разоблачал врагов революции, не особенно заботясь о справедливости тех или иных обвинений. Кроме того, он призывал народ к решительным насильственным дей-

ствиям. Благодаря подобной позиции Марат очень быстро заработал громкую популярность среди простолюдинов и нажил себе большое количество врагов самых разных политических убеждений. Много раз ему приходилось прекращать выпуск газеты и скрываться. После расстрела антимонархической манифестации 17 июля 1791 года «Другу народа» (так теперь зачастую называли самого Марата) даже пришлось бежать в Англию.

Выпуск газеты был возобновлен в апреле 1792 года. После первых неудач военной кампании против Австрии и Пруссии, голос «Друга народа», призывавший к резким и жестоким мерам против врагов революции, стал пользоваться еще большей популярностью. Во многом благодаря пропаганде Марата, в сентябре 1792 года произошли массовые избиения политических заключенных в тюрьмах Парижа. Таким образом, можно сказать, что Марат стал предтечей будущего якобинского террора и одним из основных его идеологов.

Марат был избран депутатом только что созданного Конвента. Он примкнул к монтаньярам. Даже среди крайне левых товарищей по группировке он выглядел радикалом. Он произносил неистовые речи, в которых обличал «врагов революции», требовал казни Людовика, проклинал предателя революции генерала Дюмурье и его бывших покровителей жирондистов. После того как Марат подписал воззвание об истреблении жирондистов, последние добились того, что «Друг народа» был привлечен к суду. Обвиняли его в раздувании вражды между депутатами Конвента, подстрекательствах к убийствам и мятежу. Суд над Маратом стал его триумфом. 24 апреля 1793 года он был оправдан революционным трибуналом и в сопровождении толпы восторженных почитателей вернулся в Конвент. В восстании, начавшемся 31 мая, и свержении жирондистов Марат сыграл роль, пожалуй, сравнимую с ролью Робеспьера.

Жирондисты были вынуждены покинуть Париж, жители которого, во многом благодаря деятельности «Друга народа», были настроены против них. Но в провинции жирондисты могли рассчитывать на поддержку самых разнообразных слоев населения. Там они стали собираться в группы и готовить мятеж против якобинцев. Группы жирондистов собирались во многих французских городах. Была такая группа и в Кане. Скорее всего, именно она и стала косвенной причиной смерти Марата.

В Кане проживала 24-летняя Шарлотта Корде. Женщина эта принадлежала к древнему, но обедневшему дворянскому роду, была правнучатой племянницей знаменитого драматурга Пьера Корнеля. Она получила прекрасное образование, много читала, увлекалась философией. После событий 1789 года мнения в ее семье разделились. Два брата эмигрировали и присоединились к армии роялистов. Но Шарлотта отличалась независимостью своих суждений и не одобряла выбор братьев. Ее симпатии завоевали жирондисты, со многими видными представителями которых она была знакома лично. Когда после восстания в Париже некоторые лидеры жирондистов прибыли в Кан, их рассказы произвели на Шарлотту неизгладимое впечатление. В это время в Париже Марат призывал народ к истреблению жирондистов. Шарлотта Корде решила спасти их от преследований «Друга народа». Она отправилась в Париж.

В столицу Шарлотта прибыла 11 июля 1793 года. Она остановилась в гостинице и весь следующий день провела за чтением. Утром 13 июля Шарлотта купила нож и отправилась на квартиру к Марату. В первый раз ее не пустила привратница, сказав, что Марат болен и не принимает посетителей. Марат был действительно очень болен. Его мучила какая-то кожная болезнь. Исследователи не могут однозначно ответить на вопрос, какую природу имело это заболевание. Одни считают, что это была экзема психогенного происхождения, другие – что Марат страдал от какого-то лишая. В любом случае, болезнь была очень тяжелой. Последние недели Жан Поль старался как можно больше времени проводить в ванне. Только она избавляла его от мучительного зуда.

Не попав к Марату, Шарлотта отправила ему письмо следующего содержания:

«Гражданин, я приехала из Кана. Ваша любовь к отечеству заставляет меня предположить, что вы с интересом узнаете о несчастных событиях в этой части республики. Я приду к

вам около часа. Будьте добры, примите меня и уделите мне минуту для беседы. Я предоставлю вам возможность оказать большую услугу отечеству.

Шарлотта Корде».

Вечером Шарлотта пришла вновь. Марат сидел в ванне и просматривал корректуру очередного номера «Друга народа». Привратница опять не пускала Шарлотту, и тогда она стала нарочито громко говорить: «Как неприятно! Как отвратительно, что я не буду принята!», и так же громко поинтересовалась, получил ли Марат ее письмо. «Друг народа» услышал голоса на лестнице и попросил Симонну Эввар – женщину, с которой он состоял в гражданском браке, пригласить посетительницу войти.

Шарлотта Корде вошла в комнату, где в ванной, накрытой простыней, лежал Марат. Беседа их длилась около десяти минут. Позже, во время следствия, Шарлотта Корде не пересказывала все ее содержание, а рассказала только о кульминационном моменте. Вот ее показание:

«Он спросил меня о характере волнений в Кане. Я ответила ему, что восемнадцать депутатов Конвента правят там в согласии с департаментом; что все мобилизуются для освобождения Парижа от анархистов; что четыре члена департамента повели часть армии в Эвре. Он записал фамилии депутатов, находящихся в Кане, и четырех должностных лиц департамента Кальвадос».

Следователи спросили, что сказал Марат относительно названных ею людей. Шарлотта ответила:

«Он сказал, что в скором времени заставит всех их гильотинировать в Париже... Это были его последние слова. В тот момент я его убила».

Шарлотта Корде все рассчитала точно. Марат держал в руках письменные принадлежности, с помощью которых записывал названные ею фамилии. Естественно, что на посетительницу он в это время не смотрел. Она выхватила нож и ударила свою жертву в грудь. Нож вошел в тело Марата чуть ниже правой ключицы, пробил легкое и дошел до сердца. Марат только успел крикнуть: «Ко мне, мой друг! Ко мне!» и потерял сознание. Через пять минут «Друга народа» не стало. Шарлотта Корде была задержана на месте преступления. Бежать она даже не пыталась.

В тюрьму убийцу удалось доставить с большим трудом: собравшаяся у дома Марата толпа горела желанием устроить самосуд. Как оказалось, Шарлотта была готова и к тому, что ее снова не пустят к намеченной жертве. Перед тем, как второй раз идти к Марату, она заготовила письмо следующего содержания:

«Я послала вам, Марат, письмо сегодня утром. Получили ли вы его? Я не верю этому, так как меня не пустили к вам. Я надеюсь, что завтра вы примете меня. Я повторяю вам, что прибыла из Кана. Я должна открыть вам тайны, чрезвычайно важные для спасения республики. Кроме того, меня преследуют за дело свободы. Я несчастна, и этого достаточно, чтобы я имела право на вашу защиту».

Но и к «благоприятному» исходу своего предприятия Шарлотта тоже была готова. При ней было обнаружено еще одно, написанное заранее, письмо – «Обращение к французам, друзьям законов и мира»:

«О моя родина! Твои несчастья разрывают мне сердце. Я могу отдать тебе только свою жизнь и благодарю Небо за то, что свободна располагать ею».

О мотивах своего поступка Корде говорила следующее: «Это он устроил сентябрьские убийства, он поддерживал огонь гражданской войны, чтобы быть назначенным диктатором, он же покусился на суверенитет народа, заставив 31 мая арестовать и заключить в тюрьму депутатов Конвента». Кроме того, она утверждала, что «убила одного человека для спасения ста тысяч других».

Конечно, следователи подозревали, что у преступницы были сообщники:

– Столь жестокий поступок не мог быть совершен женщиной вашего возраста без чьего-либо подстрекательства.

– Я никому не говорила о своем замысле. Я считала, что убиваю не человека, а хищного зверя, пожирающего всех французов.

Большинство исследователей склонны верить этому заявлению и считают Корде убийцей-одиночкой.

Суд приговорил Шарлотту Корде к смертной казни. 17 июля 1793 года приговор был приведен в исполнение. На эшафот женщину вывели в алом платье – одежде, в которой было принято казнить отцеубийц. До самого конца она сохранила самообладание. После того как равнодушная к человеческим страстям гильотина сделала свое дело, палач поднял отрубленную голову и на глазах у толпы нанес ей пощечину. Согласно некоторым источникам, по толпе прокатился одобрителный гул, в других реакция толпы охарактеризована как ропот возмущения.

14 июля Конвент постановил в полном составе присутствовать на похоронах Марата. Такое же решение принял клуб Якобинцев. Еще до того, как войти в клуб Якобинцев, Марат стал членом клуба Кордельеров – «Общества прав человека и гражданина». Свое название этот клуб получил по месту заседаний в бывшем монастыре кордельеров, так во Франции называли францисканцев. Тело Марата было выставлено в церкви Кордельеров. «Дизайнером» траурной обстановки стал художник Давид. В церкви была сооружена сорокафутовая эстрада. На ней стояло траурное ложе, а рядом – ванна, в которой Марат работал последнее время. Тело было обнажено по пояс, чтобы зрители могли видеть рану. Церемония прощания народа с его «Другом» длилась два дня.

Вечером 16 июля началась погребальная церемония. За гробом, как и было постановлено, шли в полном составе депутаты Конвента, за ним клуб Якобинцев и клуб Кордельеров. Процессия сделала круг по Парижу и вернулась к саду Кордельеров, где уже ближе к ночи состоялось погребение. Марата похоронили в гранитном гроте. Наверху временно установили урну с его сердцем. Позже она была передана в «Общество прав человека и гражданина». Сбоку была сделана надпись: «Здесь покоится Марат, Друг народа, убитый 13 июля 1793 года врагами народа».

Память Марата попытались увековечить примерно таким же способом, как после 1924 года увековечивали память Ленина. В честь него переименовывали улицы, площади, клубы (клуб Кордельеров) и даже около сорока провинциальных городов. Ванна, в которой лежал Марат во время убийства, была вмонтирована в его памятник. Но безусловно бессмертный памятник Марату создал художник Давид. К работе над своей знаменитой картиной «Смерть Марата» он приступил уже через два часа после смерти «Друга народа». Давид был сторонником и другом Марата. Поэтому его полотно, при всех художественных достоинствах, отличается некоторой тенденциозностью. Например, на нем можно рассмотреть две бумаги. Одна только что написана Маратом: «Вы передадите эту пятифранковую ассигнацию матери пятерых детей, муж которой умер, защищая отечество». На второй, которую Марат держит в руках, – цитата из письма Шарлотты Корде: «13 июля 1793 года Анна-Мари Корде гражданину Марату. Достаточно того, что я несчастна, чтобы иметь право на Вашу благожелательность». Давид специально выбрал цитату из второго, не врученного письма, чтобы подчеркнуть великодушные Марата и вероломство преступницы.

Сейчас личность и деятельность Марата оценивают по-разному, кто-то считает его пламенным патриотом и борцом, отдавшим свою жизнь за свободу. Кто-то – жестоким чудовищем, обречшим на смерть сотни людей. Мнения о Шарлотте Корде тоже неоднозначны: от легко внушаемой фанатички до героини, избавившей свою родину от тирана. Вот что писал о себе самом Марат примерно за полгода до смерти:

«...С ранних лет меня пожирала любовь к славе, страсть, в различные периоды моей жизни менявшая цель, но ни на минуту меня не покидавшая. В пять лет я хотел стать школьным учителем, в пятнадцать лет – профессором, писателем – в восемнадцать, творческим гением – в двадцать, тогда как сейчас я жажду славы принести себя в жертву отечеству... Я хорошо знаю, что мои произведения не созданы для успокоения врагов отечества: мошенники и изменники ничего так не боятся, как разоблачения. Поэтому число злодеев, поклявшихся погубить меня, огромно. Вынужденные скрывать свою вражду, свою низкую мстительность, жажду моей крови под покровом любви к человечеству, уважения к законам, они с утра до вечера извергают против меня тысячу жалких и отвратительных небылиц. Из них единственная обманувшая некоторых и беспрестанно ими распространяемая состоит в том, что я – сумасброд, желчный безумец, кровожадное чудовище или подкупленный злодей... Они считают преступлением, что я потребовал голов изменников и заговорщиков. Но требовал ли я когда-либо народной расправы для этих злодеев до того, как они стали безнаказанно выражать презрение к мечу правосудия, а законодатели занялись обеспечением их безнаказанности? И затем, так ли уж велико преступление потребовать пятьсот преступных голов, чтобы сохранить пятьсот тысяч невинных? Уже самый расчет не свидетельствует ли о мудрости и человечности?»

Удивительно, насколько арифметические доводы Марата напоминают математику Шарлотты Корде, утверждавшей, что *«убила одного человека для спасения ста тысяч других»*.

НАЧАЛО КАТАСТРОФЫ

ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД

(1863–1914)

Австрийский эрцгерцог, племянник императора Франца-Иосифа I, наследник престола. Один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины. Убит членами организации «Молодая Босния». Его убийство стало причиной нападения Австро-Венгрии на Сербию и, тем самым, развязало Первую мировую войну.

«Миру, вероятно, никогда не будет сказано все о подлинной стороне убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда. Судя по всему, мы никогда не будем иметь ни одного человека, который знал бы все, что надо было бы знать». Так сказал сэр Эдуард Грей – министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 годах.

Историки до сих пор спорят об истинных причинах начала Первой мировой войны. Мнения высказываются самые разные. Некоторые считают, что к 1914 году война назрела и необходим был только детонатор, который приведет к взрыву. Другие считают, что война должна была состояться на несколько лет позже. Часть историков придерживаются того мнения, что войны можно было избежать. Наконец, даже существует точка зрения, согласно которой Первая мировая война началась случайно. Разную роль отводят и убийству эрцгерцога Фердинанда: от случайности, приведшей к неизбежному, до непосредственной причины катастрофы. В любом случае, случайно или закономерно это убийство, именно его последствия вовлекли мир в самую страшную из всех происходивших до этого войн.

Поскольку убийство эрцгерцога Фердинанда было политическим, мы начнем эту главу с краткого описания ситуации на Балканах, предшествующей этому событию. Сразу нужно оговориться, что существуют различные, в том числе и диаметрально противоположные мнения об участниках описываемых в дальнейшем событий. Согласно официальной советской истории: Австро-Венгрия – «тюрьма народов», Франц-Фердинанд – захватчик, а Гаврило Принцип – борец за свободу и национальный герой Боснии. Такого же мнения в основном придерживались и югославские историки. Существуют более нейтральные суждения. В них речь идет о борьбе между двумя государствами за спорную территорию. Наконец есть точка зрения, в рамках которой Франц-Фердинанд рассматривается как мудрый и стремящийся к миру политик, а его убийцы – марионетки в руках Сербских спецслужб, старавшихся расшатать и без того балансирующую на грани войны Европу. Не являясь специалистами в данном вопросе, мы будем стремиться к беспристрастному изложению фактов.

Сараево – столица Боснии и Герцеговины. В VI–VII веках территорию Сербии, Боснии и Герцеговины заселили славяне. В XII веке появилось Боснийское княжество, а в XIV – королевство, включающее и Герцеговину. С середины пятнадцатого Босния и Герцеговина вошли в состав Османской империи. 400 лет не прошли даром. Большая часть населения приняла ислам. В 1875 году в Боснии и Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание, которое поддерживали многие европейские страны. В 1878 году Босния и Герцеговина ненадолго получили независимость. Но состоявшийся в этом же году Берлинский конгресс решил: «Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией». Формально Босния и Герцеговина продолжали принадлежать Турции. В 1908 году Австро-Венгрия воспользовалась

ослаблением позиций России после русско-японской войны и аннексировала⁴⁴ Боснию и Герцеговину.

В XII веке Сербия превратилась в довольно крупное государство. После поражения сербских и боснийских войск в битве на Косовом поле (в 1389 году) – вошла в состав Османской империи. Первое сербское восстание (1804–1813) поначалу достигло успеха: восставших поддержала Россия. После завершения Русско-турецкой войны 1806–1812 годов Сербия получила право на внутреннее самоуправление. Но уже в 1813 году Турция напала на Сербию и власть в стране снова перешла к туркам. В результате второго сербского восстания (в 1815 году) Сербия получила частичную внутреннюю автономию. В 1830–33 годах, опять же при содействии России, Сербия стала автономным княжеством, а после Берлинского конгресса (1878 год) – самостоятельным государством.

Впрочем, страной продолжал править князь, а после 1882 года король, Милан Обренович (династия Обреновичей управляла Сербией и при турках). В 1889 году из-за многочисленных скандалов, связанных с растратой государственной казны, он был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Александра. Но мало что изменилось. Государственные деньги продолжали тратиться в основном на удовлетворение нужд короля, его жены, королевы Драги, и ее многочисленных родственников. В период с 1878 по 1903 год Сербия, не без участия Обреновичей, постепенно попала в серьезную финансовую зависимость от Австро-Венгрии. В 1903 году в Белграде произошел дворцовый переворот, в результате которого Александр (последний из Обреновичей) и Драга были жестоко убиты. На престол вззошел Петр Карагеоргиевич. Для Австро-Венгрии такие перемены были не очень выгодны: лакомый кусочек выпадал прямо из рта. Но ничего не поделаешь, Сербию с Карагеоргиевичем во главе поддерживали Россия и Франция.

Теперь власть в стране принадлежала бывшим заговорщикам, военной элите Сербии, приведшей Карагеоргиевичей на трон. Эта группа, под эгидой идеи объединения славянских народов, стремилась к расширению территории государства. В частности они имели виды на территорию Боснии и Герцеговины. Во главе бывших заговорщиков стоял руководитель военной разведки Сербии Драгутин Дмитриевич, известный еще под псевдонимом Апис⁴⁵. Первая мировая война могла разгореться и в 1908 году, когда Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. В Сербии была объявлена мобилизация. Но Россия дала согласие Австро-Венгрии на аннексию. А самостоятельно Сербия, естественно, не могла противостоять могучей империи. Однако амбиции правящих кругов Сербии не ослабевали. Их целью было создание на основе Сербии единого государства южных славян. Была организована целая сеть тайных обществ, так или иначе связанных с «Черной рукой» – заговорщицкой террористической организацией, во главе которой стоял все тот же Драгутин Дмитриевич. Дмитриевич и его соратники не оставляли надежд на присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины.

В 1912–1913 годах состоялись две балканские войны. Первая – между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией. В ее результате Турция потеряла почти все свои европейские владения. Во второй войне между собой схлестнулись победители первой. Мирно поделить вышедшие из-под контроля Турции земли не удалось. Во второй войне Болгария воевала против Греции, Сербии и Черногории, к которым позже присоединились Румыния и, как это ни странно, Турция. К Сербии в результате этой войны отошли территории Северной Македонии.

Франц-Фердинанд-Карл-Луис-Мария Габсбург-Лотарингский д'Эсте родился в 1863 году. Он был сыном эрцгерцога Карла-Людвига – младшего брата Франца-Иосифа, императора Австро-Венгрии. В молодости служил в армии. Затем много путешествовал. В 1889 году его

⁴⁴ А н н е к с и я – насильственное присоединение всей или части территории другого государства.

⁴⁵ А п и с – в др. – египетской мифологии священный бык. Прозвище, полученное за выдающуюся физическую силу.

кузен, сын Франца-Иосифа, покончил с собой. Формальным наследником австро-венгерского престола стал Карл-Людвиг, но было понятно, что он вряд ли переживет своего правящего брата. И действительно: в 1896 году отец Франца-Фердинанда скончался, сделав тем самым сына наследником престола. В 1898 году Франц-Фердинанд был назначен заместителем главнокомандующего австрийской армии. Главнокомандующим был сам император. В 1900 году, вопреки возражениям Франца-Иосифа, Фердинанд сочетался морганатическим браком с графиней Софией Хотек, которую страстно любил. Так как София Хотек не принадлежала ни к какой из королевских династий, брак был заключен на том условии, что дети супругов не смогут претендовать на престол.

В 1908 году Франц-Фердинанд, к тому времени значительная политическая фигура, стал одним из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины. Одной из основных политических идей Франца-Фердинанда было создание триединого австро-венгро-южнославянского государства. Планы эти можно рассматривать по-разному. С одной стороны, подобный проект выглядел как попытка захвата новых земель. Но приводят и иные мотивы. Франц-Фердинанд считал, что в правящих кругах Австро-Венгрии слишком большую роль играло венгерское дворянство. Создание триединого государства должно было ограничить его политический вес. Кроме того, славянские народы были серьезной центробежной силой империи. Образование третьей, славянской, части государства, входящей в империю на равных с Австрией и Венгрией, могло предотвратить развал страны. Интересно, что при этом Франц-Фердинанд резко возражал против развязывания войны с Сербией. Он не без основания опасался вмешательства поддерживающей «братьев славян» России.

Теперь несколько слов об убийцах. В 1912 году в Сараево образовалась организация «Молодая Босния». В организацию входили сторонники выхода Боснии и Герцеговины из состава Австро-Венгрии и объединения ее с Сербией. Эта организация имела тесные связи, а по многим источникам, даже находилась под руководством упоминавшейся ранее «Черной руки». Участники будущего убийства студенты Гаврило Принцип, Неделько Габринович, Трифко Грабеца и некоторые другие были членами «Молодой Боснии». Зная заранее о визите эрцгерцога в Сараево, они составили план покушения.

Гаврило Принцип, Трифко Грабец и Неделько Габринович поехали в Сербию. Там под руководством Дмитриевича они прошли специальную подготовку: их обучали стрельбе, способам прорыва через линию охраны, метанию бомб. Затем заговорщики получили оружие (бомбы, гранаты и пистолеты) и яд, чтобы покончить с собой в случае поимки. Ночью с 1-го на 2 июня 1914 года они перешли границу с Боснией. Здесь их ждали сообщники: молодой преподаватель Данил о Илич и студент Цветко Попович.

25 июня в Боснии начинались военные маневры, на которых должен был присутствовать Франц-Фердинанд. Сроки маневров и день визита были выбраны достаточно странно. 28 июня – в день битвы на Косовом поле появление в Сараево наследника австрийского престола могло вызвать недовольство сторонников независимости и просербски настроенной части населения. Более того, информация о готовившемся покушении дошла до сербского посла в Вене Иовановича, и он предупреждал об этом представителей австрийских властей, но Франц-Фердинанд от поездки не отказался.

25 июня на военном корабле Франц-Фердинанд вместе с женой Софией прибыл в боснийский город Илиджа. Эрцгерцог должен был присутствовать на военных маневрах австрийской армии. Также есть сведения, что 25 июня вместе с Софией Фердинанд инкогнито посетил Сараево. На улицах супругов часто узнавали, так как портретами эрцгерцога накануне визита в Сараево пестрели все газеты. Жители города вроде бы радушно принимали высоких гостей и не выражали враждебности.

Маневры прошли благополучно. 28 июня должна была состояться официальная часть визита: проезд эрцгерцога по Сараево, посещение мэрии, музея и арсенала. Облегчало задачу заговорщиков то, что маршрут движения кортежа был опубликован в газетах заранее.

Утром 28 июня эрцгерцог Франц-Фердинанд и София побывали на утренней мессе. Затем кортеж из четырех автомобилей медленно двинулся по набережной Аппель реки Милячка. Встреча была торжественной. Вдоль улицы стояли толпы проавстрийски настроенных жителей города и просто любопытных. Несмотря на предупреждения, австрийцы уделили охране мало внимания: солдат на улицах не было. За порядком следили только полицейские, да и тех было не много, всего 150 человек. По настоянию эрцгерцога верх машины был открыт, для того чтобы он мог отвечать на приветствие встречающих. Машина эрцгерцога ехала в кортеже второй.

Заговорщики распределились таким образом: на первом по пути следования кортежа мосту Цумурья занял позицию Неделько Габринович, остальные участники покушения (не меньше шести человек) расположились вдоль дальнейшего пути следования эрцгерцога и были готовы завершить начатое, если Габриновичу удача не улыбнется.

Когда кортеж подъехал к мосту – Неделько Габринович обратился к стоявшему рядом полицейскому с просьбой показать автомобиль эрцгерцога. Пока полицейский отвечал на вопрос «любопытного молодого человека», тот бросил в машину бомбу. От первого в этот день покушения эрцгерцога спас шофер. Он успел нажать на педаль газа, бомба отскочила от брезентового верха автомобиля и взорвалась под колесами следующей машины. Правда, по свидетельствам некоторых очевидцев, эрцгерцог сам отбил рукой летящую бомбу. «Мне всегда казалось, что может произойти нечто подобное», – спокойно произнес Франц-Фердинанд. Взрыв был сильным. В окнах близлежащих домов посыпались стекла. Кроме того, бомба была начинена проволокой и гвоздями. В результате взрыва были ранены два офицера и около двадцати человек из толпы. Софии Хотек слегка оцарапало шею. Габринович прыгнул с моста в реку, но его вытащили и арестовали. Эрцгерцог приказал остановиться, распорядился, чтобы раненым оказали первую помощь, после чего кортеж продолжил путь.

Без дальнейших происшествий эрцгерцог прибыл в мэрию. Мэр Сараево Фехим Чурчич, еще не знавший о случившемся, обратился к Францу-Фердинанду с приветственной речью, но эрцгерцог резко прервал его: «Господин мэр, к чему ваши речи?! Я прибыл в Сараево с дружественным визитом, а в меня кто-то бросил бомбу. Это возмутительно!»

Казалось бы, шансов осуществить задуманное у заговорщиков почти не оставалось. Было понятно, что теперь бдительность охраны усилится и эрцгерцог больше не станет медленно развезжать по городу, приветствуя его жителей. Но судьба решила иначе. Уже отчаявшись добиться успеха, Гаврило Принцип зашел в магазин «Мориц Шиллер деликатессен», на углу набережной и улицы Франца-Иосифа.

Маршрут дальнейшего движения кортежа действительно был изменен. После приема в мэрии Франц-Фердинанд и София Хотек решили ехать в больницу, чтобы навестить раненого. Если несколькими часами раньше бдительность водителя спасла эрцгерцогу жизнь, то теперь все произошло с точностью до наоборот. Кортеж на большой скорости, чтобы избежать нового покушения, ехал по набережной Аппель. Но водитель переднего автомобиля, придерживаясь старого плана визита, свернул на улицу Франца-Иосифа. За ним повернул и автомобиль эрцгерцога. Находящийся в автомобиле вместе с Францем-Фердинандом и Софией боснийский губернатор генерал Оскар Потioreк закричал: «Что ты делаешь? Мы же хотели ехать по набережной. Разворачивайся!» Водитель остановился и дал задний ход. Буквально случайно в пяти метрах от автомобиля оказался Таврило Принцип.

Принцип понял, что бросить находившуюся при нем бомбу он не успеет. Тут и пригодились занятия стрельбой. Вот что рассказывала о дальнейших событиях одна из свидетельниц: «В нескольких шагах от нас юноша в темной одежде вынул из кармана револьвер и начал

стрелять в направлении автомобиля. Наступило общее замешательство, люди с криками побежали в разные стороны. Никогда не забуду все увеличивавшегося кровавого пятна на белом платье жены эрцгерцога». Одна пуля попала в шею эрцгерцогу, пробила артерию и застряла в позвоночнике. Еще одна, правда, поразила Софию Хотек, что вряд ли входило в замыслы заговорщиков. Есть мнение, что Принцип пытался попасть в генерала Потioreка. Эрцгерцог еще успел обратиться к жене со словами: «София, София, не умирай. Останься жить ради наших детей». На, казалось бы, неуместный вопрос генерала Потioreка: «Не больно ли ему», Фердинанд ответил: «Это чепуха». Супруги скончались через несколько минут по дороге в больницу. Охранники схватили Принципа и повалили на землю. Проглотить яд или застрелиться он не успел. Заговорщику нанесли несколько ударов, в том числе и сабельных. Позже уже в тюрьме ему ампутировали руку.

Суд над заговорщиками состоялся 28 октября 1914 года. К суду было привлечено более двадцати человек. На суде заговорщики принесли свои извинения детям Франца-Фердинанда и Софии Хотек, которых оставили сиротами. Признанный судом организатор покушения Данило Илич был осужден на смертную казнь. Таврило Принцип, Неделько Габринович и Трифко Грабец, как несовершеннолетние (Принципу было 19, а двоим другим – по 18 лет), приговорены к двадцати годам каторжных работ. Цветко Попович – к тридцати годам тюрьмы. Кроме последнего, все заговорщики умерли в тюрьме от туберкулеза и постоянного недоедания. Габринович и Грабец – через два года. Принцип – через четыре.

Пару слов необходимо сказать о последовавших после убийства событиях. Известие об убийстве было встречено мощными антисербскими манифестациями проавстрийски настроенной части населения Сараево. Дело дошло до погромов и грабежа сербских магазинов, школ и даже церквей. 4 июля Франц-Фердинанд и София Хотек были торжественно похоронены в Вене. Для австрийских властей было очевидно, что в организации убийства участвовали сербы. Но война разгорелась не сразу. 23 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум. Из десяти пунктов этого ультиматума два были абсолютно не приемлемы для Сербии: проведение австрийскими властями расследования на территории Сербии и введение ограниченного контингента войск на ее территорию. 24 июля Россия приняла решение о частичной мобилизации. 25 июля Сербия заявила Австро-Венгрии о своем желании разрешить конфликт мирным путем, но при этом указала на невозможность выполнения некоторых требований ультиматума. В ответ на это 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии и начала военные действия на границе. 30 июля, после долгих колебаний, Николай Второй подписал указ о всеобщей мобилизации. В ночь на 1 августа союзная Австро-Венгрии Германия предъявила России ультиматум с требованием отменить мобилизацию. Вечером 1 августа, получив отказ на предъявленный ультиматум, Германия объявила войну России. 3 августа в войну вступила союзница России Франция. Первая мировая война охватила Европу.

Ну и закончить эту главу хочется новостями наших дней. Недавно в Сараево был восстановлен уничтоженный во время военных действий девяностых годов мемориал. На том самом месте, с которого стрелял Гаврил о Принцип, можно видеть в мостовой отпечатки его ног. Горожане относятся к восстановлению памятника по-разному. И по сей день часть из них считает Принципа национальным героем, а часть – жестоким террористом.

...И УМЕРЛИ В ОДИН ДЕНЬ

**ЛИБКНЕХТ КАРЛ
ЛЮКСЕМБУРГ РОЗА**

(1871–1919)

Карл Либкнехт – основатель Коммунистической партии Германии. Призывал к свержению правительства, ведущего войну. Вместе с Розой Люксембург основал газету «Rote Fahne». Зверски убит.

(1871–1919)

Роза Люксембург – одна из лидеров польской социал-демократии, леворадикального течения в германской социал-демократии и 2-м Интернационале. Одна из основателей Коммунистической партии Германии. Выступала против милитаризма. Зверски убита.

«Они жили долго и счастливо и умерли в один день» – так представлял себе идеал семейного счастья писатель Александр Грин. Его слова вполне можно отнести к одной из знаменитейших супружеских пар XX века – Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Впрочем, вряд ли романтик Грин счел бы двойную смерть от руки убийц приемлемым сюжетом для какого-нибудь из своих творений... Равно как и супружество, основанное на революционной борьбе, – а ведь Карл и Роза были не просто супругами, но и соратниками, «горячо преданными делу революции и лучшим силам германского пролетариата».

Карл Либкнехт и Красная Роза прошли тюрьмы, долгое время находились на нелегальном положении – и стали лидерами левого крыла германской социал-демократии, основали Коммунистическую партию Германии. Они возглавили Германскую революцию 9 ноября 1918 г. – и вскоре демократическое правительство объявило награду за их головы в 100 000 марок... 15 января 1919 года Карл и Роза были схвачены и расстреляны, причем руководил убийцами будущий глава нацистской разведки Канарис. Труп Розы бросили в канал и выловили только месяц спустя. В Советском Союзе ее именем называли заводы, улицы, пароходы; и в то же время ее работы не издавались, а «люксембургизм» было объявлено одной из партийных ересей. Лишь в 1923 г. появились первые переводы трудов революционерки на русский язык.

Вот как отзывался о Либкнехте и Люксембург Лев Троцкий:

«...Эти два борца, столь различные по натуре и столь близкие в то же время, дополняли друг друга, шли неуклонно к общей цели, нашли одновременно смерть и совместно входят в историю. Карл Либкнехт представлял собой воплощение несгибаемого революционера. Вокруг его имени создавались... неисчислимые легенды... В личной жизни Карл Либкнехт был воплощением доброты, простоты и братства. Это был обаятельный человек, внимательный и участливый. Можно сказать, что его характеру свойственна была почти женственная мягкость, а наряду с ней его отличал исключительный закал революционной воли, способность бороться во имя того, что он считал правдой, до последней капли крови...

Имя Розы Люксембург менее известно... Но это была фигура отнюдь не меньшая, чем Карл Либкнехт. Маленького роста, хрупкая, болезненная, с благородными чертами лица, с прекрасными глазами, излучавшими ум, она поражала мужеством своей мысли... У нее было много врагов! Силой своей логики, могуществом своего сарказма она заставляла молчать самых заклятых своих противников... Силою теоретической мысли, способностью обобщения Роза Люксембург на целую голову превосходила не только противников, но и соратников. Это была гениальная женщина. Ее стиль – напряженный, точный, сверкающий, беспощадный – был и останется навсегда верным зеркалом ее мысли.

Либкнехт не был теоретиком. Это был человек непосредственного действия. Натура импульсивная, страстная, он обладал исключительной политической интуицией, чутьем массы и обстановки, наконец, несравненным мужеством революционной инициативы... Анализа внутренней и международной обстановки... можно и должно было ждать прежде всего от Розы Люксембург. Призыв к непосредственному действию...к вооруженному восстанию исходил бы... от Либкнехта».

Карл Либкнехт не мог не стать социалистом – у него не было ни малейшего шанса избежать политической стези. Отец Карла, Вильгельм Либкнехт, был известнейшим политическим деятелем Германии, социалистом. В 1848 г. он за свои взгляды попал в тюрьму, откуда через год бежал и нелегально пересек границу. Тогда он сблизился с К. Марксом и, вернувшись в Германию в 1862 г., занялся активной пропагандой марксизма, стал одним из основателей Социал-демократической партии Германии и даже депутатом рейхстага. В 1872 г. Вильгельм Либкнехт снова был осужден по обвинению в государственной измене, а после выхода из заключения продолжил свою политическую деятельность.

В 1871 г. у Вильгельма родился сын, получивший имя в честь Карла Маркса. Именно «Д-р Карл Маркс из Лондона, Фридрих Энгельс, рантье в Лондоне» значатся в приходской книге «восприемниками» новорожденного. Маркс и в самом деле стал духовным отцом Либкнехта-младшего, жизненный путь которого был определен уже с колыбели. Карл Либкнехт во многом повторил судьбу отца – сидел в тюрьмах, обвинялся в государственной измене, возглавлял партию.

Карл учился в университетах Лейпцига и Берлина, получил юридическое образование и стал адвокатом. В возрасте 29 лет он вступил в ряды Социал-демократической партии Германии, а в 1904 г. отстаивал в суде интересы русских и немецких социал-демократов, обвинявшихся в нелегальном ввозе в страну запрещенной партийной литературы. В своей судебной речи, которая стала его первым политическим выступлением, Карл обличал репрессивную политику Германии и России в отношении революционеров. В дальнейшем он последовательно выступал против идеи постепенных реформ, выдвигаемой правыми социал-демократами, уделяя большое внимание антивоенной агитации, политической работе с молодежью и продвижению революционной идеологии.

Верный своим взглядам, Либкнехт с энтузиазмом принял российскую революцию 1905–07 гг. и призывал германский пролетариат последовать примеру русских рабочих. Вместе с Р. Люксембург он возглавил левое течение германской социал-демократии, оформившееся именно в эти годы.

К. Либкнехт стал одним из основателей Социалистического интернационала молодежи (1907) и возглавлял его до 1910 г. В 1907 г. прошла первая международная конференция молодежных социалистических организаций, где К. Либкнехт выступил с докладом о борьбе с милитаризмом, за что был приговорен к тюремному заключению. Тем не менее в 1908 г. его избрали депутатом прусской палаты депутатов, а в 1912 – депутатом германского рейхстага. И даже там Либкнехт продолжал вести антивоенную политику, открыто обвиняя хозяев монополий во главе с Круппом в разжигании войны.

Кульминацией довоенной политической деятельности Либкнехта стало парламентское голосование по предоставлению военных кредитов Германии. II Интернационал (международное объединение рабочих партий, основанное в 1889 г.) 30 июня 1914 г. принял постановление об усилении антивоенной деятельности. Германская социал-демократическая партия, одна из основных сил II Интернационала, в воззвании, опубликованном 25 июля 1914 г., призывала рабочих к протесту против милитаризма. Однако 31 июля, в день объявления военного положения и фактического начала военных действий, комитет партии призвал рабочих «терпеливо ждать до конца», а социал-демократическая фракция рейхстага решила «голосовать за требуемые правительством кредиты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.